

Познание основ православной веры

Священномученик Андроник, архиепископ Пермский

Владимир Никольский, будущий священномученик Андроник, родился 14 (1) августа 1870 г. в селе Поводнево в день крещения Руси князем Владимиром. В честь этого великого русского святого и назвали первенца. Уже на третий день священник Петр Богословский крестил мальчика с этим именем. Дед Владимира – Георгий - был священником села Княжево в Мышкинском уезде Ярославской губернии; отец – Александр – сначала был псаломщиком в храме села Георгиевского в Юхти, а затем - в храме Преображения Господня села Поводнева; мать – Екатерина – всю жизнь была его верной спутницей жизни и помощницей в делах.

Володя воспитывался в благочестии, участвуя в церковных службах и помогая отцу возделывать землю, которая в тех местах была неплодородна, так что с детства он был приучен к любому труду. «Мой отец, - рассказывал впоследствии владыка Андроник, - занимался хозяйством. Но ухаживали мы это хозяйство своими руками, нанимая разве только

одну работницу на сенокос». В свободное время Володя ходил с ребятами на Волгу, играл с ними, как и все дети, бегая по холмам и равнинам, а в воскресенье все вместе ходили в храм, постоянно причащаясь Святых Христовых Таин. Особо ребята почитали блгв. кн. Александра Невского, пытаясь подражать ему в своих военных играх, а проповеди о нем всегда слушали с большим вниманием. Под спудом в теплом храме почивали мощи преп. Кассиана Грека, поэтому к этому святому Владимир не раз обращался за помощью.

Были у Володи и сестры, с которыми он тоже не забывал играть и заботиться о них, поэтому Екатерина особо выделяла среди детей своего первенца, видя в нем нечто особое, светлое, прикасаясь к которому, становится тепло на сердце.

В 1879 г. Владимир поступает в подготовительный класс Угличского духовного училища, находящегося в 11 верстах от родного села. На следующий год – переводится в первый класс училища. Все года учебы Володя проводил в старательном изучении книг, так что с успехом оканчивал каждый класс. В 1884 г. ему предложили перевестись в 1 класс семинарии, но он предпочел не бросать друзей и остался с ними на повторный курс, и лишь на следующий год перевелся в 1 класс.

Дома приходилось быть редко: летом, да зимой, когда отпускали на Святки. В одни из таких зимних каникул, когда матушка отвозила сына обратно в семинарию, у нее случился

сердечный приступ. Был 1891 год – оставалось всего пол года до окончания семинарии. Проводив мать в вечную жизнь, Владимир обрел и утешение – отца рукоположили в диакона, а вскоре и сам он, окончив семинарию, был рукоположен в Ростовском Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре епископом Угличским Амфилохием.

*Владимир Александрович Никольский с отцом, диаконом Александром,
с сестрами Елизаветой и Марией*

За отличную учебу в семинарии Володю с еще одним «перворазрядником» рекомендовали в Московскую Духовную Академию (МДА). После успешных испытаний их зачислили в академию. Занятия начинались с 28(15) августа. «В продолжении первых двух лет я ходил как кандидат монашества, - писал будущий священномученик, - ибо я уже заявил свое желание быть монахом и выжидал времени, как мне то будет позволено начальством». Благословение и совет на монашество Владимиру дал сам прав. Иоанн Кронштадский. Он приезжал в академию как раз летом 1893 г.

Владимир принял монашество с именем Андроник, что значит в переводе с греческого «победитель мужей». Это произошло 13 (31) июля 1893 года, перед днем его рождения, в храме Московской Духовной академии. Во время всеобщей молитвы после великого славословия ректор академии архимандрит Антоний (Храповицкий) постриг его в монашество и нарек ему имя Андроник в честь преподобного Андроника, ученика преподобного Сергия Радонежского. При постриге архимандрит Антоний сказал ему: «Почитай себя стоящим над пропастью или висящим над нею на протянутом сверху вервее и громко взывающим о помощи к Совершителю нашего спасения. Дни духовных восторгов и часы сладостных созерцаний пусть не отделяют от тебя мысли о предстоящей опасности; пусть не ввергают тебя в последующие часы и дни в самоуверенную беспечность, но, напротив, да снабжают они тебя силою и новым подвигом... Пусть и эти первые дни... ослабят врага совершенно, укрепив тебя дарами Божественной благодати, и наипаче благодати смирения, дабы эти

священные дары, раздаваемые затем Богом через труды твои многим и многим, никогда не надмевали тебя, но лишь преисполняли сердце твое любовью к людям и прославлением Искупителя, дабы не по названию только, но и на самом деле являлся ты носителем образа ангелов, всегда сослужащих спасению людей и воспевающих во веки Творца».

Через несколько дней, 19 (6) августа, монаха Андроника рукоположили в иеродиакона.

Во время учебы в МДА о.Андроника особо интересовала тема духовной подготовки воспитанников духовно-учебных заведений, поэтому он много времени посвятил этому вопросу. Что нужно, чтобы поднять дух пастырей церкви, как улучшить дело подготовки к служению, чтобы воспитанники выходили людьми с высокими пастырскими стремлениями? Во многом иеродиакон учился у своего ректора, который давал учащимся пример во всем, заботясь, в первую очередь, о духовном состоянии воспитанников. Владыка Антоний воспитал в своих учениках благоговение к службе, Таинствам Церкви. Он говорил им: «еще недавно, на нашей памяти, в благочестиво настроенных патриархальных сельских приходах и даже иногда в среде общества образованного, можно было встречать пастырей, так настроенных и так окружаемых людьми, что их беседа с паствой и дома у них, и в собраниях, и где угодно, ничем почти не различалась от беседы на исповеди: спасение души, воля Божия, истина Божия - вот что всегда являлось предметом взаимообщения пастыря с паствой. Высший образец таких отношений являют собою монастырские старцы, к которым приходят для исповедания помыслов и за руководственными советами монастырская братия и все православные христиане со всех концов мира. Ответы и советы старца приемлются как голос Божий и преступить их люди почитают смертным грехом по подобию греха Адама и Евы. - Не думайте, что такое, или хотя бы подобное, отношение к пастве, даже к приходящим на исповедь, есть нечто совершенно недостижимое для обыкновенного духовника: большинство нашего духовенства само не знает, какая великая духовная сила находится в руках верующего

духовенства». Позднее о. Андроник будет вспоминать «доброе время жизни в академии», когда «вместе с о. И.А. и другими ходили в скиты на богомолье или на совет к старцам». Так постепенно возмужал дух будущего архипастыря, привыкшего возлагать надежды не на себя, а на волю Божию.

Архимандрит Антоний (Храповицкий), ректор Московской Духовной академии (в центре), иеромонах Сергей (Страгородский), инспектор академии (слева от него), иеродиакон Андроник (Никольский), крайний справа

На 3-ем курсе у иеродиакона Андроника ухудшилось здоровье, и его направили на лечение кумысом в Самарскую губернию вместе с инспектором Академии иеромонахом Сергием (Страгородским). Вместе они много беседовали о миссионерском служении в Японии, на почве чего бывали и споры. Отец диакон поначалу считал, что просвещение своего народа гораздо важнее, поэтому нечего ездить в дальние страны, но благодаря о. Сергию, который хотел вернуться в Японию, начал понимать обратное: «... удивительное дело, после этих споров я в душе решил, что отцу С. лучше возвратиться туда, иначе он здесь заскучает, мучаясь совестью, что оставил святое Божие дело. А если он туда поедет, то и я с ним вместе туда же непременно. Так я и решил в душе, хотя твердо предполагал, что отца С. не отпустят вторично из России, как человека весьма нужного, а значит, и мне там не бывать, ибо один я не поехал бы». Конечно, большую роль в этом сыграла подготовка к печати некоторых писем о.Сергия до путешествия в Японию и из нее, что предложил сделать еще архиеп. Владимир Казанский. Обсуждая и анализируя их, о.Андроник уже тогда знакомился с бытом японцев и трудностями миссионерского служения.

В начале 4-го выпускного курса нужно было писать сочинение. Иеродиакон выбрал тему – «Древне-церковное учение об Евхаристии как жертве в связи с вопросом об искуплении». «Искупление есть усвоение Христом Себе нас», - писал о. Андроник, раскрывая подробно вопрос о том, что наше спасение во Христе есть наше усвоение Христа себе. Во второй и третьей главах он обосновал понимание Евхаристии, как жертвы. Работу оценили как

собрание текстов, не представляющее собой особой значимости, лишь через много лет, в 21-м веке она будет издана цельной книгой, представляющей собой большую ценность. С особым волнением читаются страницы, где говорится о мученичестве, ведь о. Андроник своей жизнью и смертью доказал, что «мученики за веру Христову суть живая и святая жертва Богу, как совершенно все презревшие ради общения духом с Христом». В то же время работа осталась незамеченной, хотя и успешно принятой для получения степени кандидата богословия. По окончании МДА о. Андроник назначается помощником инспектора Духовной семинарии Кутаиси.

4 августа (22 июля) 1895 г., в день св. мироносицы Марии Магдалины, иеродиакон Андроник рукополагается в иеромонаха. В следующем году венчается его сестра, а он – получает первую священническую награду – набедренник, и переводится на кафедру гомилетики и соединенных с нею предметов в Александровскую миссионерскую духовную семинарию на Северном Кавказе в Ардоне. Позднее он назначается инспектором семинарии.

Мысли о Японии не оставляли молодого и полного сил иеромонаха. Он ведет постоянную переписку с о. Сергием, теперь уже архимандритом, назначенным настоятелем посольской церкви в Афинах: «Если Богу угодно, чтобы мы были в Японии, так это непременно так и будет, и обстоятельства так сложатся, и поэтому будем спокойны. А мне сдается, что мы непременно там будем». Но и здесь, на Кавказе, иеромон. Андроник несет апостольский труд. Крестьяне-осетины во многом доверявшие миссионерам, жаждали христианского просвещения, поэтому о. Андроник много времени проводил с ними в горах, идя навстречу каждому. Повседневное общение с этими простыми людьми доставляло молодому преподавателю огромную радость: «Приятно было видеть этих горных вояк, постепенно из дикарей превращающихся в мирных граждан, приятно было видеть их любовь

и усердие к храму и школе, на которые они тратят все свои силы». За время его пребывания здесь желающих учиться в семинарии было во много раз больше, чем она могла принять. Это воодушевляло о.Андроника к новым трудам. Он писал: «Я узнал подробно и на месте все дело Осетии и полюбил его душевно и никуда бы я не желал оттуда уходить или быть переведенным».

3 апреля (20 марта) 1897 г. «за усердную и полезную службу по семинарии и частое проповедание им слова Божия» о.Андроник определением Святейшего Синода возводится в звание соборного иеромонаха Ставропигиального Московского Донского монастыря, но при этом остается в Ардоне. В июле он получает письмо от о.Сергия о том, что тот решил ехать в Японию и в Святейшем Синоде указал на иеромонаха Андроника, как на могущего ехать с ним. Это известие опечалило о.Андроника, но будучи уверен, что его не отпустят с семинарии, ответил, что по-прежнему желает этого, но не хочет оставлять Ардон, который стал для него родным. Однако его надежды не сбылись – как бы ни было жалко, но его отпустили, когда 16 (3) сентября указом Синода пришло новое назначение – миссия в Японию. Этим же указом он был награжден золотым наперсным крестом. Архим. Сергей Страгородский назначен помощником начальника Японской миссии.

О.Андроник не был готов к поездке в Японию, тем паче в самом начале учебного года, невольно наворачивались слезы. Попрощавшись с преподавателями и учениками, он выехал в Санкт-Петербург. Тяжело было расставаться с тем, что так быстро полюбилось, но «это то и вложило мне мысль, что не так живи, как хочется, а как Бог велит, что по возможности не имей никаких конечных, хотя бы и благородных привязанностей, ибо всякая привязанность уже по самому своему имени есть ограниченность и несвобода духа, а ведь к этой именно свободе духа мы и должны всячески стремиться; напротив, делай всякое данное тебе дело, высокое или среднее, и даже по видимости унижительное, как самое свое задушевное дело, ибо оно есть только поручение свыше для единой истинной цели всего мира, а не самоцель». Иеромонах Андроник навещал родных, побывал в Москве и Казани, где также попрощался с друзьями и знакомыми, но теперь он ехал уже с легким сердцем, на то дело, которое вручил ему Сам Господь. Проездом он остановился в Киеве, затем в Одессе, где должен был встретиться с о.Сергием.

Где бы батюшка ни останавливался, он везде вел записи о том, что видел и замечал. Особенно его поражал молитвенный дух и благоговение к службе молящихся, но наблюдательный взор все же отмечал и недостатки. Так, в одесском соборе он заметил, что

священник все время должен был вынимать просфоры. «Пусть бы для этого приходил другой священник соборный, - подумал о. Андроник, - чтобы служащий мог служить литургию, как предстоящий пред Богом за народ. Ведь эта забота о вынимании просфор может привести к тому, что в богослужении пастырь утратит всякое воодушевление и для молящихся у него не найдется много духовной силы на утешение и ободрение. Ведь великую тайну спасения всех нужно и совершать именно как тайну благодати, а поэтому самому совершителю ее нужно восчувствовать это, войти в дух священнодействия как можно глубже, чтобы престол был действительно небом – седалищем Царя славы, а священник – ходатаем за народ. Но едва ли это возможно при указанной хлопотливости о внешнем». И все же служба воодушевила молодого иеромонаха: «В последний раз и надолго, а может быть, и навсегда я насмотрелся на широкое море веры, которою богат наш народ. Достаточно малого внимания к его духовным нуждам, и наш народ богато проявит всю силу своей церковности... Ни у одного народа его религия не сделалась как бы свойством самого народа, а народ Русский действительно впитал в себя свое православие, которое стало духом его жизни».

Из Одессы на пароходе «Император Николай II» они с о. Сергием отправились в Афины, где тот должен был забрать свои вещи. Остановившись по дороге в Константинополе, зашли в Софийский Собор, обращенный турками в мечеть. Собор был в ужасном состоянии, но и здесь о. Андроник говорит об этом как о чем-то временном и преходящем, ибо невозможно святому месту всегда находиться в забвении: «По местам обозначаются запачканные изображения Христа, креста Христова и т. п., – время все таки постепенно сглаживает все, что непрочно в природе, какова вся турецкая пачкотня по христианской мозаике, с целью изгладить всякий след ненавистного магометанам христианства. Но нет: как помалу проявляются христианские изображения и знаки, так проявится и истинное назначение сего дивного сооружения мудрого царя Юстиниана. Будет некогда день, и Царь град снова будет осенен знаменем Креста, а знак заходящей и ущербающейся луны действительно зайдет, что бы дать место истинному свету. Это сознают и сами турки: при взятии Софии ярые мусульмане хотели уничтожить в ней всякий след христианства, хотели стереть всю чудную мозаику, но тогдашний мудрый султан запретил, говоря: все равно придет время и опять, может быть, София будет не в наших руках, а перейдет опять к христианам, пусть же все это остается как памятник христианской древности. Он велел только закрасить все христианское и обратить христианский храм Премудрости Божией в мечеть. И теперешние турки как будто сознают свое временное обладание Софией: они нисколько не заботятся о ее чистоте как о месте, которое все таки от них отойдет скоро ли долго ли. Внутри теперь все пусто, никаких

особенных украшений нет, по полу постланы грязные и рваные ковры. В разных углах слышны молитвы магометан, исправляющих полдневный намаз. И замечательно чудный храм: из одного конца его слышно в другом, хотя богомольцы и не громко говорят свои молитвы. Удивительно, почему у нас в России не выстроят ничего подобного Святой Софии в архитектурном смысле, а непременно всякий храм загромождают множеством колонн да переплетов, почему в них и не видно и не слышно ничего». В Смирне о.Андроник также отметит красоту греческих храмов с высокими куполами и колокольнями, восхитится памятником на месте мученической кончины св. Поликарпа Смирнского. И хотя весь этот путь до Пиреи проходил с немалыми трудностями на море, батюшка всегда спешил на палубу, как только появлялись на горизонте местные достопримечательности.

Далее следовал наземный путь до Афин. Хорошо зная этот город, отец архимандрит всю дорогу рассказывает о том, какие изменения произошли здесь за последние годы. О. Андроника интересовало все: состояние духовной жизни, история, политика, - но, что удивительно, о чем бы они не говорили, не было осуждения. Владыка всегда был спокоен, никогда не употреблял грубых слов, а о.Андроник все пытался логически объяснить для себя, завершая любое дело молитвой. Так, в своих записях о взаимосвязи политической и духовной жизни, иеромонах отметил следующее: «теперь греки помаленьку действительно начинают приходить в себя: кроме военных упражнений и пальбы из пушек, которые будто бы во время войны оказались наполненными землей вместо пороха, теперь тщательно обсуждают и дело государственного управления, проверяя и просматривая дела и деятелей и изыскивая исхода в беде. Мало того, новый военный министр Смоленский решил завести полковых священников и проповедников, чтобы насадить чисто церковную и чистую жизнь в войсках. Давно бы нужно додуматься до этого. Дошло дело до того, что даже маленькие ребята хулили все святое. А про общее то настроение народное нечего и говорить: оно сплошь светское и западническое, только еще в худшем смысле, чем на Западе, ибо там это свое, а здесь перенятое из подражания». Со скорбью о.Андроник заметил этот светский дух, который привел людей к презрительному отношению к православным храмам. Да и в самих храмах устраиваются народные собрания по гражданским делам и выборы, на открытии стадионных языческих Олимпийских игр были приглашены даже члены Синода, и совсем не грехом считалось употребление табака духовенством. Какой пример могут дать священники для паствы? От Ареопага, в котором св. апостол Павел проповедовал и привел к вере св. Дионисия Ареопагита, Дамарь и некоторых других, почти ничего не осталось, зато на восстановление языческих достопримечательностей – средства находятся. Вообще, налицо

была видна необразованность духовенства, «менее церковного, чем его паства», но и здесь можно было заметить положительные черты в служении, удивительным образом переплетшиеся с западной культурой. О. Андроник явно чувствовал широкий и глубокий церковный греческий дух, который при «современном европейничании» ужасно загрязнился. Так, побывав в Афинском соборе, батюшка удивился изменениям и сокращениям в службе, небрежности священников и диаконов: «Диакон вышел из алтаря и стал на второй ступеньке амвона, а царские врата, после его выхода из них, затворил, к великому моему удивлению и смущению, какой то фронт в пиджаке и сорочке, и при этом не сбоку как будто затворял, а прямо таки стал посредине врат и захлопнул... Хор пропел только «Достойно и праведно есть» без дальнейших слов... После причащения в алтаре первый священник уже разоблачился, как будто ему и делать теперь уже нечего, и спокойно в одном белом подризнике разгуливал по алтарю... Так конца литургии я и не слышал, ибо шум еще более увеличился и священник уже ничего не говорил, кроме каких то слов при раздаче антидора, может быть, как у нас: «щедр и милостив Господь», а может быть, это и был отпуст и все прочее. Но каково же было мое смущение, когда я увидел, что все мужчины, получивши антидор, тут же надевают шляпы и идут вон или еще продолжают в таком виде разгуливать и разговаривать между собою! Теперь же уже окончилось Божье дело и церковь как будто перестала быть храмом Божиим, следовательно, и шапку на голову, ибо без шапки не просвещенно, не благородно. Да и вообще надо заметить, что хотя народу в храме все время было очень много, но все они стоят да посматривают вверх или по сторонам храма, как будто по новости в чужом месте осматривают все... В этом отношении здешнее богослужение и церковная жизнь мне много напоминает нашу Грузию: то же небрежное, совершенно запросто, обращение со всем священным, спутанность и бестолковость в делах, необразованность духовенства и положительное религиозное невежество паствы и неуважение ее к духовенству, потерявшему в ее глазах почтение, грязь в местах священных, погоня за наживой и т. п. Да, силен дух антихриста в современной жизни; это он все нам преподносит пилюли под разными видами; стараемся ли мы дать им противоядие?». И тут же батюшка сам замечает, что это противоядие есть, от чего богослужение все-таки наполняется молитвой, становится самой простой беседой с Богом, и от Бога чувствуется обращение к Богомольцам с пожеланием им благодати Святого Духа. Это то, что отличает православное богослужение от католического: здесь нет особенной «вычурности и деланности в обрядах», нет ничего притворного и неестественного, от того еще и жив глубокий церковный греческий дух.

После долгих колебаний, по какому пути теперь отправиться до Японии и на каких пароходах, отцы решили ехать через Америку, тем паче Япония была наполнена американскими миссионерами, поэтому знать их обычаи было весьма полезно. По пути заехали в Корфу, побывав у мощей свт. Спиридона Тримифунтского, затем в Бари приложились к раке с мощами святителя Николая Мирликийского Чудотворца.

Доброжелательное отношение католиков Бари к православным паломникам наблюдалось с 30-х гг. XIX в., велся даже специальный журнал посещений – «книга отзывов», но к православным священнослужителям относились ревностно, так что в начале XX века даже не допускали их в епитрахили. Когда о.Андроник хотел подойти к мощам, службу вели католики. Он не смутился этим, но подождав пока отслужат, наблюдал за происходящим: «Диакон у престола же ведут себя весьма легкомысленно и небрежно, даже пересмеиваются с богомольцами и клириками. У католиков настоящих диаконов нет, а те же патеры в богослужении прислуживают служащему, надевая только иное облачение... В храме совершается только одна месса с пением и игрою ежедневно, а остальные тайны. Оказывается, у католиков всякий патер ежедневно должен причащаться: хороший обычай, только бы содержать его на высоте... Когда и на престоле святого Николая патер окончил свою мессу, нас пригласили за решетку только двоих, да еще проникла какая то дама. Пришел довольно нечисто обритый патер старичок, надел нечто вроде епитрахили. Опустился перед ракой на колени и что то читал по письменной книжке, а псаломщик что то кратко отвечивал. Уж не присоединение ли к папе читает старичок? – подумал я: ведь здесь же принимала унию и Черногорская Княгиня. Кто их, католиков, разберет, ведь им достаточно для огласки и того, чтобы прочесть молитву и сказать, что присоединили к папе; присоединенным не будешь, а они накричать могут по этому поводу. Ведь у них, например, крещение, по словам самих патеров, нередко так совершается: попалась навстречу патеру женщина язычница с мальчиком; он остановился, поговорил немного, погладил мальчика по голове, а сам в это время попрыскал из имеющегося постоянно в кармане флакона святой водою – и крещение совершено, для папы приобретена новая овца; как она ведет себя, это не важно, а она есть. Я невольно старался сделать вид не принимающего никакого участия в этой молитве патера. Потом патер ключом отворил дверцу под престолом, опустил в отверстие (с медный пятак) свечку на цепочке и там внизу засветил другую свечку. Мы преклонились под престол и могли только отчасти рассмотреть останки святителя. Патер опустил в серебряную чашку свечку, которою засветил прежде свечку над мощами, и подал в этой чашке нам отпить жидкости, говоря, что это миро, истекающее от мощей. Преклонялись

под престол потом и другие, но их патер толкал бесцеремонно ногой, чтобы скорее вылезали. Потом повели нас в ризницу, где сидело множество патеров, весело разговаривавших и пересмеивавшихся (это рядом с престолами); там дали книгу – записать свои имена; а сопровождавший нас итальянец, знающий несколько русских ломаных слов, сказал нам: давай ему рупь, поп. Очевидно, здесь все избалованы подачками от туристов, особенно от русских. Не то в Афинах: там всюду свободно пускают, как бы даже гордясь своею стариною, которую всем хочется видеть; денег из самолюбия никто не берет».

Следующая остановка была в Риме. Место мученической кончины апостола Павла оказалось занятым католическим монастырем ордена траппистов – молчальников. В соборе было три ключа: «они будто бы выступили с тех пор, как отрубленная глава святого апостола Павла трижды подпрыгивала по земле; ключи и открылись на местах, где голова касалась земли. Тут же - остаток колонны, к которой был привязан Иисус Христос после суда. А под храмом – тесная пещера, в которую был заключен апостол Павел пред казнью».

В храме Иезуитов о.Андроник отметил активную деятельность проповедников, но все это выглядело довольно наиграно: «замечательно много актерства в приемах, желания казаться как можно более утонченным в манерах и свободным... Католики не дремлют и стараются всячески воздействовать на народ, чтобы собирать и держать его у себя. И народ у них действительно в руках: он слушает своих наставников, как вестников воли Божией. Положим, они глубоко заблуждаются и всех держат в своей ереси, искажающей весь смысл христианской жизни, как жизни в Церкви, возглавляемой и облагодатствованной Христом. Напротив, весь строй папства таков, что у них нет Церкви, а есть только папа да его сподручники, властно спасающие или отвергающие покорных или непокорных своих овец. Поэтому католики, образно выражаясь, привыкли бессознательно следовать за своим пастором, держась за его рясу, в уверенности, что он непременно приведет в рай, хотя бы и тяжкий грешник был кто, ибо у папы много преизбыточествующей благодати на всякие грехи

и на всяких грешников, подчиняющихся ему. И эта система так здесь проникла в самую природу католиков, что папа и его сподручники действительно держат все в своей власти и авторитет их в народе весьма высок».

Во всех словах о. Андроника чувствовалось переживание за народ, который жаждал общения с Богом, но которому давали обманчивую надежду на спасение. Тем не менее, он отмечал, что отрадно видеть жажду человечества вообще к общению с Богом. Даже здесь в Италии, как ни стараются унижить католичество в противовес его прежнему величию, как ни стараются «омирщить» итальянцев, их религиозный дух остается мощной силой, но «придут ли когда нибудь во двор Истинного и Единого Пастыря Христова и эти овцы, заковавшие себя в узы папства?» Ответ батюшка не дал, зная, что изменить ситуацию не возможно без покаяния и обращения в Православие.

Затем они направились в церковь святого Пуденцианы, которая находилась на том самом месте, где некогда стоял дом сенатора Пуда, у которого некоторое время проживал апостол Павел. Им показали престол с доской под ним, на которой апостол Павел совершал Евхаристию во время своего пребывания в доме Пуда. Недалеко от этого престола показали колодезь, в котором были сложены кости многочисленных мучеников. В следующей церкви святой Пракседы находилась мраморная доска, на которой молилась и спала ночью святая, также сохранилась верхняя часть колонны, к которой был привязан Христос во дворе Пилата.

Церковь святого Пуденцианы

Столб бичевания в церкви святой Пракседы

Латеранский собор святого Иоанна Предтечи оказался знаменит тем, что на главном престоле апостол Петр совершал Евхаристию, а над престолом в навесе были скрыты главы

апостолов Петра и Павла, которые только раз в году показывают богомольцам. Налево от главного престола – алтарь святого причащения, вверху которого в устроенном над престолом балдахине, по словам католиков, заделан тот стол, на котором Иисус Христос совершил Тайную Вечерю в сионской горнице.

Сень над главным престолом с честными главами апостолов Петра и Павла

По поводу католических богослужений о.Андроник сделал следующий вывод: «Эффекта, восторга, чувства – много, хоть отбавляй, а религиозного чувства, молитвы – нисколько. Все сильно бьет в глаза и во все, теребит за нервы, а сердца по Божьему не трогает, ибо все совершенно земное, звуки и манеры совсем низкочувственные. И таково все богослужение и церковная жизнь у католиков: говорит ли патер проповедь, он старается расчувствовать, но не вложить и не воспитать спасительное настроение в верующем; священнодействует ли – поражает то же чувство, чтобы все остальное затмить, задавить, чтобы потом верующий уж, так сказать, бессознательно шел, к чему его зовут».

Впоследствии о.Андроник, уже занимая епископскую кафедру напишет предостерегающее от всей этой пафосности и лицемерия наставление священникам: «пусть прежде всего совершитель богослужения будет исполнен искреннего сознания своего предстояния пред Богом впереди всех молящихся и для их и своего душевного спасения. Ни спешности и небрежности, ни невнятности и холодности равнодушной и скучной, ни вычурности и манерности, как в действиях, так и в голосе, быть не должно. Это все будет профанацией святого дела, принижением его, оскорбительным для святого чувства. Все должно совершаться в присутствии Бога, нас к Себе приемлющего, и потому с должной и возможной торжественностью. Посему и пение должно быть чуждо всякой

небрежности, но и чувственной и игривой светскости, которыми заполнилась было наша Церковь в виде отвратительных для сердечной молитвы концертов, которым не должно быть места в храме. Нет, пение должно быть молитвенным, для чего нет распевов лучших, чем распевы знаменные, греческие, болгарские, киевские, валаамские, как созданные не песенными и, может быть, безрелигиозными композиторами, а церковно народным гением, как порождение молящегося духа народного».

Из всего путешествия в Рим особо запомнились о. Андронику развалины древнего колизея, прославленного множеством замученных в нем христиан, катакомбы и гробницы мучеников: «Здесь, на костях мучеников, создалась и окрепла церковная жизнь; здесь, среди скорбей и страданий изгнанников, проявилась вся сила веры Христовой; здесь исповедники веры создали непреодолимую стену и победили гордый мир славной победой духа над плотью... Поучительно проходить по этим местам минувшей сильнейшей скорби для первых исповедников веры Христовой, ничего не имевших за собой, кроме этой самой веры... Чувствуется, что вот отсеки человек самоволие и угождение себе, заботу о себе помимо Бога, поверь и скажи себе раз навсегда: «Бог нам прибежище и сила», скажи так, чтобы навсегда хранить в сердце это слово, - и начнется иная жизнь: жизнь ясная, жизнь хождения по ясным путям Божьим». Не раз эти слова о.Анроник будет говорить японцам, которые в своей языческой стране окажутся так похожими на первых христиан, собиравшихся для молитвы в катакомбы.

На короткое время о. Сергей и о.Андроник остановились во Франции. Народа в храмах здесь было очень мало. Англию, покрытую туманом, практически не видели. Долговременное путешествие с постоянными опасностями в море, сильная качка вызвала болезнь сначала у о.Андроника, а потом у отца архимандрита: «рвота, потеря аппетита, уныние, апатия, потеря всякой энергии; ни за что не хочется взяться, да и не делается, не думается, и все как будто из рук валится; книгу начнешь читать, ничего не выходит путного, внимания не хватает, да и устаешь еще больше, так и бросаешь; ни на кого бы и не смотрел: ужасная тоска и мука. Об одном только и думаешь: да скоро ли конец то путешествию? да и зачем здесь именно поехали? Как будто и конца ничему не предвидится совсем. Я все время лежал, спал, ел самую малость и так находил покой, качка не так делалась чувствительною; а как поднимешься с койки, так опять все кругом и пошло; под конец с удовольствием начал истреблять кисловатые апельсины, которые мне всякий раз щедро из столовой приносил слуга... На другой день я совершенно встал и вот два дня хожу, нисколько не страдая от качки, хотя она и есть еще; очевидно, полезно в качку основательно вылежаться, и тогда она

не действует скверно. Как то будет дальше на Великом Океане? Ведь там придется целых 19 суток, а может быть и более того, идти до Японии. Отец С. теперь даже при самой уже незначительной качке чувствует себя не совсем спокойно, именно потому, что не вылежался вначале, как я, а все перемогался».

Путь в Америку. Размышления о.Андроника об этой стране начались уже на пароходе. Был воскресный день, и вся команда парохода собралась на богослужение. На столах разложили для каждого по две книжки: одна – духовные гимны, другая – молитвы; управитель богослужения объявил гимн, и все запели под аккомпанемент фортепиано. Затем была молитва, исповедание грехов, стихи антифонных псалмов, Символ веры (без *filioque*) и другие молитвы. Тем дело и кончилось. Так американцы обязательно воскресный день освещают молитвой и даже в путешествии не оставляют этого правила: «Почти все пассажиры участвовали в богослужении, за исключением страдавших от качки, но некоторые и из этих заявили. Пусть это своего рода сектантское собрание; а ведь у нас ничего подобного и в помине нет. Можно сказать, на пароходе была все отборная публика, образованная и с положением в обществе. А у нас подобная им братия ведь стыдится и в праздник то заглянуть в храм Божий или вообще всюду и перед всеми являться исповедником веры в Бога. Считают отсталостью и достоянием только попов да монахов, да еще простого народа все то, что составляет церковность, да и народу то стараются внушить так называемые здравые понятия, добиваясь даже того, чтобы вместо храмов Божиих были так называемые народные театры. А оказывается, этот модный свет, на который у нас привыкли смотреть как на учителя и на пример всего просвещенного, опять таки ушел от нас вперед, а мы со своими передовыми статьями, с последними словами, якобы новейшей, науки остались опять позади. В современном мире, вероятно, никакая иная страна не считается такой либеральной и устрояющейся по началам разума, как Америка, а на деле она то и оказывается консервативной страной, религию и религиозное воспитание народа ставящей на самом первом месте и для этого не жалеющей и денег, и людей...». Конечно, такое религиозное воспитание не может дать истинных основ духовной жизни. Это чувствуют сами американцы, интуитивно обращаясь к истокам русской культуры: «На том же самом пароходе, да и потом в Америке, мы видели, с каким интересом сами американцы присматриваются ко всему чисто русскому; наши писатели, характеризующие именно настоящую русскую жизнь, быт и уклад ее, народный дух, выразившийся в одном слове «православные», как называет сам себя наш народ, – писатели, знакомящие с народом нашим, как Достоевский, Тургенев и др., здесь весьма известны и переведены на английский язык; о них и их взглядах здесь толкуют и с

серьезным вниманием, и сочувствием; недавний роман Сенкевича «Quo vadis?» тоже переведен и нарасхват читается всеми: его мы видели и на пароходе, и на железной дороге, и в нишах книжных магазинов и т.п. Все это именно свидетельствует о том, что этот просвещенный Новый Свет ищет истинного просвещения именно от нас, видя только у нас действительно прочные устои жизни, основывающиеся не на зыбких песчаных бреднях, а на превышемирных началах Божественной истины, возвещенной Христом и глубоко воспринятой нашим народом в самый дух, так что поистине православие у нас сделалось народной верой, отличительной и главной чертой самого народного характера. Это православие, его духовную силу, превосходящую и исполняющую все, мы и должны всячески раскрывать и возвещать всем, чтобы уподобиться мудрым евангельским слугам, получившим таланты и увеличившим их».

Нью-Йорк о. Андроник назвал большим Вавилоном, как будто гордящимся своей славой, известностью своего Отечества. Американцы пытаются всячески показать его всем посторонним, но «как бы не достигнуть ему участи подобного ему гордого древнего Вавилона».

Окрестности Чикаго напомнили Россию – те же села, деревни, храмы, но храмы совсем не те: «все они, конечно, избегают всяких внешних знаков христианства, и поэтому у них никогда не увидишь или редко заметишь величественные победные символы христианства – кресты; только над храмами виднеются какие то знаки креста в виде высоко выставленных и вертящихся от ветра флюгеров. Не вертятся ли и сами исповедники этого христианства самоизмышленного, как вертятся подобные флюгера от всякого ветра. Да, так оно и есть. Вляясь всяким ветром учения и своих измышлений, понасосздавали протестанты множество сект и сами не знают, как в них разобраться; и секты без конца возникают до самых последних дней. И будут еще больше делиться, являя свою неосновательность, пока их интерес к России и вообще к Востоку не закончится познанием и смиренным принятием истины Православия».

В Сан-Франциско пастыри зашли к преосвященному Николаю Алеутскому и Аляскинскому. Здесь был православный приход. Владыка очень обрадовался приезду русских священнослужителей. Он много рассказал им о здешней жизни: церковной и американской вообще. С сердечною болью поведал он о том, как ему отказали в отпуске денег на Аляскинскую школу в память митрополита Иннокентия. Американцы тоже не дают развернуться православной миссии, налагая громадные пошлины и штрафы по любому поводу. Преосвященному Николаю не раз приходилось обращаться или к президенту, или к

конгрессу, и только после ходатайств разных инстанций, как бы из милости, делалась уступка. Например, с Нижегородской выставки Государь Император пожертвовал для миссии два колокола в одну из американских церквей, а за них потребовали пошлину более 900 долларов, которых не могли набрать. У янков церковные вещи по таможенным законам были свободными от пошлины, но доказать, что это церковная вещь было практически невозможно. Когда была получена дароносица, пришлось таможенных чиновников вести в алтарь, чтобы объяснить, что, она действительно употребляется только в храме, да еще на престоле; но в итоге ее все равно сочли за какие-то лампочки и взяли пошлину. Семинарию открыть также не получилось, а без местных церковных образованных деятелей просвещение шло очень плохо. Хоть от унии начали присоединяться целые приходы, но и здесь вставало много препятствий. В первую очередь, очень враждебно к православным относились католики. Так, в одном приходе, недавно присоединившемся от унии, они подкупили «праздношатающихся», которые напали на самого Преосвященного, когда тот направлялся от повозки в церковь служить литургию. Православные знали, что готовится нападение, и заранее плотно оцепили дорогу, по которой проходил владыка. А после того, когда он вошел в храм, на улице поднялась рукопашная, и дело окончилось не без крови. В другом месте толпа напала на православных миссионерских священников, чуть не разорвав на них священные одежды. С другой стороны, мешали распространению православной веры англикане, которые ухищрялись всячески оправдать свою иерархию как каноническую и всеми силами искали единения с православными. Не раз они зазывали к себе Преосвященного Николая на торжественное богослужение, устраивая все так, чтобы он причастился с их епископом, а потом они бы провозгласили это в свою пользу; или же сами являлись в храм, где он служил, с той же целью, но Преосвященный все это заблаговременно отклонял. Тяжелы были нравы и у так называемых православных славян. Если у православных русин, калош и других народностей благочестия было очень много, причем «благочестия самого непосредственного, живого, при всей бедности и зависимости от американских кулаков просвещенных», то «славяне, по словам владыки, пропавшая драхма: им или на все наплевать, или же идут в масонство, и повлиять на них никак нельзя». И все же в народе есть интерес к православию. Так, одна американка взялась за перевод богослужебных текстов на английский, и вообще, многие американцы знают русский. Особенно быстро они откликаются на добрые дела. Как-то раз преосвященный высказался о том, что мелкая американская пресса весьма развращает детей – тут же собрали подписи, чтобы обуздать печать.

На дороге преосвященный Николай подарил архим. Сергию и о.Андронику разных богослужебных книг, переведенных на английский язык, Доктрину Православной Церкви и свои проповеди, пожелав им всякого блага. Его опыт служения также поможет о.Андронику в Японии, когда придется доказывать истинность веры православной по сравнению с католической и протестантской.

На следующем пароходе публика, в основном, была миссионерская, но, увы, не православная. О.Андроника снова удивило богослужение, совершенное на палубе: «В общем их богослужение производит впечатление какого то искусственного воодушевления. Похоже оно на сходки молодых людей, искусственно воодушевляющихся на какое то общественное и чуть ли не общечеловеческое дело, без всякой солидной подкладки, и кричащих: надо читать, толковать, в народ идти, разгонять мрак невежества и т.п. И сами они чувствуют, что что то неладно, а приятно самое увлечение и обособление. Но так как нет силы высшей этого личного увлечения, то скоро ли долго ли община и распадается на мелочи или и совсем исчезает в пустоте. Так и в протестантском богослужении именно незаметно настоящей молитвы, настоящего возношения духа к Богу, действительно беседы с Богом. Войдите в наш православный храм, особенно в настоящей русской среде: там всякий христианин действительно в храме стоит как в месте особенном, в месте нарочитого обитания Бога, и действительно все его лицо говорит, что он свою душу старается или уже возносит Богу, Ему исповедуя свои думы и моления, от Него прося и ожидая себе милости по Его суду и устройению. Там все говорит именно о совершенно иной и возвышенной, не мечтательной жизни. Здесь, напротив, все именно свидетельствует о том, что и богослужение несколько не возвысилось над жизнью, что и оно есть самая обычная жизнь, искусственно выделяемая из нее. И на лицах молящихся здесь поэтому не прочтете того высокого молитвенного настроения, каким богато наше православное собрание церковное. Они, напротив, совершенно как обычно читают и поют гимны и молитвы, как простые умные вещи. И в действиях незаметно ничего молитвенного. Вот, например, они, когда священник читал закрывши глаза молитву, все спустились со скамеек и, преклонившись на одно колено, облокотившись на скамейку, закрывши глаза, что то стараются сообразить пред Богом, может быть грехи свои; но и тут на лицах никакого действительного стояния пред Богом или сокрушения, а просто какое то головное напряжение – подумать о Боге, так как нужно это для молитвы и в молитве. Как на первом пароходе, так и здесь в этом отношении одинаковое впечатление от протестантского богослужения: оно не богослужение, а только правило для освящения воскресного покоя и имеет серьезный отпечаток не церковного собрания, а

сектантского, хотя по видимости благоговейного, но в сущности совершенно холодного собрания».

В следующий раз, заметив интерес православных миссионеров к службе, протестантский священник захочет причастить отца архимандрита и о.Андроника, но, конечно, те откажутся, заметив для себя следующее: «Странное общение людей разных сект: тут кто методист, кто конгрегационалист, кто епископал, кто пресвитерианец – и все они одинаковое имеют церковное общение. А между тем англикане говорят, что они с сектантами не имеют церковного общения. Вот и верьте им и вступайте с ними в общение. А самую тайну причащения как недостойно они совершили: основательно пообедали, подвыпили, пошутили, посмеялись и в заключение – духовное утешение в знак следования по пути креста Христова».

Наслушавшись рассказов о том, как эти лже-миссионеры проповедуют Христа, какую литературу распространяют, к чему призывают, о.Андронику становилось понятным, почему японцы в большинстве случаев не хотят слушать проповеди: «знаем де мы все это, слышали не раз». Прочитав несколько методистских брошюрок, распространяемых одним проповедником, батюшка заметил, что они «совершенно такого же характера, как ходящие у нас сектантские брошюрки, – о спасающей вере, о том, что Христос есть Пастырь и т.п. Одни жалобные благочестивые слова, наводящие скуку своим однообразием и, в сущности, бессодержательностью. Они не могут совсем и сравниться с нашими, например, «Троицкими листками». А если бы умело издавать краткие для народа брошюрки и листки на основании богослужбных книг и святых отцов, то это было бы несравненное с сектантскими вещаниями богатство духовного содержания. И, однако, при этом сектанты усиливаются количественно, именно потому, что неутомимо трудятся в своем деле, отвечая насущным запросам в обществе, давая пригодную пищу жаждущей душе народа. А жатва действительно многа всюду: и за границей, и в язычестве, и у нас на родине. Теперь не то, что было в минувшую пору: все ищут правого пути жизни, только суметь бы дать на это вовремя и прямой ответ, чтобы не пришли злые враги и не похитили себе душу немощную. Как жаль, что и при всеобщем религиозном возбуждении в Европе и Америке о нас ничего не знают хорошего, кроме всяких темных рассказней, а о православии говорят, что это только мертвая форма без жизни, как выражается вышеуказанный отчет Церковного миссионерского общества, когда, заключая отдел об успехах протестантства в Японии, прибавляет: «и время покажет, что возьмет верх: мы или христианство, в котором осталась одна только мертвая форма без жизни», под которым они всегда разумеют православие. Вот что я вынес из

краткого знакомства с Америкой и ее случайно встреченными в путешествии деятелями. Есть кой чему у них и нам поучиться, при всей их беспочвенности и неосновательности религиозной».

Путешествие в Японию заняло несколько месяцев. День Рождества Христова пришлось встретить в пути, а попразднественные дни уже служили в православном японском храме в Токио. Преосвященный [еп. Николай](#) весьма обрадовался приезду православных миссионеров, но его очень удивило, каким образом владыке Сергию удалось попасть сюда снова.

Свт. Николай Японский

Еще в 1895 году архимандрит Сергей, переписываясь с епископом Николаем, выражал желание снова вернуться в Японию, на что тот советовал ему оставить мысль о служении, не имея миссионерского призвания. Архим. Сергей все же написал обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву, чтобы тот списался с ним по этому поводу, но ответа так и не получил. Когда же о.Сергий приехал в Россию по своим делам, то встретил в Синоде Саблера, который рекомендовал ему направиться в Японию. Конечно, архимандрит с радостью принял предложение и отрекомендовал еще отца Андроника, которого тут же и приняли во внимание. Так Промысел Божий направил двух пастырей в языческую страну.

Преосвященный Николай с любовью принял отцов, проявив о них большую заботу. Две прекрасные и большие комнаты со всей удобной обстановкой он отдал прибывшим миссионерам, оставив себе намного худшую келию. По этому поводу владыке Николаю пришлось поспорить с отцом архимандритом, который помнил, что тот раньше жил в предложенной сейчас комнате, но оказалось, что преосвященный уже давно там не живет по следующей причине. Один из бывших миссионеров потребовал себе эту келию, и владыка

спокойно ее уступил, решив остаться в плохой обстановке до самой своей смерти. Тотчас же епископ заговорил и о деле: «Сначала, говорит, нужно язык изучать, чтобы хорошо говорить, а отцу А. С. нужно уже приниматься основательно за изучение китайских знаков, так как он уже может говорить по японски, как прежде пробывший здесь почти два года. Для этого можно, говорит, иметь сразу двух учителей – на утро и на вечер; да все это изучить так, чтобы потом писать по японски в журналах. А пока теперь, говорит, будем жить вместе при миссии в Токио. Тотчас же повел он нас по всей миссии, водил в церковь, в библиотеку и прочее, и все это весьма быстро – бегом. Вообще владыка весьма живой, как будто еще совсем молодой человек, ревностный и энергичный, ... да и по виду он производит впечатление еще очень молодого, хотя он и говорит, что ему всего 10 лет жизни остается, если все пойдет обычным порядком...». На самом деле, дел при миссии оказалось так много, что, о.Андроник еле успевал делать их, вставая в 6 часов утра и работая до 12 часов ночи. И так изо дня в день.

Конечно, первые месяцы больше всего времени заняло изучение японского языка. Тяжело было и отцу архимандриту. Трудность заключалась в том, что ради принятой японцами китайской иероглифической письменности они одинаково употребляют в речи слова и японские, и китайские с особым их произношением, а китайские слова по произношению могут звучать одинаково. Например, китайское «син» значит Бог, душа, дружба, родители, сердце и тому подобное, а пишутся все эти слова различными китайскими знаками. По совету преосвященного о.Андроник сначала принялся изучать японский по молитвослову, слушая речь на японском языке и соотнося ее с русскими словами, затем выучил еще много слов, необходимых для проповеди, но понимать смысл японской речи, полной разными оборотами, а тем паче, говорить на ней еще не получалось.

Отдохновением были беседы с преосвященным. Святитель Николай много рассказывал о своей жизни в Японии, являя собой образец истинной веры и миссионерского служения. Он заложил в Японии прочную основу для православия, так что за 37 лет его пребывания здесь стало насчитываться до 25 тысяч христиан, окормляемых исключительно японскими священниками и катехизаторами. «Истинно слово Христово, - отмечал о.Андроник, - для человека это невозможно, а для Бога все возможно». А ведь свт. Николай начинал с того, что ходил к буддистам и по синтоистическим храмам, чтобы завести знакомство со жрецами или вообще с японцами, потихоньку заводя речь о Христе. Однажды один жрец, которого звали Савабе, долго косился на Преосвященного Николая, и, наконец, пришел к нему и сказал: «Что ты там говоришь о каком то Христе?» – и начал сердито ругать его за это. Преосвященный заметил ему: «Что же ты сердишься? Ведь ты даже не знаешь – что я говорю; сначала выслушай, а потом и говори». – «Ну, говори», – заметил на это Савабе. И святитель начал говорить ему о грехе, о спасении во Христе, о Боге, а потом предложил почитать Евангелие для знакомства с новым учением. На другой день Савабе пришел сам, попросив рассказать о новой вере, а затем стал православным священником – отцом Павлом, и сын его тоже стал священником.

Конечно, было много и проблем. Кто-то, изначально проявив рвение, затем отходил от церкви; кто-то пытался помешать миссионерскому делу. Католики и протестанты пытались всячески опорочить православие; замечая любую оплошность священника, тут же возводили ее до глобальной проблемы. Богослужение в православных храмах совершалось не совсем исправно, особенно в отношении устава, так как было переведено только самое необходимое. Православные общины тоже были немногочисленны. На 25 тысяч японцев приходилось всего 24 священника и около 150 катехизаторов, да и способности у них были не высокие, поэтому Преосвященный особое упование возлагал на приехавших из России миссионеров, собираясь передать им все дела миссии, а самому заняться переводом богослужебных текстов. «Мы, - говорил он, - слуги матери Церквей, единственно истинной, и наша святая обязанность громко и неумолчно возвещать истину Христову. И как жаль, что все эти испорченные христианские общины кричат о Христе, а мать всех – православная Церковь молчит. Везде заметен интерес к религии, все не ведущие Бога ищут Его, жаждут истинного слова веры в Бога, а мать всего человечества как будто спит и никакого внимания не обращает ни на что. Овцы бегают и ищут пастыря, а он не откликается».

Идеал пастыря был у всех перед глазами, но как тяжело было добиться отклика в человеческих сердцах. Интересна заметка о.Андроника от субботы первой недели Великого Поста: «Я исповедал епископа, а вчера сам у него исповедовался. Замечательно молодая у него душа: при немалых годах (62 года), при постоянных житейских и деловых передрягах – совсем молодая душа молодого идеалиста, чуждая всякой неискренней прикрасы своего настроения, прикрасы хотя бы умными и высокодуховными словами; он, напротив, говорит так, как чувствует, – просто, искренно». Этот идеализм о. Андроник воспримет от великого просветителя Японии как идеал служения Христу, пытаюсь соответствовать ему во всем.

Общительный и веселый характер иеромонаха, который раньше очень быстро собирал вокруг себя людей, теперь в некоторой мере стеснялся незнанием языка, но в сердце его никогда не было тесно, - батюшка относился ко всем с любовью, пытаюсь, в первую очередь, понять жизнь японского народа. Посещая с о.Сергием дома японцев, он пришел к тому выводу, что дело распространения веры обстоит хорошо, а упадок духа зависит от временного небрежения самих священников и катехизаторов. У японцев заложено прочное основание веры, но беда в том, что на этом основании некому было потом потрудиться в благовести Христовом. Ведь, чтобы пробудить религиозное чувство, совесть человека, для этого надо специально беседовать с ним.

С этих бесед, которые были проповедью о Христе, миссионеры начали свое служение. В день приходилось обходить по 8 и больше домов. Везде их принимали радушно, с сердечным вниманием выслушивая всякое слово. Отраднo было видеть, что в каждом доме в почетном углу висели иконы, порой даже очень много, только лампадок почему-то практически не было. Преосвященный потом объяснил это своей оплошностью: «вначале не завел, потом уж так и не пошло». Отец Сергей, указывая на греческий и русский обычай непременно исповедаться и причаститься перед Пасхой, всех призывал к тому же, прибавляя при этом, чтобы люди почаще ходили в церковь и крепко держались христианских традиций, «ибо христиане должны быть как бы свечками постоянными, чтобы все, видя их, прославляли Бога». Ведь если молитвой и памятованием о Боге не поддерживать в себе высокое настроение, то оно падает, как гаснет лампа, если в нее не подливать керосина, или как тело наше ослабевает без пищи, так постепенно ослабевает и наш дух без молитвы и благодати Божией, которая есть пища нашего духа.

«По нашему наблюдению, - отмечал о.Андроник, - все старинные христиане крепко держатся и свято соблюдают церковное учение, обряды и правила; а новые этого нередко не проявляют, а некоторые и совсем кое чего не понимают. Например, некоторые

перекреститься, принять благословение не умеют, в церковь редко ходят, некоторые не причащаются. Это потому, как оказывается, что отец Павел Сато, – их пастырь, – мало знает их и редко посещает после крещения, почему они и остаются вне всякого руководства. На это жалуются и христианские старосты (гийю). У некоторых дети, по необходимости, ходят в протестантские школы, и даже по воскресеньям; мы советовали посылать их по воскресеньям в миссию в воскресную школу. Под впечатлением всего этого я толковал своему учителю Исикаме (академик, преподаватель семинарии), что они, академики, должны быть здесь светочами для своих братьев и принимать самое сердечное и живое участие во всех проповеднических делах миссии. Он мне глубоко признался, что действительно среди них мало идеализма. Я объяснил ему, что это, конечно, состояние теплохладности, а для таких людей известно, что будет: имам тя изблевати, скажет Господь. Исикаме говорит, что прежде они, по почину епископа, в городе начинали проповедь, но она скоро прекратилась, так как мало было слушателей. Я сказал, что, вероятно, проповеди были не изложением христианского учения, а какими нибудь учеными трактатами о трудных и никому не интересных предметах, потому и слушатели сократились, а вы, вместо того чтобы сделать интересною свою проповедь, бросили все. Он согласился. Он советовал мне поговорить еще с академиками обо всем этом. А я советовал ему, а в лице его и каждому из них, между собой посердечнее да поискреннее иногда поднимать такие вопросы для разговоров между уроками вместо курения табаку, а стыдиться нечего: это и будет самый первый шаг искренней веры во Христа. Дай Бог начаться среди них некоторому оживлению и искренности».

И все же искренние служители Церкви были, и не мало. Например, симпу отец Борис Ямамура не получал ни от Миссии, ни от христиан ничего, а жил только на свои небогатые средства. Приход его был таким, что нужно было 40 дней употребить на его объезд, но отец Борис постоянно делал это, трудясь на ниве Христовой. Да и с первых дней своего приезда в Японию о.Андроника поражала крепкая вера японцев, просвещенных святителем Николаем, простота восприятия учения Христова, которая так ясно открывала перед ними Бога: «У одного старинного теперь катехизатора заболела сестра, и очень тяжело; в болезни она пожелала причаститься; и после Причастия сразу ожила и встала, как ни в чем не бывало. Это рассказывал сам катехизатор Павел Исии, бывший у Преосвященного марта 13/25, и рассказывал совсем просто, не придавая этому особенного поразительного значения, а просто как нечто обыкновенное и неременное для принимающего все от Бога по вере. И подобных случаев чудес среди наших христиан здесь очень много; и все они вот подобного характера, как бы вытекающие из рассуждения, что де если иметь крепкую веру в Бога, то все так и

будет, так как нечему удивляться, если, например, человек пообедавши будет сыт. Дай Бог силы веры еще большей, чтобы она руководила наших христиан неизменно и постоянно».

По вере люди получали исцеления, по вере находили утешение и скорую помощь в делах. Радостью наполнялось сердце миссионера, видящего, что у японцев все же есть сильное желание слушать учение о спасении; что, все сильнее пробуждаются Богом человеческие сердца. «Дай Бог мне и ревности в этом деле, и умения, смысла, чтобы находить действительно хороших людей и потом их воспитывать для специальной их высокой цели – проповеди о Христе», - говорил он. Делателей, действительно, было мало.

Преосвященный возлагал на о. Андроника большие надежды. Зная его опыт работы в семинарии, свт. Николай просил его устроить семинарию в Осака. С воодушевлением о. Андроник начал строить планы, как начать новое дело: «сначала, например, устроить простые нештатные курсы в виде бесед с молодыми юношами, чтобы их постепенно воодушевить на дело проповеди и вызвать желание искренно поработать на этом поприще, затем можно будет мало помалу придать некоторую определенную форму и вид предполагаемому делу воспитания проповедников. Мне думается, что эта школа должна иметь характер простой семейной среды, куда люди сознательно пришли для одного дела, чувствуют себя братьями, как члены одной тесной семьи, у которой все сходится к интересам этой самой семьи. Во внешней обстановке должна быть всецелая простота: нужно, чтобы ученики по возможности все сами для себя делали, как это есть и в особенности прежде было в нашей Ардонской семинарии; это для того, чтобы проповедник и после не барином себя чувствовал, для которого все подвези да поднеси, – нет, пусть он сам будет этим подвозчиком и подносчиком, чтобы он не отворачивался ни от какого простого жизненного дела: ведь

Христос помогал Своему отчиму плотнику Иосифу; Апостол Павел работал палатки и тем существовал; да ведь не состояли на жалованье и остальные проповедники христианства. Проповедь христианства шла сама собой между обычным делом. Да это так и быть должно: христианство не есть что либо совсем от нас далекое, чтобы для этого нужно было все побросать и жить, пожалуй, между небом и землей, – нет, оно есть самое наше сердечное настроение, самое наше постоянное, во всех случаях жизни, непрерывное хождение под оком Всевидящего Бога, постоянное памятование о Нем и сообразная с этим жизнь. А если взять проповедника, отвлеченного от всяких обычных дел, в виде белоручки, то получается некоторое подозрение: тебе то, мол, хорошо, а нам то каково при нашем многоделии? Нам уж не до спасения. На днях приходил ко мне один ученик 6 го класса семинарии – Акила. Ему захотелось побеседовать со мной. На первый раз я ему советовал читать творения Святых Отцов, которые теперь переведены уже в большом количестве. Я приглашал его заходить и потом побеседовать. Да и для меня это полезно: я узнаю постепенно настроение учеников – будущих проповедников, а кроме того, и сам прислушиваюсь к японской речи. К христианам я все таки еще не осмелился идти: стесняюсь тем, что не привык слушать разговор, хотя сам то и могу кое что сказать. Когда то Бог поможет это сделать?..»

Помог в этой беде миссийский диакон, лет 15 проживший в Японии и говоривший, как настоящий японец. Он посоветовал о. Андронику купить так называемый «Токухон», то есть собрание азбук и книг для обучения японской грамоте. Система в них та же, что и в русских азбуках и букварях: учащийся постепенно осваивается с японскими словами, затем простейшей фразой, более сложной фразой и, наконец, с самой обычной японской речью, постепенно привыкая и к китайской письменности. Так о. Андроник освоил строй и характер японской фразы и речи, заучив 1500 слов. С марта месяца он уже смог самостоятельно посещать общины, обходя дом за домом: «Обыкновенно я говорил сколько мог ясно, а после спрашивал – понимают ли. Если не понимают, я иначе пересказывал тоже, а в крайнем случае отец Симеон объяснял мои слова; но иногда и он говорил, что понятно. Только одно семейство оказалось охладевшим к вере, – Моисей Китано (в семействе жена Ирина, дочь Екатерина – 17 лет, сын Федор). Они 6 лет назад приняли крещение и уже вот три года не причащались. По словам отца Симеона, жена то еще лучше, а сам Китано уж очень охладел. Я им говорил, сколько мог, о том благе, какое для нас принес Иисус Христос, о том, что если мы что либо доброе, какое либо приятное чувство сердечное имеем, то вот это то и должны возгревать в себе, чтобы постепенно поближе к Богу встать, так как Богу ничего не нужно кроме нашего сердца: все с нашею смертью кончится, а душа наша будет жить вечно; с нею

мы и к Богу предстанем, и какова она окажется, соответственно этому или вблизи Бога, или вдали от Него будем жить; а худое, злое, конечно, не может быть вместе с Богом. Поэтому кроме спасения своей души, для чего Иисус Христос с неба на землю приходил, – кроме этого нет другого важного дела: ведь ради этого Христос разные страшные мучения претерпел, смертью позорною умер. Ведь если мы любим отца или мать, так как они о нас заботятся, то во всем будем поступать по их воле; а Христос для нас есть самый близкий Отец, который всем для нас пожертвовал. Я советовал им взаимно друг друга возбуждать на дело спасения, учить тому же и детей, так как если они с детства привыкнут к Богу и к молитве, то уж на всю жизнь таковыми и останутся; советовал вот теперь перед Пасхой исповедаться и причаститься Святых Таин, в которых мы Самого Христа причащаемся и принимаем Его к себе. Итак, я еще на одну ступень поднялся в деле проповеди... А вообще все очень меня порадовало и воодушевило: много самых простых христианских нравов и привязанности к Церкви Божией; все исправно совершают домашнюю молитву, почему молитвословы порядочно затасканы; для молитвы устроен особый аналойчик в парчовом облачении; на нем разные книжечки для молитвы и чтения; перед иконами лампадка, а под ними подсвечник; почти все читают Евангелие и действительно имеют Евангельское настроение – мысль о том, что только Христовою благодатию и поддерживается наша жизнь».

Храм Николай-до в Токио

В итоге такой напряженной работы пастырей во время Великого Поста причастилось более 100 человек, крещено 34. На Пасху в Соборе было около 2000 людей: «Богослужение шло торжественно и чинно, при трех парах священников и двух диаконах; певчие все пели прекрасно; особенно важно пропели оба хора вместе «Ангел вопияше»; многие и из христиан

с восторгом им подпевали. Особенная сила слышалась во всей этой радостной песни, вещаемой множеством верующих. В конце утрени мы похристосовались взаимно в алтаре, а потом вышли к народу; но подходили только преподаватели: у японцев нет обыкновения целоваться, даже и слова такого нет; при поцелуях они иногда даже слюну выпускают, ибо совсем не понимают этого действия для выражения радости и любви. В половине 4 го часа богослужение кончилось. Мы с владыкой пошли освящать пасхи, а отец Сергей угощать гостей. Христиане устроили себе общее угощение в разных комнатах и скромно, но весело встречали праздник; среди них были и представители от провинциальных церквей, по очереди являющиеся на этот праздник сюда; были и гости язычники. А владыка все это время бегал среди христиан, совсем и не думая, чтобы разговеться и отдохнуть, хоть немножко. А потом все христиане приходили к нему христосоваться, и он всякому давал по яйцу; всех яиц раздал полторы тысячи; можно судить – сколько было всего народу в церкви. А потом постепенно стали приходиться к нему ученики и ученицы, и он всякому давал по 10 сен, то есть по 10 копеек; потом приходили учительницы, которым он давал по 50 сен, но это по ошибке, ибо, говорит, прежде давал по 141 иене, или по рублю. Потом подходили все работающие на миссию, кончая прислугой. Утром мы были в посольстве – похристосоваться с русскими, затем они к нам приезжали, потом вечерня, а потом опять приходили разные поздравители. И так весь день прошел для Преосвященного, так что он только часик, может быть, успел отдохнуть; но и устал действительно, в чем он даже и сам сознался, хотя прежде никогда не жаловался, чтобы он уставал когда либо».

После Пасхи о.Андроник отправился вместе с архим. Сергием и Преосвященным Николаем в Тонусава. Это миссийское дачное место, предназначенное для бесприютных учеников семинарии и учениц женской школы, располагалось среди гор, что очень напомнило ему Кавказ. Он восхищался не только природой, но и трудолюбием японцев, которое не сравнишь даже с усердием русского крестьянина. Проезжая местные селения, епископ Николай рассказывал им много о вере и неверии, возбуждая в них желание спасти даже того, кто, кажется, уже отпал от веры. Так, поучительным для о.Андроника оказался рассказ об одном рейтане: «тот все бегал, и жена постоянно говорила, что только вышел (а жена не совсем ослабела). В конце концов он застал его и говорил; сначала тот принял весьма сурово, едва не выгнал, но владыка все таки присел на улице при входе и говорил, что и он ведь сын Божий, что для его спасения Христос пострадал и, следовательно, как же он снова оставил то, что давно принял как самое дорогое сокровище. Все это, конечно, для всякого христианина известно, не пустые слова, поэтому постепенно и лицо этого рейтана

умягчилось, и он сказал: «Да ведь, я не забыл веры, вот и икона у меня есть, а в церковь теперь не хожу, так как стыдно – что скажут»; и потом даже принял в дом и угощал, весьма сердечно выслушивая поучение, а потом все время, пока владыка был в той церкви, и он был в храме. Таким образом, нужно тщательно относиться ко всякому человеку и никого не вычеркивать из числа спасающихся, а всякого наставлять и возбуждать». Это поучение о. Андроник будет помнить всю жизнь. Когда безверие грянет на Россию, когда у власти будут стоять большевики, ищущие любой повод, чтобы закрыть и ограбить храм, он все равно будет с надеждой смотреть на всех людей, пусть даже заблудших, пусть даже преступников, веря в возрождение своего Отечества.

21 (9) апреля Преосвященный отправился в Токио, а о. Андроник и архим. Сергей переселились в Осака, где уже невозможно было услышать русскую речь. В дороге о. Андроник обязательно брал с собой Новый Завет в японском переводе, чтобы лучше освоить язык. Уже одному приходилось неоднократно выезжать из Осака по церквям всего округа, где он научился свободно объясняться по-японски. Но тут же нужно было изучать и английский язык, так употребительный на всем Востоке, начиная с Суэца. Во всяком доме о. Андроник совершал краткую молитву с одной заздравной ектеньей, для чего предварительно переписывал имена всех в семействе, чтобы иметь для себя общий список всех христиан. Христиане принимали его радушно, сердечно молились, внимательно выслушивали разные наставления.

Начались поиски хороших учеников для катехизаторской школы. Батюшка просил всех помогать им в деле проповеди – искать людей для слушания учения, а для этого в обыкновенных разговорах мало-помалу говорить и о христианстве. Он призывал к этому и мужчин, и женщин, которые тоже весьма успешно могли бы заинтересовать знакомых Евангельскими рассказами, приводить примеры из жизни, знакомя людей с основами православной веры. Местным жителям он также много говорил о пользе чтения Евангелия, о согласной жизни первых христиан, благодаря чему они и представляли из себя силу, с которой ничто не могло бороться; об их молитве, которая для человека является тем же, что воздух, или для рыбы – вода. Ведь через молитву мы становимся ближе к Богу, как становимся ближе к человеку через беседу или письмо. Во многом о. Андроник опирался на поучения прав. Иоанна Кронштадского, говорившего о внутренней силе православной

Церкви, и даже просил архим. Сергия перевести для японцев дневник о.Иоанна Кронштадского¹ и книжку о нем.

Особое внимание о.Андроник уделял семьям, в которых есть протестанты: «В доме, где только хозяйка православная, а прочие протестанты, я говорил о важности и значении икон, – как мысли мы выражаем словами или друга своего имеем портрет, так икона помогает нам ближе быть к Богу, представить Его, для нас Невидимого. А так как мы из тела и души, то для нас иконы и все внешнее в православии совершенно необходимо. А у Фудзии Манефы, муж которой слушает протестантов, я говорил о том, что теперь англиканская Церковь ищет единения с православием, сознавая свои ошибки и правильность православия. Кимура Иосиф прежде был помощником катехизатора; я его и теперь призывал к тому же, так как этим мы делаем дело Божие. К моему удивлению, мою речь почти везде понимали хорошо и весьма радовались моему неожиданному прибытию и приятной беседе. Кончено, дома я не заставал многих христиан. А совсем не застал только в трех домах. Между прочим, не застал двух сестер милосердия, по словам Варнавы очень хороших христианок. Мне очень хотелось их повидать и побудить их вести помаленьку беседу о Христе среди больных. Катехизатор, по общему их всех обыкновению, жалуется, что церкви нет, а есть только маленькая нанятая квартира; а здесь де смотрят на внешность и поэтому не принимают православия, так как у него внешность совсем не заметная, тогда как протестанты имеют богатые храмы и тому подобное. Я одно говорил, что наше дело не внешность и не количество, а внутреннее дело спасения людей верою во Христа, что не настоящий христианин, который принимает христианство пораженный внешностью. Мы должны проповедовать, раскрывать слово о Кресте Христовом и возбуждать дух на дело спасения, а не поражать богатством и силой; первые христиане даже в земле делали дело веры, а преподобный Сергей Радонежский и с лучиной совершал молитвы. Они согласились. Воодушевлялись мыслью всем сообща приняться за дело проповеди, чтобы Церковь их росла и множилась».

Доброжелательный взгляд, любовь к людям, простота в общении всегда говорили за себя, но больше всего о.Андроника ценили за умение говорить о Боге простым, доступным для них языком. Часто он напоминал им о высоком назначении человека - жить с Богом, в Его Царствии, для чего мы непременно должны себя готовить, ибо грешному, недостойному жить с Богом нельзя, как невозможно обыкновенному человеку быть вблизи Императора. Мы постоянно должны очищать свое сердце и вообще свою жизнь от всего скверного. Если мы

---

¹ Свт. Николай Японский впоследствии напишет о.Андронику, что сделан перевод дневника прав. Иоанна Кронштадского для распространения среди христиан.

действительно желаем быть чадами Божиими, истинно верующими во Христа, то должны стараться всеми силами восходить своим духом и жизнью к Богу. Мы все сообща должны делать церковное дело, так как перед Богом все мы братья и как бы одно тело по сотворению от Бога и по спасению во Христе. Как в теле одного человека болезнь какого-то органа чувствует все тело, да и другие органы помогают бороться с болезнью, так и все мы сообща должны делать одно дело, помогая друг другу материальной или духовной помощью, советом тому, кто убит горем.

Как-то о.Андронику пожаловались на японского священника, который не умеет говорить проповедь, и люди с неохотой идут в церковь, чувствуя, что нет в ней благодати. На это батюшка строго ответил, что все зависит от нас самих. Если мы не будем искать этой благодати, то никогда и не получим ее. Кто не читает книгу, может ли ее понять? Кто хочет войти в дом, будет ли стучать? Так и благодать: не молишься - не получишь, а что имел - растеряешь. Благодать для нашей души то же, что хлеб для тела: не питай его хлебом, оно постепенно ослабевает и умирает; так и душа без молитвы и благодати умирает, а человек остается ничего не понимающим в духовных и божественных вещах. Другой жизни у нас нет, как только жизнь с Богом в Его Царствии, а кто хочет жить по своей воле – тому уготована иная жизнь - мука и тьма бесконечная. Потому и нужно непрестанно трудиться, чтобы войти в Царство Небесное, иначе толку мало от того, что называешься христианином.

Катехизаторы потихоньку учились от о.Андроника заботиться о Церкви, о распространении православной веры. Батюшка не раз приводил в пример, как русские заботятся о своей церкви, любят богослужение, веселые колокольные звоны, как устроено дело в семинарии, чтобы и катехизаторы воспряли духом в деле распространения Слова Божия, стремились не к худшему примеру, а к лучшему. Простым людям он также говорил: «конечно, вы сами должны воспрянуть, иначе никто вас не поднимет, как не поднять вас утром, если вы сами не хотите вставать с постели. А это вечное дело; воспряньте же духом и трудитесь...».

В письме еп. Антонию (Храповицкому) о.Андроник воодушевленно писал о самоотверженных священниках, о которых он услышал на соборе: «После Петрова дня целые три дня был общий сбор священников, диаконов, катехизаторов и представителей от церквей нашей Японской Церкви. Обыкновенно в один год собираются только священники, а в другой год все служащие Церкви и представители. Теперь мы видели почти всех служащих Церкви, за исключением не приехавших за дальностью. Есть очень замечательные батюшки.

Например, отец Петр Сасагава, один из самых первых христиан; он, когда услышал, что Савабе Павла (теперь священник в Токео, о нем Вы знаете от отца архимандрита Сергия) и других потащили в тюрьму за христианство, то сам пошел и объявил себя тоже христианином. Продержали его там и выпустили. А другого (теперь священник) Матфей Кагета после тюрьмы отправили на место первоначального жительства (а в тюрьму-то он пришел в другой области); для отца Матфея это оказалось, конечно, самым лучшим: он там занялся проповедью и многих обратил, начиная с своих родных. Христиане его весьма уважают, и действительно очень почтенный симпу (батюшка); у него в приходе весьма много случаев, когда крещение или причащение сопровождается таким или иным знамением...

Да и все они трудятся, как умеют; ведь проповедь и для христиан, и для язычников только они и ведут. Конечно, сравнительно с прошлым временем теперь дело идет медленно; но в этом наши проповедники не особенно виноваты: теперь мы в Японии языческой переживаем такое же время, какое Вы пережили в христианской стране; теперь все здесь жалуются на охлаждение к делу проповеди; это период брожения столкнувшихся различных воззрений и жизненных укладов — буддизма, синтоизма, христианства в разных его исповеданиях. Старое уже выжило, хотя его и не оставляют, ибо оно создало быт; а тут наряду с высоким христианством совершенное равнодушие ко всему христианству со стороны здешних европейцев да и вообще европейцев, ибо ведь многие японцы уже побывали за границей.

В конце концов это будет, конечно, к лучшему: христианство будут принимать более сознательно, а не из пустого подражания европейцам, как было до сих пор. Но теперешняя пора все-таки здесь есть пора религиозного охлаждения. К церковным вопросам наши проповедники относились на Соборе вообще очень внимательно, озабоченные его процветанием. Всяк из них весьма бывает рад, если приведет ему Бог найти слушателей и привести их потом в Церковь. Но, конечно, для обширного дела проповеди имеющихся у нас проповедников очень мало; их мало даже и для христиан, разбросанных по Японии».

Особенно тяжело было общаться с японцами, которые считали веру пережитком прошлого, насмехаясь над ней. О.Андроник очень переживал за них, изливая свои молитвы Богу. В своих записках он отметил такой случай: «Иоанн гордо принял нас, даже и не поклонился; он занимался с учениками, так как и сам то учитель школы. Я спросил — когда принял крещение? Он притворился не понявшим, пришлось повторить те же самые слова катехизатору; оказывается, уже 20 лет христианин. Почему в церковь не ходит? — Недосуг. —

А в воскресенье ведь отдыхаете? – Да, но после ежедневных трудов нужно отдохнуть и телом. – Тело истлеет после смерти, а душа останется жить навеки; душевное дело важнее телесного; поэтому для него нужно хоть в воскресенье потрудиться. – Он все время говорил, что не понимает, так что пришлось сказать, чтобы Сакума рассказал это пояснее. Оказывается, в конце концов, что веры в Бога он совсем уже не признает и души не признает. Так же мыслит и жена его Мария. Все это он говорил сквозь ужасный торжествующий отчаянный смех, какой только и бывает у совсем отчаявшихся во всем, но страшно самолюбиво самоуверенных людей. Вероятно, таким же, только несравненно более сильным смехом, смеется диавол, если только он может смеяться, будучи духом. Жутко становится быть вблизи такого существа: это нечто сатанинское, безотрадное состояние пустоты в душе, с насильно достигнутым равнодушием ко всем ее запросам, несомненно заявляющим о себе, ибо их только присутствием и можно объяснить тот отчаянный смех, которым с услаждением смеются подобные люди, как смеется гоголевский сумасшедший, уверивший себя, что он испанский король, и постоянно разуверяемый в том окружающей действительностью, которая более действительна, чем грезы его разгоряченного мозга. Вот уже 10 лет, как он оставил совсем веру; а прежде привел к Церкви многих: Исида, Китадзима, Каяно (теперешний катехизатор), Кугимия (теперь диакон в Токио). Так как все таки мы мешали их уроку, что он прямо нам и сказал, то я спросил: можно ли придти к нему для беседы когда либо в воскресенье? Он прямо сказал, что так как не понимает необходимости иметь веру, то не имеет и желания слушать о вере и вообще с нами ничего общего не имеет. Нам оставалось извиниться за беспокойство и уйти, а он хоть бы капельку мотнул головой. Гордый и совсем холодный, отчаянный по настроению человек. Очень жаль. С великой скорбью я вышел и возвратился домой около 9-ти часов с напрашивавшейся на душу молитвой».

Тяжело было доказать и некоторым православным японцам, что не стоит работать в воскресенье. Интересно, что хуже всего это принимали не те, кто действительно был вынужден работать из-за нехватки денег для пропитания, а те, кто имел большой доход в этот день из-за продажи или еще какой работы. Если первые спешили в храм в будний день, то вторые вовсе не делали этого, посещая храм лишь по большим праздникам.

Сталкиваясь с маловерием и неверием, о. Андроник с сожалением признавал, как трудно проповедовать, когда у народа нет «религиозных связей с верой». Если бы и сами проповедники обладали духом настоящих апостолов Христовых... было бы легче, но даже в самом себе молодой иеромонах не замечал этого крепкого упования на Бога, надежды и веры, которые имели апостолы. О, как бы хотелось ему самому обладать этим духом, укрепляющим

немощные силы человека! О.Андроник, служа в миссии, все учился делать по любви к Богу и людям, но тяжело было справляться с нападками нечистой силы, которая бушевала за то, что он так быстро стал приводить людей к Богу. Печаль стала касаться сердца батюшки, но тут же он находил слова, укрепляющие веру: «если бы в России я так же неустанно действовал для народа, постоянно входя в его среду и говоря ему попросту от души слово Божие, то там можно бы было высоко поднять приходскую жизнь; наш народ исполнен веры, только стоит немного его возбудить. И вспомнил я минувшие два года службы в России, особенно последний в Ардоне, где я начинал действительное общение словом с народом, да и в семинарии завел дело очень прочно, да и на всю Осетию весьма развернулся. А здесь вот сколько времени ходишь и в дождь и в грязь, и в немочи, и в недосуг, и мало пробуждается народ, уже уверовавший прежде, но ослабевший; а относительно внимания язычников к слову о Христе нечего и говорить: не внемлют. И в этих сердечных противоречиях я долго и много ходил, сердечно молясь к Богу, да дарует нам Духа Своего Святого, наставляющего, умудряющего нас, просвещающего и исполняющего Своею Божественной силою, чтобы мы действительно были носителями и того Божественного учения, о котором вещаем, и Той Силы Божией, к Которой, как спасению всех, призываем народ».

Хоть не суждено было о.Андронику привести к вере язычников так, как это делал свт. Николай, но все же он успел сделать много. Постепенно, но в храм стало приходиться все больше и больше людей, даже те, которых уже считали отставшими от церкви. Так, Павел Исикава после долгого забвения церковной жизни, стал приходиться на службу. Первый раз увидев его на Литургии, батюшка очень обрадовался, подарил ему молитвослов, шейный крест, иконки Спасителя, Богородицы, апостолов Петра и Павла. Хорошо обстояли дела и в церковной жизни прихода. Ребята, посещавшие воскресную школу, свободно читали молитвы, с интересом слушали рассказы из Евангелия и по поводу Евангелия и даже научились петь разные песнопения.

6 августа (24 июля) 1898 года епископ Николай выехал с архимандритом Сергием для посещения церквей в Хоккайдо. Заведование миссией, включая хозяйственные дела (оплату за содержание, ремонт и пр.) было оставлено отцу Андронику. «Оставленный хозяином... отец Андроник отлично вел дела...», – с удовольствием отметил впоследствии владыка Николай.

В августе пришло печальное известие с Родины – умер отец о.Андроника. Но у Бога живы все, с еще большей самоотверженностью иеромонах принялся за миссионерскую деятельность, посещая общины, но его физические силы быстро истощились. 24(11) сентября

он пишет владыке Николаю письмо: «Стыдно мне сознаться, а нужно; я болен. Что болит? Да всё: голова как свинцом налита, (сильное головокружение, как будто падаешь; конечно, от слабости), в сердце иногда (редко) как будто горячими клещами копаются, а вообще как-то неладно оно дает о себе знать, грудь ноет, хотя не разберу – в груди или только в костях; а тут и ноги уже кстати болят да и руки. Как и водится, с телом всё болит: настроение самое отвратительное. По ночам иногда не сплю; а тут раз кто-то вдруг стучит в окно, да так явственно, что я моментально проснулся: конечно, ничего и нет. Обуял какой-то страх смерти, а за ним такая тоска по родине, что хоть бы сейчас бежать туда: умрешь де здесь и забросят на языческом кладбище, и никого не увидишь из своих, и ничего не сделал... Когда я с Вами беседовал о смерти матери, деда и о себе, тогда, признаться сказать, мне хотелось бодрыми словами подбодрить себя, сказать, что ничего себе – все пройдет, только знай работай да не трусь, а умереть-то всё равно нужно. И тогда я действительно много подбодрил себя, не знаю и как. Но дело взяло своё, а духа не хватает. Помогите мне, впрочем, не знаю и чем... Помолитесь за меня, чтобы мне воспрянуть. Меня всегда в страшное уныние приводила всякая моя телесная расслабленность, я скучаю без дела, оторванный от него».

Памятник на могиле родителей свщмч. Андроника

Епископ Николай ответил следующее: «В России вместо Вас много деятелей; здесь заменить Вас некому. Не искуситесь от внушения лукавого бросить Вашу благую часть. Да хранит Вас Бог, и внушает Вам всё, что полезно для прославления Его имени в сей стране». Епископ Николай не терял надежды, что здоровье иеромонаха Андроника поправится. «Отец Андроник, – писал он, – даст Бог, будет отличным миссионером, кажется, и будет тем хозяином дела, о котором я мечтал. Посещает и оживляет церкви окрестные Осака; ропщет на неуспехи в японском языке, а между тем говорит так, что все отлично его понимают и иногда трогаются до слез его речами. На днях был здесь христианин из Вакаяма, где только что побыл отец Андроник, и рассказывал, что все удивляются, как отец Андроник в девять

месяцев так научился говорить по-японски, уверял, что решительно всё, что он говорит, все отлично понимают».

Слова владыки на некоторое время укрепили о.Андроника, но невыносимые головокружения, боль в сердце все же дали о себе знать снова: «Тогда я ... постоянно странствовал по Японии, ходя из дома в дом по рассеянным всюду христианам. Но утомление от быстрого и напряженного занятия японским языком, к сожалению, повергло меня в тяжкую болезнь и я должен был возвратиться к себе на родину». Недолго пробыл в Японии после отъезда иеромонаха Андроника и архимандрит Сергей, не имевший столь серьезных проблем со здоровьем, но также истощенный духом.

И все же возвращение о.Андроника в Россию не было его духовной слабостью. Тяжелая болезнь и отсутствие необходимой медицинской помощи, плохая адаптация к климату не дадут ему пробыть в Мисси и в следующий раз, когда физические силы немного окрепнут. То же рвение и упование на Бога, которое батюшка приобрел в миссии, он продолжит в России. С такой же самоотверженностью он возьмется за просвещение русского народа в далеких селах и деревнях, не обращая внимания на расстояние. Только и здесь не сбудутся его мечты о массовом просвещении народа в условиях революционного времени. Таких, как тот японский учитель, окажется в России слишком много, но эти обстоятельства не приведут архипастыря в отчаяние – он сделает все, чтобы спасти хотя бы тех, кто еще не потерял веры.

Итак, после активной миссионерской деятельности в Японии О.Андроник вернулся к пастырской деятельности в Александровскую Духовную семинарию, а затем вскоре был переведен в любимый Ардон. 18 (5) марта 1899 г. он возведен в сан архимандрита и назначен ректором семинарии в Ардоне. Воистину исполнились слова молитвы: «Приими сей жезл, имже утвердидеи паству твою, да правиши яко и слово имаши отдати за ю, нашему Богу, во дни суда». Утверждать паству в вере православной владыка будет всю оставшуюся короткую жизнь.

К осени здоровье владыки значительно ухудшилось, и он подал прошение об отставке. 27 (13) января 1900 г. определением Святейшего Синода архим. Андроник увольняется от должности ректора. Теперь путь владыки – в Уфу, где он причисляется к братии Архиерейского дома и становится сверхштатным членом Духовной консистории. Пройдет всего лишь год – и за это время владыка успеет сделать невероятно много дел, так что в мае 1901 г. его представят к новой награде - орден святой Анны 2-й степени за службу по епархиальному ведомству.

18 октября 1901 года по ходатайству епископа Уфимского Антония (Храповицкого) архимандрит Андроник становится ректором Уфимской Духовной семинарии и благочинным монастырей епархии.

В то время выпускники Уфимской семинарии категорически отказывались идти в священники, так что никто ими не становился. Все церковное считалось на последнем месте, а всенощное бдение в семинарском храме продолжалось не более часа с четвертью. «Вскоре после прибытия владыки Антония в Уфу там появились всегда любимые им ученые монахи, которым он поручил руководство духовной семинарией, — писал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий). — Это были иноки в духе самого Владыки, подвижники, любители церковности, проповеди, добрые, ласковые, отзывчивые на всякую нужду своих питомцев». Одним из них был архим. Андроник.

О.Андроник сразу обратил внимание на то, что в семинарии процветали пьянство и невежество, поэтому не удивлялся, что из заканчивающих семинарию практически никого не удавалось уговорить продолжить образование в Духовной академии. Тут же владыка повел решительную борьбу с недостатками устройства быта и учебного процесса семинарии, с пороками преподавателей и семинаристов, в чем его поддерживал епископ Антоний. Для исправления положения новому ректору пришлось уволить часть преподавателей из тех, кто выказывал упорство в нежелании избавиться от пороков, в которые они втягивали и юношество. Несмотря на жалобы вышестоящим инстанциям, архимандрит Андроник был непреклонен в этой борьбе, не боясь, в случае чего, самому уйти в отставку. И только таким образом ему удалось оздоровить нравственную обстановку и добиться того, что «пьяная семинария сделалась трезвою, нецерковная... церковною». Параллельно он уделял большое внимание подъему веры семинаристов.

В 1902 г. в журнале «Православный собеседник» архим. Андроник публикует сочинение «Христос-Искупитель по учению святых отцов Церкви», явившееся продолжением духовных и богословских размышлений, начало которым было положено в период обучения в Московской духовной академии в кандидатской работе «Древнецерковное учение о Евхаристии как Жертве в связи с вопросом об Искуплении». В 1905 г. он издает работу «Чего желать для нашей духовной школы», связанную с обсуждавшимися в церковной печати вопросами реформирования духовного образования. В результате, за время просветительской деятельности ректора, в академию стали поступать, причем из числа лучших, восемь выпускников из двадцати-двадцати пяти, а в желавших стать священниками становилось сразу полкурса из окончивших Академию. Богослужение в семинарской церкви было

поставлено на должную высоту, так что храм начал переполняться народом. В мае 1905 г. за заслуги в воспитании юношества архим. Андроник награжден орденом святого Владимира 4-й степени.

За время, пока архимандрит Андроник был благочинным, число монастырей увеличилось с шести до пятнадцати, устроен единоверческий Воскресенский мужской монастырь. Особо активно владыка участвовал в становлении крупнейшего в епархии Георгиевского женского монастыря «Святые кустики», который в 1920-е гг. сыграл важнейшую роль в противодействии обновленческому расколу.

В период русско-японской войны владыка выступал в печати с патриотическими статьями-проповедями. Как тяжело было воспринять эту войну с полюбившимся за время миссии японским народом, но он находил слова для поддержки духа своего народа. Еще тяжелее было видеть, как в своем родном отечестве начинает рушиться вера, устраиваются забастовки, распространяется клевета на царя. О первых революционерах он напишет так: «Руководимые обнаглевшими тогда жидами, эти толпы *уже* не стеснялись в выражении своего полного презрения к народной вере, к священному для Русского народа Царскому Самодержавию и всему народному быту. По указке, исходившей, очевидно, от одной руководившей всем революционным делом руки, обнаружение деятельности этих «красносотенцев» было одинаково везде, по всей нашей обширной стране. Везде ругались над верой, над духовенством и монахами; угрожали святые храмы с мощами и иконами превратить в музеи, театры и народные дома; монастыри, как, очевидно, вреднейшие для революции и развращения народа учреждения, закрыть, земли же и сокровища их отнять; местами были даже прямые издевательства над святынями; рвали Царские портреты; самым нецензурным криком ругались над Царем, открыто угрожая ему гильотиной, а где то, на юге, собаку нарядили в корону и водили по улицам; всех же не согласных высмеивали, избивали и гнали, как врагов начинающегося нового строя благополучия. Но тут оправдалась мудрая русская пословица: «нет худа без добра». Вследствие того, что растерявшаяся, а местами и прямо предавшаяся революционерам власть дала волю всем этим красносотенцам и погромщикам, последние, зарвавшись, раскрыли все свои планы и намерения, и народ быстро понял их действительные цели. Таким образом, нет ничего удивительного, что после милостивого Царского манифеста 17 октября² 1905 года господство красных продолжалось всего только три дня (местами же и того меньше), а с 20 и 21 октября уже пошли быстро

---

² Даты в заметках и дневниках владыки даны по старому стилю.

собравшиеся народные патриотические манифестации, по численности своих участников несравненно более значительные, чем демонстрации красносотенцев».

Воистину смелые слова, но таким владыка был с детства: говорить правду, стоять за правду и проповедовать истину. Сразу после обнародования Царского манифеста о гражданских свободах архим. Андроник с благословения правящего архиерея опубликовал воззвание к населению губернии с призывом вернуться к мирному труду. Он также принимал активное участие в патриотических акциях населения в поддержку Царствующего дома, мира и порядка в государственной жизни. «От горького сердца хотелось нам сказать: прокляты те люди, которые даже в годину испытаний далеки духом и сочувствием от своей отчизны; даже и теперь они не чувствуют никакой связи, никакого духовного единства со всем родным; очевидно нет для них родного дома и крови, нет и священной родины; они чужды ей», - писал архим. Андроник в Уфимских епархиальных ведомостях за 1906 г.

(27) 13 октября 1906 г. архим. Андроник хиротонисан во епископа Киотского и назначен помощником начальника Российской духовной миссии в Японии - свт. Николая (Касаткина), но лишь весной он направится туда. С 6 февраля (24 января) по 12 февраля (30 января) 1907 г. владыка в Перми, которую тоже застала революция: «Со скорбью великою и даже с плачем скажу дерзновенно ... наказывает наш народ теперь Любящий его Господь, и верится, что сумеет Русский народ изbleвать из себя ... чуждый ему яд, и снова явиться в привлекательной и еще более очищенной славе, как очищается серебро и золото в горниле испытания». Надежда на лучшее уже никогда не покинет владыку и своей дерзновенной молитвой, своей мученической кровью, он еще испросит у Бога покаяние для России. Пока же, на некоторое время, ему снова суждено побыть в Японии.

На этот раз владыка отправляется в дальнюю страну через Сибирь. Снова несколько месяцев путешествия, и наконец, 10 апреля (28 марта) 1907 г. епископа Киотского встречают чада Православной Церкви во главе со святителем Николаем. В приветственном слове еп. Андроник отметил, что главная задача России и Православной Церкви - не сделать из всех язычников святых, а ввести в их жизнь "фермент святой жизни, христианскую закваску". Именно это должно помочь сближению России с дальневосточными странами, но все же главной целью, стоящей перед Россией и Церковью, является завершение миссии, начатой первохристианскими апостолами. Внешние опасности, грозящие с Востока, владыка воспринимал лишь как Руку Божьего Промысла, поэтому никакие политические события не смущали его сердце. Он безбоязненно передавал чадам японской Православной Церкви то,

что дано не только для внутреннего хранения в самой России, а для распространения по всему миру – это само Православие.

Вторая поездка в Японию еще больше сблизила еп. Андроника со святителем Николаем. Тот стал для него не только наставником, но и любящим духовным отцом. «Из своих бывших начальников я только от дорогого Японского владыки Николая встречал сочувствие и душевность», - писал впоследствии священномученик Андроник.

Снова начались уроки японского языка и самоотверженная миссионерская деятельность. Сохранилась фотокарточка, которую еп. Андроник послал своей сестре Марии. Драгоценна на ней надпись, сделанная владыкой на японском языке. Ее перевод выражает любовь к чужому, но ставшему родным, японскому народу: «Молю Тебя, Господи, ниспослать благополучие Твоей пастве страны тростниковых равнин, и вечно хранить ее от всех напастей».

После войны община в г. Осака находилась в плачевном положении: в храм ходило не более десяти человек, на клиросе читал и пел один псаломщик. Но владыка не отчаивался – он сам шел навстречу людям. В будние дни каждый вечер с пяти часов он начинал обход домов христиан. В это время люди заканчивали свои работы и были свободны. Сначала епископ знакомился со всей семьей, затем расспрашивал, где и при каких обстоятельствах они приняли христианство, кем и когда крещены дети. Вникая в жизнь каждой семьи, владыка уяснял себе картину их духовного состояния, находя путь к сердцу каждого. Обычно беседа шла за столом, хозяева подавали чай, а простой разговор все более наполнялся духовным смыслом. Темы непринужденной беседы сами давали повод

для слов назидания, ободрения, обличения и вразумления. Бывало, что кто-то поплачет - и епископ вместе с ним. Он был чуток и отзывчив, но при всем этом понимал, как важно утвердить в вере человеческие сердца. Особенно любил владыка рассказывать о жизни первых христиан, об их ревности и благочестии, о том, как нужно молиться и жить по заповедям. Храм постепенно наполнялся народом, а на клиросе уже пел большой смешанный хор.

Слабое здоровье владыки в неблагоприятном местном климате снова стало ухудшаться, так что к маю 1907 г. еп. Андроник подал прошение о срочном отпуске, а затем и об увольнении с должности.

«Возрастает Церковь или нет? – писал владыка Николай в дневнике после отъезда епископа Андроника. – Набирается сил или хиреет? Кажется второе... Я махнул рукой и впился лишь в свое дело – перевод богослужения. Чем я могу помочь? Я ли не убеждал трудиться и словесно... и письменно – окружными посланиями и частными письмами? Благочинный, посещая церкви, мог бы несколько одушевлять личным влиянием... Русский благочинный нужен для этого, вроде Преосвященного Андроника, но что же делать, когда Господь не благоволит послать его?» Расставание со свт. Николаем не разрушило их духовной связи. В дальнейшем они будут вести между собой постоянную переписку.

В ноябре 1907 года епископ Андроник был временно назначен к управлению Холмской епархией в связи с отсутствием архиепископа Холмского Евлогия (Георгиевского), избранного в то время депутатом Государственной Думы. Архиеп. Евлогий очень хорошо отзывался о деятельности молодого архипастыря, отмечая его активность, ревностное служение Церкви и благочестие. О.Андроник не оставлял без внимания ни одной проблемы, быстро приобретая к себе уважение и доверие.

В то время особо остро вставал вопрос о католической экспансии, вызванной царским указом о гражданских свободах. Владыка тут же напечатал обращение к народу, в котором подчеркнул: «...многие русские люди нашего Холмского края по навету льстецов и по своей духовной слепоте или пристрастию к мирской суете и благополучию, а иногда и по слабости духа перед гонителями непорочной нашей веры, не стеснявшимися в самых грязных средствах, - многие ушли от Св.Церкви в папскую польскую веру, которая есть злейшая всех ересей – латынская ересь...ибо она от Христа уводит человека, научая его веровать вместо Христа в человека – папу, имеющего будто бы власть и из ада выводить. И верят ослабевшие

в вере люди, и губят свои души. Чада Церкви Христовой! Строго соблюдайте себя от такой заразы».

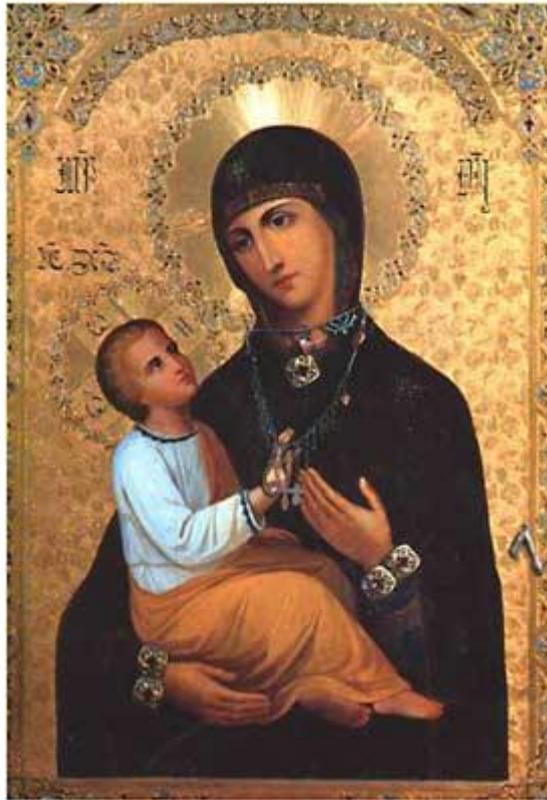
Еще одной проблемой была борьба с сектантами. О них епископ отзывался довольно резко, но в то же время не забывал и о грядущем атеизме, который дает свободу демоническим силам: «принялись теперь и за малых детей. Недавно в Москве устроили сектантскую беседу для детей, в заключение которой поучали их, как отнестись к диаволу, если он явится им в чувственном виде, и давали совет отнестись к нему деликатно, вежливо, как и Христос к нему относился при жизни. Вероятно, советуется даже по головке погладить явившегося диавола, чтобы был поласковее... А подрастут ваши дети, попадут в университет – там Милюков и К°, так же подтасовывая и обманывая, будут учить их, что наука доказала происхождение человека от обезьяны. И сделают ваших детей действительно зверями, с той лишь разницею, что обезьяна смиренное и послушное животное, а эти звери-человеки будут горды, дерзки, жестоки и грязны. Это еще только цветочки, а когда созреют ягодки-то освобождения, тогда такие свободы узнаете, что воплем отчаянным завоюете, хуже чем полтысячи лет назад под лихим татаринном.* Вот в этом заговоре против Христа и вся разгадка всего освобождения, а вовсе не в том, чтобы жизнь человеческую сделать лучшею и благополучною ради перемены одного гражданского строя на другой. Посему надлежит бережно хранить и смело и твердо отстаивать то, что нам может обеспечить святое достояние веры Христовой. Как яда смертоносного, следует оберегаться всего, что предлагается вместо нашего родного и бытового достояния...».

Близился роспуск Государственной Думы. Это означало, что епископ Евлогий должен был вернуться в епархию, а владыка Андроник остаться без места. 3 февраля (21 января) 1908 года епископ Андроник пишет митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому): «Простите, что осмеливаюсь беспокоить Вас своею просьбой... Если посочувствуете мне, Владыка, то благоволите о мне замолвить слово в Святейшем Синоде на Прилуки. Назначивши меня туда, могут пока опять командировать в Холм до лета, когда все равно возвратится Преосвященный Евлогий. Ведь скоро год будет, как я из Японии скитаюсь по грехом моим». Владыка Андроник был услышан. 30 (15) марта 1908 года его назначили епископом Тихвинским, первым викарием Новгородской епархии.

Пришло время расставанья с холмской паствой, которая успела полюбить своего владыку. От кафедрального собора ему подарили на память копию Чудотворного образа Холмской Божией Матери с надписью на серебряной дощечке: «Преосвященному

Андронику, епископу Тихвинскому, на память о Холмской Руси, которую Царица Небесная сохранила в вековой борьбе за веру и народность».

По преданию чудотворную икону Холмской Божией Матери принес в дар городу Холму (Хельму) святой равноапостольный князь Владимир. Очевидно, она была вывезена из Византии с приданым его жены Анны, дочери византийского императора. Эту икону они и пожертвовали в одну из холмских церквей. Так первый небесный покровитель владыки, блв.кн. Владимир, словно поручил еп. Андроника Матери Божией, молитвами Которой тот с достоинством будет нести свой крест.

В Новгородской епархии административное положение владыки оказалось практически бесправным, но все дело служения, проповеди, а частично и административного управления ему пришлось нести самому, поскольку престарелый правящий архиерей, архиепископ Гурий (Охотин), вследствие плохого самочувствия реально не мог ничего делать.

Сразу же по приезде в Тихвин еп. Андроник принялся за объезд всех церквей, входящих в Тихвинское викариатство. Дороги были очень плохие, но даже если владыку предупреждали, что он не сможет проехать, то он все равно ехал, уповая на помощь Божию и выезжая пораньше. По целым дням приходилось пребывать в физическом напряжении, но владыка любил эти путешествия, обновляющие душу и тело. За один только сентябрь он посетил двадцать два сельских храма, лично знакомясь с людьми, входя в церковные нужды общин и в нужды каждого обращающегося к нему за помощью: «...многие и таясь и открыто

просят совета, молитв, готовы тут же исповедать всю свою душу, умоляют принять от них – кто полотенце, кто деньги, кто даже иконку или еще что либо от святого места принесенное... И все это до глубины души трогает, настраивая ее на благоговейный и торжественный тон от сознания раскрывающегося перед тобою благодатного Царства Божия из глубины смиренного, простого, по видимости грубого, а на деле нежного и мягкого народа русского». Вот так нежно и с любовью владыка смотрел на каждого, не гнушаясь ни брезгливым видом человека, ни простым подарком, принесенным от чистого сердца. Общение с простым народом подвигало его на еще большие молитвенные подвиги и неустанные труды.

Со скорбью владыка отмечал, как быстро гаснет дух русского народа, захваченного самыми низменными страстями, погружающими его в безбожие. Это народное пьянство, безобразное проведение деревенских праздников, которые часто кончаются драками и даже смертоубийствами, разгул молодежи, падение семейных нравов и почтительного отношения младших к старшим, франтовство, бесчестность, озорство и хулиганство, мстительность и жестокость, вероломство и лживость до лжесвидетельства под присягой. Все это говорило об утрате самой веры, отсутствии положительных и строгих правил жизни. На лицах людей, особенно молодого поколения, владыка начал замечать какое-то духовное одичание: «А что с ними будет впоследствии, когда и сама жестокая жизнь наложит на них свой немилосердный отпечаток, особенно если принять в соображение ту погоню за материальным или, лучше сказать, животным довольством, которое сделалось характерным признаком и духом последнего времени, освободившись от духовных высоких начал жизни. Это все более чем безотрадные, зловещие признаки, при виде которых жутко становится за будущее нашей народной жизни». Именно поэтому владыка очень быстро реагировал на события, которые вели к духовному падению.

Предостеречь людей от зла, помочь им выбраться из пучины греха – вот что руководило деятельностью архипастыря. Когда в Новгороде была поставлена пьеса Сенкевича «Камо грядеши» и артисты пели на сцене «Хвалите имя Господне», владыка смело отозвался об организаторах постановки как о богохульниках. Когда в городе был задуман вечер с балетными номерами, сбор от которого должен был пойти на раненых славян, - он высказался против мерзкого совмещения пляски с памятью о кровопролитии. Благодаря стараниям епископа в Новгороде были организованы еженедельные религиозно нравственные чтения, которые посещали сотни людей. Часто и сам он бывал на этих чтениях, давал советы лекторам.

Епископ Тихвинский Андроник. 1908 год

Традиционно в Новгороде царствовало вольнодумство в вопросах веры, так что было много сектантов, особенно псевдохристианских. Владыке постоянно приходилось говорить об опасностях сектантства на различных чтениях, на проповеди, возобновляя поездки по епархии. Где-то приходилось проявлять строгость. Так, для борьбы с сектой "киселевцев"-иоаннитов владыка отлучил их от Святого Причастия. «Наше сектанство, - говорил он, - основывается ... на наших слабостях. У них даже принято за правило – не восставать на Православие решительно и открыто, но прежде того указывать на недостатки как среди православных, так особенно среди их пастырей, поступая по слову: поражу пастыря и рассеются овцы стада... Враг силен временно нашими слабостями, в чем и сам он признается открыто. Пусть не будет этих слабостей укорительных». И сам владыка давал пример во всем, дабы не было за что укорить его ненавистнику рода человеческого. Встречая сектантов, епископ нередко приглашал их для вразумления к себе домой. Увидев утомленного паломника, он не ленился остановиться и поддержать его словом, давал место для ночлега в своем доме.

Заповедь «блаженны милостивии, яко тии помилованы будут» владыка прекрасно сочетал с другой, не менее важной заповедью: «блаженны изгнаны правды ради...». Милость и стояние за правду стали непрестанными спутниками святителя. Он не боялся честно и адекватно оценивать политическую ситуацию в стране, не боялся предупреждать народ о надвигающейся опасности, даже со стороны высокопоставленных лиц. Немалую роль в подрыве основ веры он отводил масонам, всячески старающимся опорочить деятельность царя и Церкви и в то же время громко говорящих о правах и свободах человека. Молчать архипастырь не мог. «Помни, - писал он, обращаясь к русскому народу, - что все эти

появившиеся партии не добро твое имеют в виду, а лишь господство над тобой... А главное – все эти партии стараются извести веру в земле твоей, - ту веру, которую ты живешь уже тысячу лет, и вместе с тем стараются еще более разъединить тебя с Царем твоим, потом же и вовсе его устранить, - того Царя, которого ты перед Богом поставил над собой». Пророческие слова, написанные в газете «Колокол», исполнились через 10 лет. Этот же призыв к народу вошел в новый труд владыки - «Русский гражданский строй жизни перед судом христианина или Основания и смысл царского самодержавия», вышедший в 1909 г.

Епископ отмечал, что для христианина не должен быть безразличен тот или иной порядок гражданской жизни, потому что он живет в мире и не может выйти из мира до времени, определенного Творцом (1 Кор. 5, 10). А потому не может быть для нас безразличным то, что совершается в гражданском быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу нашего спасения: «Вся эта партийная и выборная агитация – это сплошной угар, которому люди предаются всецело, забывая все прочее. Так и дальше: какая партия проберется в большинство, та и управляет всем, крича, что она только и есть голос народа. Но кто же может в это верить, как в догму правовой конституции, когда у нас выдавали себя за народ сначала революционеры открытые, а потом и они, и революционеры скрытые – кадеты, сами теперь сознающие свое поразительное меньшинство среди действительного народа, почему они и покровительствуют всякому террору, через него надеясь удержаться на своих позициях? Разве была и есть действительная забота о народе, об Отечестве, когда все сводилось и сводится к партийной борьбе и торжеству? А дело веры заброшено было настолько, что даже в вероисповедную комиссию были выбраны, кроме неверующих или маловерующих, евреи, поляки и мусульмане. И это в стране, где господствующее население русское, православное и верующее?! И эта кучка смеет выдавать себя за народ и свои бредни за голос его?!»

Активная деятельность еп. Андроника, конечно, не могла остаться незамеченной, особенно, когда он стал стать почетным председателем Новгородского отдела Союза Русского Народа (СРН). Дело «Союза» сводилось к воспитанию народных масс, образованных и простых, в духе сознательной любви и привязанности к Отечеству. Для просвещения использовались газеты, журналы, книги, школа, чтения, беседы, вообще все то, что содействует народному образованию, но все это должно было быть вложено национальное самосознание, сознание себя именно русским народом со всеми его особенностями, отличающими его от прочих народов. Это же высокое народное самосознание члены Союза хотели положить в основу всего законодательства. Вера и законы

должны были обеспечить житейское благополучие и порядок, а для этого все гражданские законы должны были основываться на заповедях и служить верным указанием пути к спасению.

В брошюре "Беседы о Союзе Русского Народа" владыка не только защитил от нападков это патриотическое движение, но и обосновал с позиций православного вероучения многие постулаты монархической идеологии. «Союз Русского Народа» он рассматривал как общественно-политическую силу, призванную хранить вековые духовные, государственные и национальные традиции русского народа. В этом убеждении он ставил своей целью, чтобы ни школа, ни печать не развращали населения, приучая его ко всему низкому, грязному и срамному, а, наоборот, внушали ему одно лишь высокое и святое. Отсюда, делал вывод владыка, школа должна быть христианской, прежде всего и во всем заботящейся о христианском воспитании. Конечной целью школьного воспитания он видел истинную христианскую свободу. Эта свобода заключается в том, чтобы человек свободно стремился и шел ко всему высокому и праведному, – свободно воздерживался от своих худых привычек и страстей, от соблазна и принуждения ко всему злему. Конечно, человек свободен последовать и второму, но душе его, исполненной веры в бессмертную, загробную жизнь и страха Божьего, все это недоброе противно, как ненормальное и нездоровое.

"Союз Русского Народа, - писал епископ, - не партия. Союз есть сам великий Русский Народ, собирающийся с духом, чтобы отстоять свое достоинство от возможных бед. Это есть сам народ, отгребающийся или освобождающийся от натиска всяких партий, от всего партийного и наносного, а не народного. Поэтому он так ненавистен всем партиям, что опасен им своею беспартийностью и глубокою и исключительной народностью. Пусть ни один малодушный не смущается, когда враги народа или не понимающие его истинного блага закидывают клеветой имя Союза, обзывая союзников черносотенцами. Мы желаем быть русскими всегда, везде и во всем - в семье, в школе, государстве, в общественной жизни, в церкви". Впоследствии эти слова ему припомнят в 1918 г., объявив вождем «местной черной рати мракобесов».

В 1909 г. еп. Андроник организовывает сбор денежных средств на нужды миссии в Японии. Народ радушно принял призыв владыки, собрав немалую денежную сумму для далекой страны, с которой совсем недавно была война. Когда на следующий год в Новгород приедет еп. Киотский Сергей (Тихомиров), его лекции о Японии, христианстве и миссионерском служении посетит большое количество мирян и семинаристов, а на строящийся храм в Хакодате соберут новые пожертвования.

Воскресенский храм в Хакодаде

Конечно, и еп. Андроник рассказывал о своем служении в Японии, о дорогом свт. Николае, так что семинаристы, воодушевленные его рассказами, тоже изъявили желание поддержать связь с великим просветителем Японии. Как-то в благодарность за дар иконки «Собор Новгородских Угодников Божиих» свт. Николай (Касаткин) прислал даже благодарственное письмо новгородским семинаристам.

Трудным было служение и в России, но для еп. Андроника оно было в радость: «не перестая услаждаться и умиляться здешними новгородскими святынями и здешним народным благочестием, - писал он в письме митрополиту Флавиану. - Город небольшой, церкви за каждым углом, а везде народа молится в достатке, а где и до тесноты. Тут как-то выдалась одна неделя с ежедневными праздниками и праздничками. И умилительно было видеть, как изо дня в день [праздники] народа собирали до тесноты и духоты. Стараюсь посему для собственного умиления среди народа бывать на всяком празднике: где послужишь, где подьячишь, где просто постоишь... Наслаждение! Так время и летит. Среди множества всякого дела прямо не замечаю не только дней, а даже недель. А там и могила. Да и не дай Бог дожить до раскрытия тайны беззакония, с чем, по-видимому, так торопятся...»

Желая успеть поделиться своим богатым духовным опытом, в 1910 г. владыка издал книгу «Письма архиерея к иереям». Он советовал пастырям не ограничиваться проповедью за литургией, но проповедовать и за другими богослужениями, чтобы «хоть краткое слово назидания от Евангелия предлагать молящимся, питать их душу хлебом Божиим. Кроме того, непременно нужны внебогослужебные чтения и беседы в храме, в школе... Тут будет и чтение от божественного, и рассказ из жизни святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и самая катехизация народа».

Большое значение епископ придавал кружкам ревнителей благочестия: «Несомненно, во всяком приходе, даже в самом распропагандированном, найдется много таких, которые скучают и скорбят о всем нехорошем в жизни. Вот с них то и пусть священник начнет дело церковной миссии. Пусть он соберет около себя таких ревнителей благочестия, христианского научения и книжного доброго чтения. Из них можно составить постепенно как бы миссионерский кружок или кружок ревнителей. Собирая их по временам вместе, беседовать о вере и жизни, читать Слово Божие и о божественном, возбуждать в них самих ревность о том, чтобы и других привлечь к своему содружеству, научать их – как действовать на других и на кого именно с какой стороны и что предлагать другим ко вниманию, чтобы возбудить жажду духовной жизни».

Конечно, добрые дела – лучшее свидетельство того, насколько благочестиво живет человек. Пример святых, пример самих священников, деятельное участие в организации приходской жизни помогают поднять духовную жизнь народа на более высокую ступеньку, реально помочь каждому стать лучше, добрее. Кто-то из старших может составить содружество или общество с целью борьбы с непорядками в общественной жизни, с хулиганством и озорством, с шинкарством, воровством и тому подобным. Женщины могут следить за поведением детей и молодежи, общим советом и уговорами отводить мужчин от пьянства и т. п. Девушки могут следить за чистотой в приходской церкви, предпринимая разные работы по украшению храма, в пользу или помощь бедных и нуждающихся и т.п. Молодцы могут составить содружества для изучения Слова Божия, для чтения «умных» книг, для борьбы с пьянством, для взаимного укрепления в добром поведении с целью привлечь к тому и товарищей, для разумного и хорошего обзаведения сельского хозяйства и т.п. Понятно, что в таком деле нужны руководители и вдохновители. Во главе всего дела стоит священник, а ближайшими помощниками ему должны явиться все образованные в приходе лица, включая их семьи. «Пусть, например, матушка встанет руководительницей всех крестьянских женщин, как образованная женщина, - писал владыка. - В прежние времена так и было, что матушка была первой советницей для всех прихожан; к ней прежде всего направлялись и с телесными болезнями, и с семейными начинаниями и дразгами. Матушка для прихожан была действительно как мать родная. Ее авторитет был весьма высок. Да подражает прежней матушке и матушка нынешнего времени: теперь ее дело еще плодотворнее может быть, только бы она приложила старание к тому и любовь возгрела в себе к меньшей братии. Пусть она не чуждается крестьянства, не являет себя барыней, а будет проста, приветлива, доступна, внимательна. А образованность ее научит ее, чем она может

быть полезна крестьянству темному. Или, например, как было бы полезно, если бы летом, когда все взрослые бывают на работе, а в деревне остаются одни дети да беспомощные старики, – если бы в это время поповны и поповичи взяли под свое покровительство беспризорных детей, лишь к разным нехорошим привычкам пристращающихся на свободе, по чужим огородам лазящих, а иногда и пожары устраивающих. Таких то детей и прибрать бы к рукам разумными развлечениями и играми, прогулками, рукоделием, ремеслом и т.п.; а малых, грудных детей, можно бы ухаживать и прямо, как в яслях, – тогда бы не было бы той ужасной смертности детской именно в летнюю пору от неприсмотра, от плохого питания и т.п. И опять всего и не перечесть, что можно завести при воодушевлении и усердии».

Усердие архипастыря было беспредельно, его прямота у кого-то вызывала страх, кого-то раздражала и обижала, задевая за «живое», так что в окружении владыки начали появляться те, которые льстили; те, которые всячески хотели отстраниться от дел; и те, кто хотел испортить отношения с начальством.

30 (17) октября 1910 года архиепископ Гурий был уволен на покой, и управление епархией временно было поручено епископу Андронику. 18 (5) ноября управляющим Новгородской епархией был назначен архиепископ Арсений (Стадницкий)³, с которым владыка Андроник сразу вступил в переписку относительно текущих епархиальных дел.

Архиепископ Арсений обнаружил себя как активный церковный администратор и дипломат, но не все его действия импонировали епископу Андронику. Чтобы устранить возникшее недопонимание, владыка Андроник написал архиепископу: «На первой неделе я говел и, однако, смалодушничал и не осмелился сказать Вам то, что дерзаю исповедать сейчас на бумаге. Владыка, чувствую и вижу, что между нами какая-то стена трудная. Искал я вину за собой и полагаю, что не ошибусь, если такую виною своею назову мои мнения Вам по делам Консистории: они, может быть, резки, не деликатны, не осторожны, даже, может быть, как бы не почтительны. Если верно, то простите мне это, но признаюсь Вам откровенно: так я пишу с умыслом. Дело в том, что сам я не терплю выслушивать льстивые речи, как и Вы. И поэтому мне всякий особенно деликатный и изысканный тон не от посторонних, а от подчиненных, всегда кажется подозрительным, хотя, конечно, весьма часто и ошибаюсь в этом. Поэтому сам я решительно избегаю говорить высшим меня начальникам особенно изысканно и говорю то, что думаю. Рассуждаю так: пусть меня обвинят в неделикатности, нетактичности: каков есть, таков и буду; но пусть никто не заподозрит в искательстве, в лести, ибо это уже недостаток нравственный, грязный. И для дела: пусть оскорбится

---

³ Будущий митрополит и один из трех кандидатов на Патриарший престол.

начальник на мой не аккуратный тон, но если я говорю правду и резонно, то он увидит ее и избежит возможности погрешности; а если заподозрит в искательстве, то и меня осудит за этот грех, да и поступит только поэтому вопреки моему мнению и, следовательно, может погрешить. Может быть, я ошибаюсь и говорю нелепость; но это мое собственное мнение, и я едва ли сумею его изменить. Иногда знаю, что, может быть, некоторою резкостью или по крайней мере упрощенностью словоизложения, почти бесцеремонностью можно и делу навредить, поэтому иногда начинаю стараться отбросить это, но буквально становится противно, прямо-таки некоторая щепетильность не позволяет быть заподозренным в ласкательстве перед высшим себя и пока не своим человеком, и я бросаю и пишу так, как считаю за самое простое.

Конечно, может быть, Вы и не поверите этому, но то уже будет не моя вина. Дорогой Владыка, если желаете естественности и правдивости, то поверьте мне в этом и Бога ради не обижайтесь на меня, если я и впредь буду писать Вам так, как писал доселе. Не требуйте от меня не естественного для меня, это мое нравственное предубеждение, хотя, может быть, и весьма ошибочное. Но оно мое. И поэтому Бога ради понимайте всякое мое писание так, как оно есть на деле. Снизойдите к этой моей слабости и потерпите... Но как доселе я не считал полезным таить от Вас того, в чем являюсь несогласным с Вами, так надеюсь поступать и впредь. Ибо противоположное — утаивание — считаю преступлением. Если же и кроме этого есть во мне какие вины, то Бога ради укажите мне их; если это действительно вины, а не недоразумение, то, может быть, смогу и исправить их. Оставаться же в виде недоразумения и знака вопроса — считаю неудобным и не полезным». Владыка Арсений старался не обижаться на прямые слова о Андроника, считая отношения с епископом братскими, дружественными, «в которых одним словом — доверие, любовь и взаимоуважение, причем, они не исключают и справедливости, выражающуюся в форме предостережений, и советов», поэтому любые его замечания он принимал во внимание, но все же несогласий было много.

Летом 1911 года во время пребывания епископа Андроника в Санкт-Петербурге, где он трудился в Комиссии при Святейшем Синоде по преобразованию духовной школы, ему было предложено занять кафедру викарного архиерея Сухум⁴. Епископ Андроник на это ответил: «...должен ехать и поеду, но душа моя зело возмущается, ибо не вижу никакого смысла из викариев уходить в викарии; из Новгорода меня пока не гонят, чтобы с радостью бросаться хоть в Сухум...» С ним согласились, и перевод был отложен.

В 1912 г. покинул тленный мир свт. Николай Японский.

«Угас великий светильник Церкви нашей отечественной, от нее отродивший юную теперь Святую Церковь Японскую, – писал в своем скорбном плаче владыка Андроник. – За полвека беззаветно и скромно трудившийся, дорогой мой отец, почивший владыка Николай одну только святую сердечную заботу имел неизменно: да познают Тебя, Единого Истинного Бога, и Егоже послал еси Иисуса Христа... [Ин. 17, 3]. Но сколько злобы, сколько наглой лжи, клеветы и надругательства встретил он на сем святом апостольском пути даже от своих присных и соплеменных. Однако сии от диавола через людей нападения не окрадоша сокровище духа... И сей непорочный и крепкий духом муж, святитель Николай, устоял на крепком камени своей веры в Бога, вверившего ему такое святое, хотя и трудное в Святой Церкви послушание. И при всем великом его подвиге, при всем высоком его деле в икономии церковной – какой это скромный, детски цельный человек. Меня сподобил Господь быть и духовным сыном, а вместе и духовным отцом этого святителя Николая Японского: и видел я и любовался его чистотою, простою перед Богом душою... Вижу тебя издалека как живого, стоящего предо мною, вижу твой бодрый и воодушевляющий лик, твою и в старости юную душу, чуждую уныния или маловерия. Лобызаю твою нежную ласку и отеческую любовь, меня, как и всякого тебе духовно сродственного, лелеявшую и носившую в своем чутком попечении».

Владыка Андроник и другие члены братства иерархов-миссионеров Японии положат немалые труды к сбору средств на воздвижение храма-памятника на могиле [свт.Николая Японского](#)⁵.

В марте 1913 г. Андроник назначен епископом Омским и Павлодарским. В тот же день он написал владыке Арсению письмо: «Итак, несомненно, волею Божиею мне предлежит путь в самый муравейник сектантства – в Омск. Конечно, это нелегко, но буди воля Божия о

⁵ После революции 1917 года прекратится финансовая поддержка Японской Православной Церкви из России, землетрясение 1923 года разрушит Токийский кафедральный собор, так что возвести храм-часовню на кладбище Янака так и не удастся.

мне. Откровенно говоря, я более подходил бы для тихого Тобольска – для Омска же, пожалуй, “мое изранено уж тело”. Но постараюсь и там сделать что смогу...». Снова расставанье с паствой. На этот раз ему подарили икону Св. Софии от соборного причта, а губернатор вручил на память о Новгороде панагию. Отвечая на теплые слова, епископ Андроник отметил, что источником его энергии явилось сознание того, что каждый архипастырь и пастырь является продолжателем Христова дела, а совестливым усердным исполнением своего архипастырского долга он спасает и свою душу. У владыки Арсения епископ испросил из Софийской ризницы частицу святых мощей святителя Никиты, которую вложили в икону всех Новгородских святых, над которыми изображена святая София, и списки многих других икон. Целую неделю перед отъездом еп. Андроник служил акафисты в разных частях города, прощаясь со всеми. Народа приходило на эти службы очень много.

Служа в последний раз акафист перед иконой Божией Матери «Знамение» в Новгороде, святитель обратился к новгородцам с просьбой пожертвовать для Омского края копию с чудотворного образа. Из уважения к владыке новгородцы, собрав средства, соорудили точную копию этой иконы, и 30 августа 1913 года при большом стечении народа в Знаменском соборе икона была освящена и направлена в Омск с приложением особого послания, на которое владыка ответил благодарственным письмом: «За сие да воздаст вам Господь Своими милостями. Я же, грешный, ничем иным не могу воздать вам за вашу любовь и молитвы, как только памятью о вас перед Господом Богом... Ваша любовь и ныне подвигает меня к бодрой и неустанной работе на ниве Церкви Христовой, как она же отнимала от меня всякую усталость, когда приводил мне Бог жить среди вас».

Дорога в Омск лежит через Урал, поэтому епископу удастся остановиться на день в Уфе, посетить семинарию, которую он возглавлял долгие годы, встретить знакомых, поговорить с еп. Андреем (князь Ухтомский)⁶, однокурсником по семинарии, вспомнить служение под началом владыки Антония (Храповицкого).

Приезд в Омск привел владыку в разочарованье. Как он и думал, процветало сектанство, особенно штундо-баптизм и так называемое “евангельское христианство”, пришедшее с юга-запада России; к тому же обнищала вера, а священников было либо мало, либо они нерадели к службе. Как отмечал викарий Омской епархии, еп. Мефодий⁷, из разных уголков обширной епархии с громадной территорией, входящей в состав двух областей –

---

⁶ В 1925 г. принял [миропомазание](#) от [старообрядцев](#), перейдя таким образом в раскол, за что Патриаршим Местоблюстителем [Петром \(Полянским\)](#), митрополитом Крутицким, запрещен в священнослужении. Прославлен в лике св. Новомучеников и Исповедников Российских Архиерейским Собором РПЦЗ в 1981 г. Однако уже на Архиерейском Соборе РПЦЗ 1993 г. поднимался вопрос о “деканонизации” Андрея (Ухтомского) ввиду сомнительности его канонического положения после ухода к раскольникам.

⁷ Священномученик Мефодий (в миру Михаил Платонович Красноперов); память 4/17 февраля.

Акмолинской и Семипалатинской, губерний Томской и Тобольской, от православных верующих людей шли непрерывные слезные просьбы: «дайте нам батюшку, службы Божией у нас нет, многие взрослые умирают без покаяния и младенцы без крещения, а сектанты, пользуясь этим, зазывают нас усердно к себе в молитвенные собрания и похищают православные души в дебри свои...», но дело не двигалось с места. До назначения еп. Андроника правящим архиереем здесь был епископ Владимир (Путята). Он употреблял все свое время и силы для достижения корыстных целей, а не на устроение церковных дел, поэтому владыке Андронику многое пришлось переустраивать заново из-за обнаруженной им здесь церковной разрухи.

Отчаянье было чуждо архипастырю. Тут же он предпринимает меры по укреплению веры в епархии и подъема народного духа. Привезенные из Новгорода святыни предполагается разнести по разным городам епархии: «Пусть и там будет Святая Русь, пусть около сих святынь собираются все – непременно крестными ходами, чтобы ими всколыхнуть все русские благочестивые сердца и в сектантство уходящие главнейше потому, что нет там ни церквей, ни священства».

В одном из писем владыка писал: «Сделал четыре поездки по громадной епархии. Всего на конях до 4 тысяч, машины и парохода не считаю. Освятил 7 церквей, заложил новые 4 церкви. Начали два крестных хода с новгородскими святынями по сектантским районам. Православные наперебой сверх маршрута заносят к себе иконы, десятки верст и под снег мы и бураном идя с ними от поселка до поселка. Раздаем туда листки и мое послание об отлучении сектантов. Ведем проповеди, богослужения, общенародное пение и прочее. Православные воодушевляются, а сектанты в сторону уходят. Но есть и принимающие к себе святыни и открыто возвращающиеся в Церковь. С весны пойдут другие крестные ходы с новгородскими святынями и более упорядоченные на основании опыта. Помоги Бог. Для «Знамения» буду строить в Омске храм с залом для чтений. Для сего жертвую архиерейскую дачу с храмом деревянные. Собираю пожертвования. Помоги Бог и в сем. Дела так много, что не вижу времени и с самого приезда сюда не раскрывал ни одного журнала, даже Библии не могу читать хоть мало. Силы пока не оставляют. Осенью в слякоть донимал весьма ревматизм. Смалодушничал было и уже начал готовиться на покой, ибо лежать нельзя управлять такою епархией, как Омская. С нетерпением ждал морозов, и вот они настали, и ревматизм присмирел. Поживем — увидим. Но с природой трудно бороться.

Завели и мы почти ежедневные акафисты с разными беседами по церквам Омска. Помаленьку народ привыкает. Хорошо поют все. В пятницу служим в соборе акафист Успению, как в Новгороде. В Крестовой акафист Кресту и молебен святителю Никите, на котором обязательно поминаем жертвователя иконы с мощами новгородского архиепископа Арсения».

Святые иконы прославленных угодников Божиих во многолюднейших крестных ходах неслись с великой торжественностью; причем крестные ходы сопровождались произнесением проповедей. Еп. Андроник призывал всех пастырей как можно чаще говорить проповедь, обращенную к народу, особенно собеседовательского характера. Как правило, народ очень быстро откликнулся на такое живое общение о Слове Божиим. Да и как не откликнуться, если сам архипастырь не гнушался никакой отдаленной поездкой, никаким человеком из простого народа. У владыки все было просто. Он все делал сам, не имея даже келейника. В поездку о. Андроник обычно брал с собой лишь ключаря, иподьякона, или епархиального наблюдателя. В повозке могли совершить вечерню и всенощную, по приезде – шли на службу, а после службы – на встречу с народом.

Как-то раз, остановившись в станице Становой Петропавловского уезда, владыка долго беседовал с детьми местной школы, а затем, обратившись ко всему народу, сказал: «Чтобы жить по Божьи, надо знать волю Божию, закон Христов, Его учение, а это можно узнать из святого Евангелия; поэтому необходимо, чтобы Евангелие было у всех, его надо читать, учить, надо помнить, что это слова Самого Господа нашего Иисуса Христа. В дни праздничные и воскресные не хорошо сидеть по домам и предаваться обычной суете и сутолоке. Один день в неделю надо отдавать для Бога, для спасения своей души и приходить в храм Божий для общей усердной молитвы. Чтобы молитва ваша была более воодушевленной, заводите общенародное пение, начинайте с известных вам молитв и постепенно достигните того, что будете петь всю всенощную и литургию. Любите святой храм, пойте все, не сидите в праздники по домам, посещайте церковь Божию, тогда «напитаете душу свою благочестием», как святые угодники». Особое наставление было родителям: «Родители, читайте святые книги и детей к этому приучайте, особенно строго проводите день Божий – праздничный, «как день Господень». Вообще же будьте благочестивы как в праздники, так и в будние дни... Есть благоговейные люди, которые так себя ведут, как будто постоянно видят Бога, носят Его в сердце своем, на лице у них мир и спокойствие. К таковым Бог близок, и они близки к Нему. Эти благочестивцы подобны преподобному Серафиму Саровскому и другим угодникам Божиим, проводившим святую

жизнь... вместо того чтобы «перемывать косточки другим» своим языком, как это часто бывает, беседуйте о святых, чтобы учиться доброму, а не худому».

Зорко следил архипастырь и за внутрицерковными отношениями, не допуская фарисейства и лицемерия в своей епархии: «Не потерплю одного показывания товара лицом, бумажной деятельности, хвастливого расписывания несуществующих начинаний и дел... не потерплю и тех, кто вместо правды принесет ко мне наглую ложь на собрата... противно для меня все, что делается только в угоду мне, а не по долгу пастырства... пусть всякий такой показной деятель знает, что он будет заклемен, как хвастливый лжец, а не пастырь, искренне озабоченный своим деланием, хотя и ошибающийся, но посильно и усердно все старающийся сделать, что поспособствует доброму его деланию. Лучше потише и полегче, если нет сил и умения, да пусть все будет на деле, чем крикливые успехи и даже не начатое дело, но умело показанное, как блестящий фейерверк».

Поскольку в Омской епархии не было семинарии, владыка обратился к Преосвященным других епархий с тем, чтобы они в епархиальных ведомостях опубликовали приглашение для желающих потрудиться в Омском крае. «В обширной Омской епархии, – писал он в своем обращении 2 декабря 1913 года, – представляющей из себя богатый край, церковное дело растет и развивается вместе с ростом переселенчества. Приходы постоянно открываются, строятся церкви. Но, к сожалению, – недостаток достойных кандидатов на священство...

Епархия не имеет своей Духовной семинарии. Из внутренних же епархий боязливо перебираются сюда нужные люди, боясь Сибири как дикого края. И совершенно напрасно. Теперешняя Сибирь ничем почти не разнится от внутренней России... С открытием прихода непременно строятся причтовые дома и церкви или молитвенные дома. Пути сообщения прекрасные. Усердие новоселов к храму и к богослужению удивительное: во многих случаях новоселы сами прежде всего строят храм или молитвенный дом на свои средства... Призываю всех, желающих потрудиться в новом крае, отозваться на мое приглашение и переселиться в Омскую епархию для служения в священном сане... Воистину здесь “жатва многа, делателей мало”. Приходите на жатву сию по моему зову, как по зову самого Пастыреначальника Христа, не желающего, чтобы души христианские оставались без пастырей».

В духовном просвещении нуждались многие. Особую заботу владыки составляли дети. Однажды, побывав в селе Севастопольское Петропавловского уезда, владыка, беседуя с детьми, обнаружил, что они плохо знают молитвы. На это он сказал: “Молитва – не урок, ее

надо читать не тогда, когда кто либо спрашивает, а всегда... Когда ты молишься, то беседуешь с Богом. Как же ты будешь просить Бога о чем либо, если даже не хочешь знать молитв. Молитва – это первое, самое святое дело”. Но как может ребенок выучить молитвы, если сами родители не заботятся об этом?

“Родители и все старшие, - говорил епископ, - следите за детьми: пусть они не забывают молиться Богу, пусть знают молитвы – это дело не только школы, но и ваше. Если дети испортятся не по вашей вине, – Господь с вас не взыщет; если же дети будут вами воспитаны плохо, то дадите ответ за них Самому Господу. Легко выпрямить молодое деревце, трудно – дерево старое. Так и детей: как молодое дерево свободно можно погнуть куда угодно, так детям легко дать доброе или плохое направление. В детском возрасте хорошо прививать все доброе. Худо бывает, когда родители и пример худой подают, и не обращают внимания на детей; худо и тогда, если худого примера родители хотя и не дают, но и доброго тоже не сообщают. Ребята все от вас перенимают, и перенимают очень быстро: они со свежей душой, чистой, не запачканной житейской грязью. Зная это, и учите своих детей, чтобы не стыдно было Господу ответ дать за них... Если бы родители сами молились и любили молитву, то, конечно, и дети научились бы молитве; очевидно, вы и сами полениваетесь, и детей то забываете. Бойтесь прогневать Бога. Все начинайте и оканчивайте молитвой к Господу и ходите по Его святой воле».

Для воспитания в детях любви и бережного отношения к природе, которая «всякой былинкой, всяким ручейком, всякой птичкой возвещает нам о Боге, Которым полон весь мир, Им сотворенный» архипастырь устроил ежегодную посадку деревьев, чтобы и в Омском степном крае зазеленели сады и парки. Может, его дела поначалу казались каплей в море, но, тем не менее, они способствовали возрождению веры. Везде, где предоставлялась возможность, владыка устраивал то педагогические курсы, то миссионерские курсы, то организовывал кружки ревнителю благочестия, сестричества, псаломщицкие курсы.

Жизнь и смерть – эти две вечные темы как никогда трогали сердца людей в преддверии революции. Одни – старались возродить духовную жизнь, начиная с просвещения маленьких детей и кончая просвещением старших, а другие в это время хулили Бога и царя. Но как бы ни оборачивались события, владыка с верой призывал всех к покаянию, каждый раз берясь за новое дело.

В станице Пресногорьковской, поистине оказались пророческими слова, обращенные к казакам, которые не хотели оказать помощь в благоустройстве школ: «Смотрите, чтобы дети

ваши “не пошли еще хуже и не запечатали бы храм”. Крест Христов вы носите, а христианскую жизнь не показываете. Так жить нельзя. Такая жизнь походит на то, как если бы казак надел военные доспехи, а при нападении неприятеля струсил и побежал. Вы называетесь христианами, а грехи одолевают, и вы малодушествуете, вместо того чтобы благочестием искупить их и к благочестию и детей приучить. В старину добрая мать, едва только ребенок начинает лепетать, вкладывала в его сердце святое, рассказывая ему о житиях святых. А теперь? Теперь дети только и знают то, что учат в школе, да и это, по нерадивости родителей, забывают за лето. У вас, например, две школы, но вы плохо заботитесь о них и детей начинаете учить поздно, даже с двенадцати лет. Какая уж тут забота, где тут говорить об усердии? Кроме этого до меня дошли слухи, что вы не хотите отапливать храм. Если это так будет, то знайте: храм ваш будет закрыт, вы будете приписаны к другому приходу и Господь вам не простит этого – Он тогда накажет вас... Подумайте о том, что жизнь наша начинается в храме в таинстве крещения и здесь же оканчивается, когда нас приносят за молитвой на вечное упокоение».

Порой, резкие, но глубокие смыслом слова заставляли одуматься каждого. Кому бы в голову пришло, что простое нерадение, простая лень грозит чем-то страшным? Владыка видел, что если не начать сейчас, то Россия провалится в бездну, и пытался всеми силами возродить веру в вверенной ему епархии.

Видя язву, делающую народ безразличным к делу спасения, епископ организовал при Омском епархиальном братстве епархиальное общество трезвости. Он считал, что причина пьянства заключается в отсутствии или недостаточности и приниженности нравственного начала в человеке, в расслабленности воли. Эта причина одинаково делает пьяницами и богатых и бедных, и образованных и простых. «Эту главную и даже единственную причину можно назвать невежеством, - писал владыка Андроник, - но совершенно в ином и истинном смысле: это – невежество духовное, нравственное, притупление нравственного сознания, понижение нравственного отношения к самой жизни с ее высоким смыслом и назначением. Наше время как раз и представляет собой понижение нравственного сознания в народе и обществе. Постепенно подготовлялось оно путем обесценивания религиозных и нравственных основ жизни. Но расцвело оно, конечно, в освободительные годы, когда ложно понятые свободы объявлены были прежде всего как свобода на все низкое, гадкое, унижающее человека. Это же время с последующими годами до сих дней являлось и временем самого сильного развития народного пьянства. Тогда храмы, теперь опять заполняющиеся, опустели, а вместо них заполнялись монополюшки, пивные, театры, клубы

разного рода и прочие места развлечений и развращений. Проповедь церковную перестали слушать, общественную молитву забросили, но вместо того развлекались кинематографом и увеселялись водкой и пивом. Пожертвования на церковные, просветительные и благотворительные дела сократились, но возросли доходы от торговли спиртными напитками. Итак, падение нравственных ценностей жизни, духовное одичание народа является главной причиной усиления народного пьянства...».

Не раз владыка обращался к пастырям: «Отцы и братие! Возьмемся все за это неотложное и доброе дело трезвости. Пусть всякий священник, конечно прежде всего сам, являя пример трезвости и борясь с этой слабостью, если сам ее имеет, – пусть всякий священник в своем приходе начинает дело трезвости, подражая другим, сначала в самых скромных размерах, но без робости и не падая духом при возможных незадачах и неуспехе: терпение и труд все перетрут. Пять или десять трезвенников в приходе, при их и священника усердии и сочувствии горю других, привлекут и десятки, а потом и сотни, а сотни составят тысячи и миллионы. И общим воодушевлением и трудом, общей борьбой убит будет зеленый отвратительный погибельный змий, расползшийся по лицу Земли Русской. Для дела поставляйте и себя, и всех отрезвляющихся перед Господом Богом с молитвенным обещанием пред Ним и с прошением о Его помощи. И Бог сделает Свое, видя наше к Нему моление, наше на Него упование. И возродится наша родная жизнь и процветет яко крин в поле, и свет велий узрят многие, совсем было погибавшие от пьянства».

Благодаря стараниям владыки в 1914 году в пермской епархии стало функционировать 170 обществ трезвости, регулярно проводились торжественные празднества трезвости с крестными ходами, проповедями, раздачей литературы, в которых участвовали тысячи людей. Народ с доверием откликнулся на инициативу владыки и сотнями записывался в ряды армии трезвенников.

Почти единоличными усилиями епископа Андроника были собраны средства на устройство храма иконы Знамения Божией Матери, где на постоянной основе должны были проходить беседы, миссионерские чтения, собрания трезвенников, продажа и распространение книг, листовок и брошюр. Для интеллигенции проводились систематические богословские лекции, которые вело образованное духовенство и сам владыка. Зал богословских чтений был всегда переполнен. Архипастырь старался принимать участие почти во всех мероприятиях, что способствовало духовному подъему всего православного населения огромного района Западной Сибири, но за всем уследить было невозможно.

«Мои слабые силы совсем оскудевают под бременем того дела, какое здесь на мне лежало и которое я не могу сократить», - признавался владыка, не раз прося поддержки и помощи в непосильных делах, а в случае ее отсутствия - перевода в другую епархию. Конечно, этому радовались враги, особенно прежний владыка Путята, который пророчил епископу Андронику увольнение на покой. Помощников о.Андронику не дали, а летом 1914 г. его перевели на Урал, назначив епископом Пермским и Соликамским⁸.

Последнюю службу в омском соборе владыка служил на Успение Божие Матери. Епископ Мефодий, выразив скорбь о разлуке с владыкой, при котором в столь краткое время развилась церковная жизнь, поблагодарил его за все добро, оказанное им, и поднес в подарок четки. Действительно, архипастырь был для всех примером мудрого и самоотверженного служения, ему хотелось подражать во всем. Духовенство за время его служения воспрянуло духом, с большим рвением просвещая народ. Один из соратников архиерея от лица всех обратился к епископу Андронику с таким словом: «Образ ваш как архипастыря – ревнителя веры и беззаветного труженика, пламенного проповедника и мудрого наставника навсегда останется в нашей душе как идеальный образ носителя апостольских заветов в наши лукавые дни малодушия и отступления, образ, побуждающий нас, слабых, посильно ратовать за веру и Церковь, хранить предания апостолов, ревновать по деле Божьем – святом и вечном». На это владыка ответил, что в основу всей его деятельности на Омской кафедре была положена «основная истина христианской веры – учение о спасении. Руководствуясь ею, он и вел корабль Омской церкви к тихой пристани через все невзгоды и бури житейского моря». Однако не всем нравилось такое истовое служение архипастыря. Многие из духовенства были недовольны его активной деятельностью, тяготились призывом к неустанной работе, некоторые доходили даже до открытой злобы. Легко догадаться, кто был среди этих лиц, но владыка, несмотря на все это сказал, что ни на кого не гневается и просит не гневаться на него.

О той тяжелой обстановке, которая царилла внутри епархии, можно судить по письму архиеп. Арсению (Стадницкому), написанному буквально через пол года: «В Петрограде теперь соблазняются рассказами о чудачествах Путяты⁹ в Новочеркасске. А в Омске все то же самое было, и никого это не волновало, а говорить о том значило разозлить его покровителей. Высокий его покровитель, слушая его сплетни о мне, много крови мне перепортил. Мне

---

⁸ Назначение пришло 12 августа (30 июля).

⁹ 10 января 1915 года архиепископ Владимир (Путята) за безнравственное поведение был смещен с кафедры Донской и Новочеркасской, но затем по протекции был назначен в Пензу, как оказалось впоследствии на разрушение церковного дела. В 1918 году Собором епископов он был лишен архиерейского сана. В 1922 году он присоединился к обновленцам, с 1934 года служил в григорианских храмах в г. Томске. Митрополитом Сергием и Священным Синодом был объявлен отпадшим от Церкви.

многие советовали ехать в Питер для разоблачения сплетен на меня (мне, однако, неизвестных вполне и определенно). Но я сказал: никогда, ибо мне не в чем оправдываться, а интриганов предаю суду Божию, вернейшему моих разоблачений. И суд Божий нашел уже, хотя, может быть, и не за меня: Путяту — теперь, а епископа Арсения¹⁰ тяжелой болезнью, особенно за то, что бросил молебен перед мощами святителя Никиты, на коем и Ваше имя возносилось, как жертвователя; а потом, когда православные письмами укоряли его за это, то возобновил молебен, но насмешливо спрашивал: «как его величать, преподобным или святителем?» Какая мерзость. Под предлогом болезни было им объявлено, что еще в декабре едет на два месяца в Питер (прибавлялось же, что и не возвратится), был вызван и викарий^[2] из Семипалатинска (в один конец 1.000 верст!). Но поездка отложена была, и викарий поехал обратно, чтобы прибыть в начале сего года, и прибыл уже. Вот озорство-то над викарием! А давно ли сам жаловался на правящего... Теперь о поездке уже молчит, должно быть, не получил отпуска. А лучше бы вызвали да и упокоили, чтобы меньше было злорадства у врагов Церкви. Знаю, Владыко, что Вы не любите подобные речи выслушивать. Но простите, не могу быть равнодушным к тому делу, на которое ухлопал столько сил и энергии... Да хранит Вас Господь».

1 августа (19 июля)¹¹ 1914 г., в день памяти преп. Серафима Саровского, началась Первая Мировая война. Прибыв в Пермь, свое первое слово к пастве епископ Андроник связал с военными событиями: «Среди грозных событий времени судил мне Господь ныне вступить на высокую кафедру святителя Пермского Стефана. Там на западе давно уже собирались на нас багровые тучи... Да, грозна эта война, много крови, много жертв она потребует. Но воистину она Божиим промыслием попущена... все по вине нас же самих, ради того, что мы свою душу охотно отдавали в плен всякой иноземщине, как бы даже радуясь, что мы становимся европейцами, оставляя русскую будто бы отсталость». Все свое упование владыка возлагал на Бога, призывая людей обратиться к Нему, просить помощи Царицы Небесной и всех святых, чтоб воскресла вера, а с нею – и дух русского народа. Также владыка предложил Пермскому духовенству обсудить вопрос об участии духовенства и церковью "в нуждах военного времени". 6 сентября (24 августа) был учрежден Епархиальный попечительный совет, главной целью которого была забота о помощи раненым "на поле брани воинам и их семействам".

---

¹⁰ По болезни 4 июня 1915 года он был уволен на покой.

¹¹ В этот день еп. Пермский Андроник возводит в сан архимандрита [игумена Ювеналия](#), настоятеля и строителя общежительной Фаворской Спасо-Преображенской мужской Пустыни в Осинском уезде Пермской епархии. В 1915 году он назначает его на должность благочинного всех монастырей Пермской епархии.

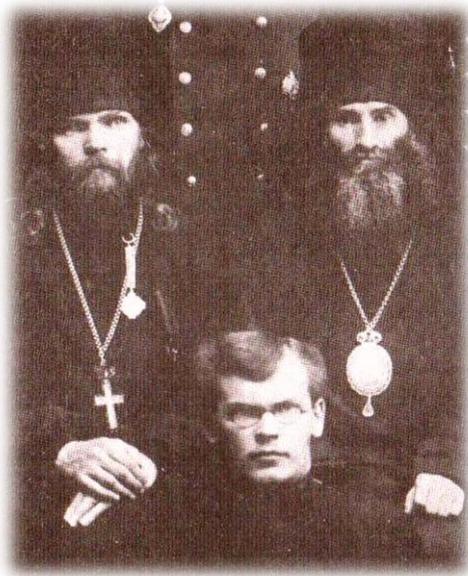
Из Омска с владыкой прибыл личный секретарь владыки – Алексей Федорович Орлов, помогавший ему во всех делах. Он был женат, но самоотверженно брался за любое дело. Обширный пермский край насчитывал около 1,5 миллиона жителей, 570 церквей и монастырей, так что вести отчеты при активной деятельности владыки приходилось часто. С 13 сентября (30 августа) по 16 (3) сентября преосвященный Андроник без свиты, с о. ключарем и келейником побывал в городах Оханске и Осе, селе Елово и в Фаворской Спасо-Преображенской мужской пустыни, где обедал вместе с братией за одним столом. С 2 октября (20 сентября) по 11 октября (29 сентября) владыка побывал в Кунгуре, Соликамске и попутных селениях.

Большую помощь владыке также оказывал ректор Пермской Духовной Семинарии – архим. Пимен¹². Владыки быстро сдружились. Оба они начинали служение в селе Ардон, оба были в прошлом миссионерами (один в Японии, другой в Персии), оба переписывались со свт. Николаем Японским. Но самое главное, что объединяло их – это общий молитвенный дух, истовое служение Церкви, отсутствие разногласий в церковных делах. Откликнувшись на нужды военного времени, ректор Семинарии уже в сентябре предложил использовать главный корпус здания для военных целей¹³. Второй этаж был превращен в казармы для мобилизованных и готовившихся для отправки на фронт солдат, третий этаж – был использован под лазарет на 150 человек, причем семинаристы сами принимали участие в переносе раненых на носилках. Несколько воспитанников 6-го класса записались добровольцами в действующую армию: Пузановский Александр, Знаменский Валериан, Сеницын Николай, Троицкий Михаил, Лесников Николай. Несколько позднее еще восемь семинаристов, с согласия родителей, уехали поступать в Виленское военное училище.

---

¹² Впоследствии епископ Пимен причислен к лику святых как священномученик Казахстанский.

¹³ Занятия младших классов стали проходить в квартире ректора.

*Епископ Андроник и ректор Пермской Духовной Семинарии архимандрит Пимен (Белоликов).
Фрагмент фотографии 1914-1916 г.*

Епархиальное Женское Училище также пошло навстречу архипастырю, предоставив второй и третий этаж под лазарет для раненых солдат.

В начале ноября пермский епископ совершил поездку в Белогорский монастырь.

Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь

Таинственная красота природы, суровая жизнь братии, молитвенный дух и доброжелательность игумена Варлаама, о. Серафима произвели на владыку хорошее впечатление. Это место, где можно было отдохнуть душой, самозабвенно, тихо помолиться, и в смиренном молчании побеседовать с Богом, открыв Ему все тайны души.

Особенно понравилась о. Андронику пещерная церковь Серафимо-Алексеевского скита, находящаяся в 5 верстах от обители. Эта обитель будет процветать ровно столько, сколько будет жив Пермский архипастырь. После ареста владыки тут же последует арест архим. Варлаама, а затем большевики расстреляют 34 монаха Белогорского монастыря, но все это будет потом...

Пещерный храм Серафимо-Алексиевского скита

Епископ Андроник, несмотря на сложное военное время, продолжает укреплять церковно-общественную жизнь губернии. По причине недостатка пастырей многие приходы подолгу оставались без священников. Стараниями епископа в Перми были учреждены пастырские курсы специально для подготовки единоверческих священнослужителей.

Пастырям Пермской епархии епископ настоятельно советовал не ограничиваться богослужением в храме, но служить и в поселках, чтобы все имели возможность помолиться. Смотря по местным условиям, - советовал он, - можно в одном поселке совершить с вечера бдение, а в селе с утра другое бдение и обедню. Затем съездить в другой поселок и совершить там вечерню или акафист с беседой. Но все это нужно планировать заблаговременно, вовремя оповещая население, чтобы все знали и готовились.

Епископ Пермский Андроник

Поскольку тираж книги «Письма архиерея к иереям» разошелся давно, то владыка переиздал ее, дополнив новыми шестью первыми главами. Отдельные главы публиковались в течение нескольких лет в Пермских епархиальных ведомостях, начиная с 1914 г. Самым основным был призыв к пастырям: «Не давай врагу посмеяться и над душой человеческой, и над тобою, так унижающим свое высокое на земле для неба призвание. К небу руководи небесную в человеке душу и не оставляй ее быть оборванной и израненной от разбойников на пути. Явись даже и для такой милосердным самарянином и поимей о ней душевное попечение, передавши ее на руки Небесного Гостинника Христа, только и ищущего спасения человеческого. Да не смеется через тебя враг наш и Христов над святым и высоким нашим призванием по намерениям Божиим, но да будет он сам посмеян и поруган и в деле нашем, и в жизни паствы нашей. Тем более не унижай сего святого дела погоней за земными сокровищами или за мирскими развлечениями и удовольствиями, не меняй на них святого пастырствования твоего».

Не нужно предварительно создавать подходящие для пастырской деятельности условия. Нужно пользоваться тем, что уже дано и что само требует должного удовлетворения. Намерение Божие о священниках и о пастве таково: «Священники должны быть посредниками между Богом и людьми в освящении их Божественной благодатью.

Священство от Бога поставлено для того, чтобы освященные Кровью Христовой люди Божии сознали и на деле восчувствовали эту свою освященность, чтобы сами для себя являлись священниками, себя самих Богу принося в жертву и дар священный. Для сего, очевидно, они должны мыслить себя изъятыми из мира сего, не житием своим в мире, но заботами и стремлением своим. Как все освященное уже изъято из обыденного употребления, оставаясь, однако, рядом с вещами обычными, так и посвященные на служение Богу христиане должны быть с небесными стремлениями от обычной земной сутолоки житейской». Во многом этому помогает молитва.

Владыка советовал приходским священникам завести в храмах общенародное пение. Начинать нужно с пения всем известных молитв, а кончать тем, чтобы все богослужение вместе с канонархом исполнялось самими прихожанами. Таким путем церковные песнопения войдут в жизнь, вытесняя собой мирские песни, которые удаляют от благочестия. Кроме того, многие люди не могут толково рассказать – во что и как веруют, не знают самых употребительных молитв, неправильно совершают крестное знамение и другие православные обычаи. Все это необходимо принимать во внимание, усердно занимаясь духовным просвещением паствы, направлением ее в церковное русло, борьбой с начавшимся вольномыслием, сектантством и развалом жизни. Начать возрождение духовной жизни можно с обращения к народной культуре.

Народную культуру епископ Андроник считал культурой духа. Жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без нравственных ценностей: «Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований – не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека». Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях, в народном и даже литературном творчестве непременно есть искание этой нравственной ценности жизни, а все прочее, внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение.

Самое главное для человека – это его духовный мир. Поэтому православные так спокойно относятся к смерти: она для них не только нечто неизбежное, но даже и желанное, к чему нужно достойно подготовиться, чтобы с мирной совестью перейти в вечную жизнь, где уже не будет внешней, часто тягостной и грязной для души жизни, но будет одна жизнь духа. Это не погружение в небытие, как сон. Это начало новой и истинной жизни духа. К этой то жизни духа за гробом и готовится верующий русский человек. Для этого он готов на всякий подвиг, готов переносить любые трудности на пути, лишь бы только найти себе духовное утешение, ободрение и даже вразумление, строгое обличение. Вот почему русские так любят

далекие и трудные паломничества, длительные церковные служения. За советом они идут к старцам и пустынникам, к строгим духовникам как мудрым наставникам в жизни и целителям душ. Никакая трудность не может удержать человека, если он узнает о такой возможности духовно утешиться и ободриться, не пожалев на это ни средств, ни сил, ни времени. И все это потому, что «душа русского человека не может оставаться без утешения веры, без духовных нравственных переживаний, скрашивающих ее жизнь, влагающих не земной, а небесный смысл во всю жизнь, без чего не будет радости во всех хлопотах житейских, но с чем и все скорби и трудности жизни ничтожны». Когда же дух угасает, то и церковная жизнь начинает наполняться мирскими заботами, все более вытесняя благоговение к службе. Именно поэтому владыка обращал внимание на то, что «в богослужении все свято и исполнено высоких целей», поэтому «выбрасывать это святое и пропускать, по меньшей мере, не благоговейно; и конечно, делается это без достаточного понимания и от лености и небрежности человеческой. Мало того: наше богослужение имеет всегда строго законченный и цельный характер. Посему всякое сокращение его бессмысленное есть нарушение этой цельности и стройности. Что сказали бы меломаны, любители театра, если бы выбросить из пьесы несколько отделений или даже строк? Так для понимающего весь строй богослужения совершенно недопустимо бессмысленное сокращение его. Теперь же дошло дело до того, что можно выслушать совершенно одинаковое богослужение и в Преображение, и в Успение: все характерное и существенное для всякого в отдельности из сих праздников выброшено, остались одни постоянные части богослужения, одинаково входящие в богослужение всякого праздника, то есть остался один остов богослужения без его характерного для праздника содержания. Между тем наше богослужение во всей его целостности может дать неиссякаемый источник и для научения народа, да оно и само будет научением и без проповеди».

А в это время в Омске святительское дело, начатое еп. Андроником, поддержать было уже некому, в результате чего снова начали поднимать головы сектанты. Вот одно печальное письмо преподавателя из Омского Учительского института: «И как жаль, Владыко, что Вы не у нас в такое время. Не для нас только жаль, знающих Вас лично, но и для всех омичей, понимающих нужды своего края. Ведь что у нас теперь здесь делается, такой развал, такая смута духовная, что обидно и больно за Ваше усердие и святое дело. Не говоря о личной жизни нашего Владыки*¹⁴, которая по всей епархии известна в чудовищных слухах, но его одна теплохладность, беспринципность, какое-то полное безразличие ко всему ставит всех тружеников на деле Божиим в невозможное положение. Борьба с грязью, бросаемой в того, кто поставлен во главе этого дела, когда эта грязь осыпается на всех его подчиненных, нет

---

¹⁴ Епископа Омского и Павлодарского Арсения (Тимофеева)

сил, опускаются руки, и тяжело и ненавистно на душе. Теперь можно сказать, что все придавленные и раздавленные было Вами семена баптизма и прочих злых элементов, подняли головы и идут своей дорогой, увлекая с собою и других».

Да, от активной деятельности владыки зависело многое, да и сам еп. Андроник пытался разбираться во всех делах, принимая в них живое участие. Так, заметив, что перед Великим постом люди празднично проводят время, устраивая гулянья, на которых пьют и наряжаются в скоморохов, епископ Андроник выделил день для торжественного богослужения. «На этой масленичной неделе, – писал он, обращаясь к пермской пастве, – в пятницу исполняется годовщина великого дня освобождения от крепостной зависимости блаженной памяти царем Освободителем и мучеником Александром II. Между тем, к сожалению, освобожденные и их дети и внуки не памятуя должным порядком этого великого дела милости царской... Благодарности благоговейной не проявляют... Пусть все храмы полны будут молящимися. В Перми и особый храм в память освобождения крестьян есть – это Воскресенская церковь. Там в этот день будет совершено торжественное богослужение. Вместо гулянья бестолкового на морозе да вознесем в храмах молитвы и благодарения ко Господу Богу...».

За короткий срок благодаря стараниям архипастыря в Пермской епархии была налажена миссионерская деятельность, организованы певческие концерты, праздники трезвости, духовно-нравственные встречи с народом. Во многом его здесь поддерживал архим. Пимен. Они вместе проводили беседы для народа, вместе участвовали в утренниках и благотворительных вечерах. Особенно им нравились детские праздники, проходившие в часовне Пермского Стефановского братства, поскольку общение с детьми всегда напояло душу чем-то чистым и светлым. Концерты, организованные семинаристами, также возникли благодаря инициативе этих двух архиереев. На таких концертах-вечерах, проводимых на оживленных улицах города, музыкальные номера удачно сочетались с литературными, а также беседами, поучениями, лекциями, так что билеты расхватывались вмиг. Стефановская часовня также перестала вмещать желающих услышать пастырей, поэтому вскоре пришлось просить о расширении зала духовных чтений.

В епархиальной пермской газете постоянно публиковались многочисленные "обращения", "призывы" и "слова" еп. Андроника к духовенству епархии: о помощи солдатским семьям, сиротам и беженцам, "Об открытии при мужских обителях приютов и устройстве в них работ для увечных воинов", о занятиях военной гимнастикой в школах, о борьбе с пожарами, закупке воска у местных пчеловодов для епархиального свечного завода, об излишках овса, которые следует продавать земским, а не частным скупщикам, и даже о

сборе изделий из цветных металлов. В любом деле владыка видел духовный смысл и причины, которые мешают его раскрытию – это гнусное пьянство и спаивание людей, внутренняя вражда между людьми, хищническая жадность торгово-предпринимателей, наживающихся на отечественной и народной беде, и прочие гнусные страсти. Параллельно владыка вел переписку с солдатами, офицерами действующей армии и призывал народ к служению Отечеству, напоминая пастырям и мирянам о долге перед Родиной.

В марте 1915 г. владыка посылает Верховному Главнокомандующему следующее послание: «Ваше Императорское Высочество, Благоверный Государь и Великий Князь Николай Николаевич,.. смею просить... принять малый отрезок облачения препод. Варлаама Хутынского новгородского чудотворца... Он такой же строгий и беспощадный к себе самому был в подвигах, как и Ваше Высочество. Но сею строгостью к себе он спас множество братьев... Сию малую частицу от облачения преподобного Варлаама благоволите вложить в маленькую сумочку и носить всегда на своей груди воеводской. Простите мое такое дерзновение перед Вашим Высочеством... грешный Андроник». Вот такая простая подпись, заканчивающая слова, выражающие великую заботу о жизни царя, говорит о многом.

Сбор урожая в этом году выдался тяжелым, поэтому владыка обратился к сельскому духовенству, чтобы они призвали народ к труду и сами дали в этом пример. «До принятия монашества на старших курсах Академии я все вакансии работал как настоящий сельский работник в хозяйстве. После целогодних усидчивых занятий в школе такая работа была для меня истинным счастьем, восстанавливая телесные и душевные силы. А теперь и дьячковы дети обоего пола уже стесняются взять даже грабли в руки» - взывал к совести клириков еп.Андроник. Труды архипастыря не шли даром. При одном из храмов было организовано даже попечительство о бедных, которое имело свою столовую. Обеды давались по самой дешевой цене всем желающим, а нуждающимся, по запискам попечительства, бесплатно. Воскресенская церковь содержала за свой счет богадельню, в которой жило около пятидесяти человек. При храме училища слепых и в женском монастыре были устроены детские приюты.

С октября 1915 года пермский лазарет¹⁵, открытый Пермским местным управлением Красного Креста, стал заполняться прибывающими в город ранеными. На его содержание требовались деньги. От всех женских монастырей епархии было выделено по два человека

---

¹⁵ Запись в справочнике Пермской губернии за 1915 г. свидетельствует: "Государыня императрица Мария Федоровна, Августейшая Покровительница Российского общества Красного Креста, снизошла о всей души благодарить Пермское местное управление и жертвователей на означенный лазарет, за помощь делу Красного Креста".

для сбора пожертвований по селам и деревням на нужды воинов, на содержание лазаретов и на подарки.

Благотворительные открытки из фондов Музея Российского Красного Креста

Не забывал епископ и о духовном делании. Он предписал ввести во всех монастырях Пермской епархии «неусыпаемое круглосуточное чтение акафистов Господу, Божией Матери и святым», а после прочтения акафиста читать молитву о даровании победы и молитву об упокоении воинов, отдавших свою жизнь за веру, царя и Отечество.

Патриотизма архипастыря заключался не только в желании защитить свое отечество от внешних врагов, но и от врагов внутренних, воспитать в людях любовь к своей родине. К концу года он пишет обращение «Ведение летописей по всем церквам», которое призывает народ к умножению чувства уважения и любви к своему краю. Владыка считал, что без истории сел, приходов и народного предания нет Отечества. При свечном заводе и на подворье Белогорского монастыря открылись книжные лавки. Для просвещения невежественных масс, он издал назидательную заметку «О скверно-матерном слове», обращался к народу со словом увещания, устраивал крестные ходы не только в дни церковных праздников, но и в дни памятных исторических событий. Так, по благословению епископа десятки тысяч православных со множеством крестных ходов стали собираться в монастырь на Белой Горе в память избавления от пугачевских разбойников.

В начале 1916 г. еп. Андроник начал хлопотать о викарном епископе для Пермской епархии, надеясь на то, что его близким помощником станет архим. Пимен, но неожиданно пришли известия о предстоящей хиротонии отца ректора в епископа Салмасского¹⁶ в Персию.

Епископ Пермский Андроник и настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам (Коноплев)

В июне 1916 г. владыка Андроник снова посетил Белогорский монастырь, затем освятил место под миссионерскую Шамарскую обитель, основанную в память посещения губернии Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной, посетил Фаворскую пустынь [на Каме](#).

Вот как описано посещение Фаворской пустыни в Епархиальных ведомостях. Группа паломников трезвеннического братства в 90 человек прибыла на пароходе под сопровождением ректора семинарии о. Пимена. Пока они шли до Фаворской горы, пение не прерывалось ни на минуту, так что буквально в воздухе витал дух высокой праздничной радости. Железной дорогой прибыл преосвященный Андроник, и уже все вместе поднялись на вершину горы Фавор, чтобы освятить воздвигнутый там 8-ми саженный крест-памятник православным воинам, убитым на поле брани.

Как и Белогорский монастырь, приписанная к нему [Фаворская пустынь](#) (неофициальные названия – Пермский Валаам и Новый Фавор) создавалась с миссионерскими целями для обращения в официальное православие здешних старообрядцев. По своему значению это был второй монастырь (после Белогорского) в Пермской епархии. Он был известен строгостью устава и жизни своих насельников, истовым Богослужением, трогательным древним пением, постоянной общедоступной проповедью и непрестанным трудом монахов. В год его

¹⁶ 19 (6) августа 1916 г. совершилась епископская хиротония владыки Пимена.

посещали до 20 тысяч паломников. Здесь были приобщены к официальному православию десятки старообрядцев и даже мусульмане. Пустынь славилась своей благотворительностью: для раненых воинов первой мировой войны здесь был устроен лазарет. Владыка Андроник сам посещал его, поддерживая раненых солдат: «Итак, возлюбленный, не сетуй на скорбь, как на тяжкую беду; она грехи твои очистит, а добродетели еще больше освятит. Не скорбь страшна, а беспечность, погубляющая человека и в покое пребывающего». Перед Спасо-Преображенским храмом находилась деревянная часовня с целебным источником, вода из которого стекала в чугунную чашу. Здесь также молились об исцелении солдат.

Описывая обстановку, бывшую в Перми во время войны, владыка писал архиепископу Новгородскому Арсению: «Молились, постились и исповедовались мы здесь по призыву Господа через Святейший Синод. Но далеко до всенародного покаяния и у нас, и, конечно, повсюду. Власти и большинство интеллигенции остались в стороне: это-де для глупого народа, который-де невежда в законе, – а мы ведь вумные... Эти дни поста были истинным экзаменом для верхов народа: какому богу они кланяются. Оказывается, должно быть, что не истинному Богу, а молоху века сего. Вот корень зла и причина войны. Отсюда вывод: война кончится ничем, хотя бы мы и победили немцев... Сегодня прочитал Ваш призыв о спасительном пути. Спасибо за дерзновенное и открытое слово. Но, очевидно, и в Новгороде то же, что и в Перми, творится. Так, вероятно и везде. Газеты хвастали даже, что и при входе немцев в Варшаву творилось то же самое развеселое житие: “нам-де немцы вовсе не страшны”. Какая дерзость перед Богом! Точь-в-точь как пред всемирным потопом было и будет пред концом мира».

Конечно, не все поклонялись чужому богу. Кто-то радовался чужому горю, а кто-то скорбел о своем отечестве. Многие участники военных событий, побывав на краю смерти и желая помочь другим, изъявили желание стать священниками, но их не принимали. Дело дошло до Синода. В результате епископ Андроник дал такое разъяснение: «Ввиду изложенного по вопросу: можно ли воину, участвовавшему в войне, принять священный сан, я прихожу к такому выводу. Ввиду того, что дело воина-христианина, защищающего свое Отечество, не порицается, а признается подвигом, следовательно, оно само по себе не может быть препятствием и к принятию священного сана. Но так как участие в военных действиях, в силу их исключительных условий, может очерствить сердце воина, привив ему в известной степени “нечистые”... чувства и переживания, то необходимо в отношении кандидатов священства из воинов придерживаться следующего образа действий. В каждом отдельном случае заявления со стороны участвовавшего на поле брани воина о желании принять сан

священства необходимо со всей тщательностью испытывать совесть такого кандидата, что составляет обязанность духовника, исповедующего ставленников. При этом, если после такого тщательного и всестороннего испытания совести бывшего воина окажется, что участие в войне произвело на него вредное влияние: сделало его грубым, черствым, жестокосердным и т.д., то такового не допускать до принятия священного сана. В том же случае, если и после участия в военных действиях против врагов Отечества кандидат священства сохраняет в себе доброе настроение воина-христианина, как “поборника целомудрия и благочестия”... принося искреннее раскаяние во всех своих грехах, и, если в его прошлом не будет греха, препятствующего восприятию им благодати священства, такового дозволительно допустить к принятию священного сана». 12 мая 1916 года Синод, заслушав рапорт епископа Андроника, согласился с его предложениями, издав соответствующий указ.

В июле 1916 года Пермская епархия была реорганизована, ее северной частью стал управлять епископ Соликамский Сергей, викарий Пермский; ректор Пермской Духовной Семинарии архимандрит Пимен был назначен на место епископа Сергия начальником Российской духовной миссии в Урмии, а епископ Андроник стал именоваться Пермским и Кунгурским. При расставании с владыкой Пименом еп. Андроник подарил ему свою панагию, которую он получил в первые дни своего архиерейства в Новгороде.

В августе владыка отправился в составе губернских представителей к фронту в Царскую ставку. Государь Император лично принял еп. Андроника, попросившего уделить ему время для личной беседы. В то время была очень сильно распространена [клевета на Григория Распутина](#), которая подрывала репутацию царя. Владыка не знал о том, что за этой клеветой стояла масонская рука, подставившая двойника Григория под распутные дела, организовавшая травлю на невинного старца, благочестивым советам которого следовала царская семья. Не зная всего этого, епископ стал увещевать Государя, говоря ему, что Григорий Распутин личность недостойная, что о нем много говорят грязного, нехорошего и

близость его к царской семье порождает множество сплетен и компрометирует Государя. Император выслушал святителя молча, а когда тот закончил, то попросил владыку удалиться, сказав такие слова: «До свидания, владыка, советую вам не верить всякому вздору». В похожей ситуации была и великая княгиня Елисавета, отрицательно относящаяся к личности Григория Распутина. Много раз она увещевала сестру оставить всякие взаимоотношения с лжестарцем, но впоследствии, разобравшись в ситуации, признала свою ошибку, хотя уже практически перед своей мученической кончиной. Действительно, разобраться в ситуации было тяжело. Самому царю Николаю приходилось организовывать расследования дел, каждый раз выявляя ложь и клевету, но остановить травлю он уже не мог¹⁷.

Поездка на фронт также нужна была епископу Андронику для того, чтобы выполнить свой долг перед любимым Отечеством – поддержать словом солдат, оказать им посильную помощь. Любой простой человек мог обратиться к владыке без всяких трудностей и скованности, потому что знал – он ответит, утешит, поможет. На обратном пути владыка остановился в Новгороде, где служил литургию вместе с Новгородским архиепископом Арсением (Стадницким), участвовал на городском празднике трезвости. За четыре дня епископ посетил Антониев, Хутынский, Десятинский, Духов и Зверин монастыри, Никольский собор, Николо-Кочановскую церковь, затем ненадолго заехал в Тихвин, место своей бывшей службы. В Перми участвовал в открытии отделения Императорского Петроградского университета.

В это время в России разворачивалось большое дело церковного переустройства, поэтому уже 20 октября 1916 года еп. Андроник пишет письмо архиеп. Арсению (Стадницкому): «Поставьте вопрос и настояте, чтобы архиереи не смели на соблазн православных и в угоду жидовскому либеральному кагалу затевать канонические реформы без разрешения церковной власти; чтобы был суд на истинно «кошунственные» их словоизвержения о разных предметах веры, соблазн большой и от сих словоизвержений, и от безнаказанности за них: куда же прибегать метущимся православным?.. Настояте непременно, чтобы при назначениях на кафедры архиереев и при выборе кандидатов на архиерейство был восстановлен непременно святой жребий с молитвою. Пусть Сам Господь избирает, а не человеческое смотрение среди нередко пустых и даже нескромных разговоров с анекдотами о «черных кобелях». Будете заслушивать мой рапорт о вмешательстве в епархиальные дела Шавельского и Сандецкого, пожалуйста, поддержите не для меня, а принципиально, чтобы выскочки не нахальничали... После Воздвижения открыли мы

---

¹⁷ Схимонахиня Николая (Гроян) "Мученик за Христа и за Царя Григорий Новый"

торжественные акафисты с беседами по церквам, религиозно-нравственные чтения по праздникам уже платные за множеством слушателей, детские собрания по утрам праздничным, «народный университет», тоже платные общеобразовательные чтения, откроем трезвеннические чтения даже с кинематографом... От приближающегося десятилетия архиерейства собираюсь удрать на Белую Гору, если буду здоров».

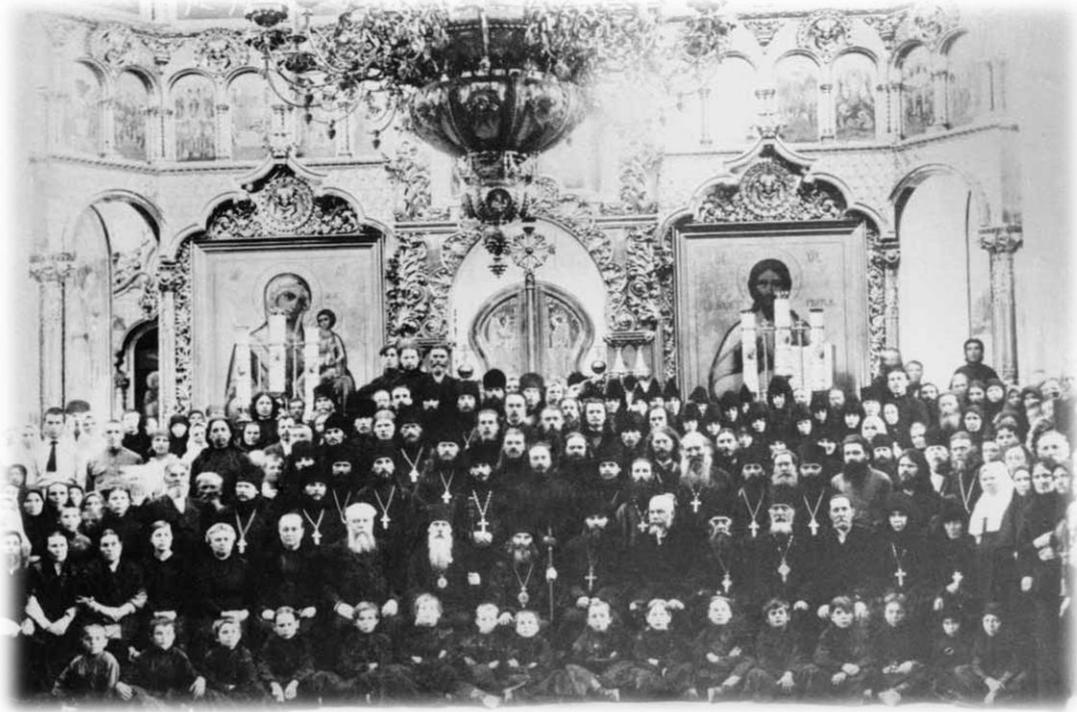
Когда пришло время 10-летнего архиерейского юбилея (5 ноября 1916 г.), еп. Андроник, действительно, отказался принимать чествование, удалившись на этот день в монастырь за 95 верст от Перми. Скромность владыки проявлялась во всем. Он не пользовался даже архиерейской каретой, отдав лошадей собору, на них соборное духовенство ездило по требам. В будни владыка служил в крестовой церкви и лишь тогда надевал простую священническую ризу и малый омофор.

Не забывал владыка и о своем друге – о. Пимене. Новый епископ оказался в Урмии (Персии) в трудном положении: Миссия имела большую задолженность, ее сотрудники находились в нищенском положении, на благотворительность денег не было, хотя год был неурожайным и от Миссии люди ждали помощи. Тут же еп. Андроник откликается на письмо Салмасского епископа. В Пермских Епархиальных ведомостях он печатает призыв помочь далекой Урмии и любимому всеми пастырю: «Придем с посильною своею помощью на указанные нужды православной истерзанной врагами Урмии... Лучше жертвовать деньгами, чтобы на все собранное иметь возможность закупить и необходимые предметы церковной утвари, а вместе оказать и помощь голодающим сирийцам... Отрем им слезы и заставим Богу молиться от благодарного и спокойного сердца».

Отклик был колоссальный. На эти деньги владыка Пимен оказывает помощь голодающим, возобновляет службы, открывает детские церковные школы, но непрерывные происки сирийских группировок все же не дают ему заниматься прямым миссионерским

делом. В одной из телеграмм, отправленных на Родину, он пишет: «Лучше быть псаломщиком в России, чем епископом в Урмии». Вскоре его переведут на кафедру епископа Семиреченского и Верненского, викария Туркестанского, но мученические венцы уже будут готовы для многих архипастырей.

Храм Воздвижения Животворящего Креста Господня в Белогорском монастыре. В центре епископ Пермский Андроник, слева от него епископ Соликамский Феофан (Ильменский), справа настоятель монастыря архимандрит Варлаам (Коноплев). 1917 год

Отголоски февральской революции дошли до Перми только в марте 1917 г. Несмотря на грозные политические события, 14 (1) марта преосвященный Андроник участвует в панихиде по убитому революционерами императору Александру II, а 15 (2) марта следует отречение Государя Николая II от престола. Уже на следующий день еп. Андроник приглашает на совещание в архиерейском доме высших начальствующих лиц города. С болью и скорбью он говорит о защите порядка, который немислим без самодержавного государя. Проект написанного владыкой обращения к православным людям, наполнен просьбой с горячим сердцем устремиться на молитву к Господу Богу и просить Его всеисильной помощи.

«Будем умолять Его, да устроит Он Сам власть и мир на земле нашей, - писал владыка, - да не оставит Он нас надолго без царя, как детей без матери». Все присутствующие одобрили послание. Перед тем как разойтись, произошла небольшая стычка между ректором Пермской Духовной семинарии и вице-губернатором. Архимандрит Матфей (Померанцев) с горечью упрекнул вице губернатора, что если бы господа губернаторы покрепче расправлялись с крамольниками, то все было бы в порядке. На это вице губернатор парировал: «А вы, духовные, должно быть, плохо молились». Отец Матфей хотел было ответить, но владыка

Андроник со смирением взял его за плечо и тихо сказал: «Помолчи, Матфей!.. Действительно, плохо мы молились».

Чуждый ссор и распрей, архипастырь растворял все козни своим смирением и молитвой, но приближались дни, когда и ему было суждено взойти на крест. Император, находясь в заточении, взошел на крест раньше.

15 (2) марта Царь Николай подписал не манифест, какой желали бы видеть от него противники, а лишь телеграмму в Ставку с лаконичным, конкретным, единственным адресатом — “начальнику штаба”, но именно ее подложно назовут “Манифестом об отречении”:

“Ставка. Начальнику штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

г. Псков, 2-е марта 15 час. мин. 1917 г.

Николай”.

Подпись Императора была сделана карандашом, что говорило о незаконности документа, но это уже никого не интересовало. Отречение самодержавного государя с формулировкой “в согласии с Государственной Думой” не допускалось никакими законами Российской империи. В телеграмме государь говорил лишь о передаче наследия на престол своему брату Михаилу Александровичу, тем самым минуя законного наследника царевича Алексея, что также было прямым нарушением Свода Законов Российской империи. Кроме того, опекун, а именно таковым государь являлся по отношению к своему сыну, не мог отказаться за наследника от прав наследника до достижения им совершеннолетия.

Телеграмма государя в Ставку, подложно названная “Манифестом об отречении”, была последним призывом государя к армии. Из этой телеграммы всякому честному и верному офицеру становилось ясно, что над государем свершается насилие, что это государственный переворот. Государь избрал форму телеграммы в Ставку именно потому, что знал - она будет немедленно разослана в войска торжествующими генералами-изменниками, а там оставались еще верные царю, присяге, крестоцелованию командиры и солдаты. Именно как призыв к спасению трона и России, понял эту телеграмму командир 3-го конного корпуса генерал-лейтенант Федор Артурович Келлер. Собрав представителей от каждой сотни и эскадрона вверенных ему частей, он сказал: “Я получил депешу об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю: “3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитили Тебя”. “Ура! Ура! — закричали драгуны, казаки, гусары. — Поддержим все, не дадим в обиду Императора!” Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного Государя”. Но генерал-лейтенант Келлер был немедленно отстранен Ставкой от командования корпусом.

16 (3) марта великий князь Михаил Александрович садится с самозванным Временным комитетом обсуждать условия своего “отречения”. Не имея никаких законных прав ни на престол, ни на принятие подобных решений, он подписывает “манифест”, составленный для него масонами: “Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть,

если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа”.

В тот же день государь записал в своем дневнике: “Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость”. Воистину “не следуй множеству, чтобы не делать зла”. Вечером, вслед за полученным известием “об отказе от престола” Михаила Александровича, император прибыл в Ставку в Могилев и отдал генералу Алексееву новую телеграмму.

“Председателю госуд. думы. Петр. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу моего Сына, чтобы он остался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. Николай”.

Этот документ, который свидетельствует о неотменности царского самодержавия в России, обнародован не был. Лишь в мае 1917 года, оставляя по настоянию Временного правительства верховное командование армией, изменник Алексеев передал этот величайший по значению документ генералу Деникину, но и тот в силу своих демократических убеждений не придал должного значения великим царским словам.

Когда должно было совершаться первое воскресное богослужение без упоминания Царя и Царственного Дома, преосвященный Антоний (Храповицкий), занимавший в то время Харьковскую кафедру, служа в Успенском Соборе, призвал людей к подчинению Временному Правительству согласно воле самого царя, Императора Николая. Это была ложь, но о ней никто не знал, кроме изменников.

Со скорбью, но упованием на помощь Божию, епископ Андроник также призвал людей к миру и полному подчинению Временному правительству, как власти законной, которая не без воли Божией взяла бразды правления. Самое главное в такой обстановке, - говорил он, -

не дать возможность разжиганию страстей и обострению вражды между русскими людьми, ибо эта вражда может в корне подорвать жизнь народа.

1 апреля (19 марта) вместе с духовенством и мирянами, бывшими в храме, архипастырь принял присягу на верность службе Государству Российскому. Как близки были его чувства чувствам ветхозаветного священника Маттафия, увидевшего богохульства в Иудее и Иерусалиме. «Горе мне! – воскликнул тот, - для чего родился я видеть разорение святого города и оставаться здесь, когда он предан в руки врагов и святилище – в руки чужих?» Но все же владыка Андроник нашел в себе силы поднять дух русского народа. Каждый помнил его слова, произнесенные недавно в Спасо-Преображенском кафедральном соборе: «...Что же нам делать среди этих тяжких испытаний? Народ осиротел... смута будет продолжаться и может расстроить многое; да не воспользуется враг этим нашим расстройством и да не сделает свое коварное дело, намеченное им за много лет раньше... Писал я дерзновенно свои слезницы два месяца назад к нашей высшей духовной власти; охарактеризовав всю тяжесть переживаемого момента и уверенно, безбоязненно указывая на угрожавшую нам опасность, я умолял войти в Совет Министров, в Государственную Думу, в Государственный Совет и к самому Царю, умолял прекратить эти увеселения, этот пир во время чумы, чтобы начата была беспощадная борьба с ложью, бездеятельностью, неправдою, злоупотреблениями, изменою, дабы не разверзлись на нас небеса Божьего гнева за эту пляску в крови братской... Но на это свое моление я не получил и ответа; вероятно, только улыбнулись на него, как на пустую затею не в меру ревнующего человека, видящего опасность там, где нет ее. И доулыбались ... а мы довели себя до такого тяжкого состояния. Вот горе и плач... и неведомо, когда прекратятся они. И вот еще мое последнее слово о том, о чем я так часто взывал ко всем. Мы тяжко согрешили, отступили от Бога. Покаемся. Оставим это бесстыдство. Сейчас время благоприятное, пост идет, да обратятся все как один к Господу Богу, дабы Он увидел, что признаем мы себя греховными пред Ним. Отечество в опасности, оно потрясено, близко к гибели. Только один Всемогущий Бог может вывести нас из этого тяжкого положения, и только Он один может спасти и устроить порядок, дать силу духа и вывести людей мудрых и сильных, которые бы наш корабль народный смело и верно провели к тихой пристани, передавши нам Россию полною духовных и вещественных благ. Молю всех вас, передайте от меня слышанное всем близким и соседям вашим, воодушевляйте друг друга, в спокойствии подчиняясь Господу Богу, дабы всем нам собраться воедино. Ты же, Милосердный Господи Боже наш, ведь это Ты в древности из рассеяния собрал русский народ и устроил нашу Родину, освободив ее от ига татарского. Это Ты во время лихолетья триста лет тому назад

восставил Россию в крепости, изведя мужей мудрых и сильных на дело спасения Отечества. Ты, Господи, тогда из разрухи извел Русскую землю, поставил над нами царем боярина Михаила Феодоровича. Это Ты сто лет назад, когда Наполеон уже сидел в сердце России, в Москве, тогда Ты же из огня и пламени спас Россию, изгнав самих супостатов. И нас, Боже, возведи в силу и славу, когда увидишь наше покаяние, когда люди, как дети, прострут к Тебе руки, имея Тебя своим помощником и покровителем... Ты, Господи Боже, возврати нас к Себе, объедини и примири всех нас, да все едиными устами, как один человек, восхвалят Тя. Вонми молитве нашей. Изведи нам мужа благодатного, да приведет нас к полному единству и покою, да не посмеется враг нашей взаимной распри. Да поверят в Тебя все русские люди, да не погибнет немощный брат наш. Знаем, Господи, Ты не дашь нам вместо хлеба камень и вместо рыбы змею. От Тебя мы все примем и понесем с терпением. Так молитесь Господу сами, учите так молиться детей и других к тому призывайте. Устремляйтесь не в театры и кинематографы, а в церковь Божию; здесь припадите к Владычице мира, да со всеми святыми умолит Она о нас разгневанного Господа, и Господь Бог призрит на наше это моление и проявит к нам Свое всепрощение и милость. Тогда минует разруха жизни, минует опасность для Отечества, и Господь, как нашим предкам, изведет нам мужа мудра и добра...». Знал архипастырь, что если помолится весь народ и покается, то минует гибель, но не хотел народ променять предложенные революционерами блага на молитву. Красные флаги уже развивались на пермских улицах, многочисленные демонстрации и митинги говорили об обратном.

Прямые слова владыки, твердо настроенного на хранение веры, подъем народного духа и возбуждение покаяния в содеянных грехах, явились как бы подписью к приговору. Нужен был только повод – и он нашелся. В марте 1917 года Пермский исполнительный комитет отправил телеграмму обер-прокурору Святейшего Синода с требованием уволить епископа Андроника от управления епархией, «как опасного для общественной безопасности и как препятствующего духовенству в его праве соорганизоваться». Узнав об этом, епископ отправил обер-прокурору протест: «...считаю нужным обнаруживать задор и неосновательность некоторых ораторов, очевидно и поспешивших пожаловаться о том комитету, а вероятнее всего – самому совету рабочих и солдатских депутатов, всем заправляющему по указке немецких и еврейских провокаторов, как и по всей России. Теперь же я разрешил духовенству собираться и обсуждать все волнующие их вопросы без моего личного присутствия, с докладом мне о предметах предстоящих суждений и о самих состоявшихся суждениях, протоколы которых представляются мне на прочтение. Теперь об

одном только посожалую: если будут несуразные выступления на собраниях, то духовенство само себя унизит в глазах паствы, ждущей именно от своих духовных отцов поддержки и ободрения среди тяжких событий времени, угрожающих полною анархией... Докладывая о сем, в случае возникновения вопроса о моем увольнении на покой, прошу Вас не отказать в назначении строгого и всестороннего суда моей опасной деятельности, чтобы не давать дела в руки террора, хотя бы и признано было за лучшее уволить меня на покой». Опасность, в действительности надвигалась не только на жизнь архипастыря, но и на жизнь Церкви. Некоторые церковные реформаторы уже ратовали за то, чтобы изменить свое отношение к социал-демократам и к социализму в лучшую сторону. Духовенство, действительно, унижало себя в глазах паствы, меняя проповедь о Христе на цитаты из «Капитала» Маркса и съездов партии. Все вело к анархии...

Еще год назад преосвященный предвидел это, организовав в Пермской епархии миссионерские курсы по обличению неверия и социализма, проводившиеся под руководством пермского епархиального миссионера Андрея Гавриловича Куляшева. Слушателям сообщались сведения о современном состоянии неверия за границей и в России с научной постановкой вопросов о Боге, мире и человеке, причем особенное внимание обращалось на те положения в вопросах веры, которые оспаривались современными безбожниками.

Съезд духовенства и церковных старост. Пермь, 1917 г.
ГАПО, №195 истарх.

В июне 1917 года, в рамках подготовки к Поместному собору Русской Православной Церкви, в Перми проходил чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян Пермской епархии. На нем развернулись острые дискуссии по вопросам отделения церкви от

государства, о церковной школе, о материальном обеспечении духовенства, о преподавании Закона Божьего и т.д. О предстоящем Соборе владыка говорил без надежды. Он считал, что плодотворным Собор может быть лишь тогда, когда после разделения государства от Церкви соберутся уже гонимые и потому искренние иерархи, а пока что ничего хорошего он не предвещает: «будут делать так же угодливо, как и теперь. Перестал я верить в плодотворность какой-либо общей системы при сложившихся условиях. Теперь лучшая система: пусть всяк на своем месте добросовестно и посильно трудится, вот и будет возрождение Церкви».

Митрополиту Московскому Тихону, будущему патриарху, владыка Андроник писал: «Чем ближе присматриваюсь к растущей подлости, тем больше решаюсь отрясти прах от ног и уйти на покой... В Предсоборном Совете представляю и Вас. Но не верю я ни в какие съезды и собрания – так испошлились люди... Тяжко видеть разруху Церкви и Отечества. Уже не близок ли и последний противник Христа?..» Святейший также понимал всю ситуацию, рассчитывая на помощь еп. Андроника.

21 (9) августа 1917 года преосвященный Андроник, епископ Пермский и Кунгурский, выехал в Москву для участия на Поместном Соборе Всероссийской Православной Церкви. На Поместном Соборе был избран Священный Синод, а на случай кончины членов Синода - 6 заместителей, среди которых был еп. Андроник. Во время работы собора владыка Андроник был избран председателем Отдела о правовом и имущественном положении духовенства, заместителем председателя Отдела о единоверии и старообрядчестве и заместителем председателя Издательского отдела. "Огонь пылающий" – так звали его на Поместном Соборе. Несмотря на то, что большевики захватили типографию, он все же находил возможность печатать документы и послания Собора. Можно представить, каких усилий стоило это в безбожное время.

10 ноября (28 октября) 1917 г. восстановлено патриаршество. Епископ Андроник проявляет в Соборе деятельное участие. Самый обширный из документов Собора – Приходской Устав – составлен двумя архипастырями – Пермским Андроником и Тверским Серафимом.

26 (13) декабря на короткое время владыка возвращается в Пермь. Известия со всех сторон были удручающими: в одном приходе изгнали священника, в другом изъяли клочок земли у притча, где-то запретили духовенству иметь содержание от прихожан. Владыка не

раз просил с пониманием, даже сожалением, относиться к отпадшим от Церкви, призывая их к покаянию: «Кто знает – не благоволит ли всякому из вас Господь хоть одного привести в разум и раскаяние пред Богом». Увидев же, как сам народ начинает обворовывать свою землю, грозно объявил: «Посему от скорби великой и туги сердца своего объявляю всем православным христианам, еще не забывшим, что они православные: пусть все знают, что всех, посягающих на церковное имущество, всех, насилие и надругательство причиняющих духовенству, – всех таковых предаю строгому суду Всевидящего Бога, Который лучше всякого начальства знает, кто в чем виноват, и рассудит таковых по Своей правде. А правда эта вот такая: в одной епархии жители одной деревни выкосили у соседней женской обители покос и высушили, поехали домой с сеном; но каково же им было увидеть, что деревня их пылает в огне; они сами сознались, что это Господь их наказывает за монастырский покос; поворотили они своих лошадей и все сено привезли в монастырь. Не боящиеся начальства и закона человеческого пусть убоятся этого суда Божия...».

Бешенство народное – так назовет владыка состояние народа, сбитого с толку благодаря революционной пропаганде. Как можно было остановить его? Оставалось одно – последнее предупреждение: «Моисеевым словом заклинаю всех: ... Если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь; то я возвещаю вам сегодня, что погибнете». В свою очередь, епископ обращается к духовенству, прося не оставлять народ без духовного окормления: «Дожили мы до полной разрухи нашей жизни, в которой не находим нигде поддержки ... Собирайте около себя под сенью храма свои приходы, чтобы постепенно совершилось оздоровление и всей народной жизни. Промедление смерти подобно есть». Нет, надежда не могла исчезнуть, владыка до конца верил, что народ образумится от всего «разбойничества и насильничества», сможет отгнать от себя нечистых бесов, поселившихся в их душах, но сколько пройдет времени? Риторические вопросы о будущем перетекали в молитву, которая поддерживала силы архипастыря для новой борьбы.

4 февраля (22 января) 1918 г. в Перми публикуется декрет о свободе совести и отделении Церкви от государства. Грабежи церковей и имений становятся законными, получив название «конфискация церковного имущества». В ответ на это преосвященный обращается с письменным воззванием православному люду всех храмов и обителей епархии о защите церковного достояния от насильников и захватчиков. Составить акт на арест владыки не успели, поскольку на следующий день архипастырь отбыл в свою последнюю поездку в столицу на вторую сессию Собора, оставляя временно управляющим епархией епископа Феофана.

Грабеж Белогорской обители, занятие властями помещений Белогорского подворья и отчасти женского монастыря вызвали народные волнения, породившие кровавые столкновения. В это время Пермь обрела первых мучеников: иеродиакона Евфимия и послушника Алексея. Епископ Андроник напишет с Собора в Пермь: «Врагов Церкви отлучаю от Святого Причастия и от надежды на вечное Спасение», - но врагам Церкви было уже все равно, ведь Бога в их душах уже не было. Большевики закрыли даже домовые храмы, епархиальное училище отдали под танцзал, захватили семинарию, арестовывали протестующее духовенство.

25 (12) апреля 1918 года Андроник был возведен в сан архиепископа. Вернувшись в Пермь, он сразу стал начал готовить духовенство и народ к предстоящему крестному ходу в честь свт. Стефана Великопермского с проповедями в разных частях города. 29 (16) апреля Чека выписало ордер на обыск в покоях и канцелярии владыки с подпиской о невыезде из пределов Перми. Не обращая внимания на происки врага рода человеческого, архипастырь отправляет в Пермский исполком письмо: «... представители разных органов местного Исполнительского Комитета солдатских и рабочих депутатов, вопреки моего клятвенного запрещения, посягают на жертву православного верующего народа: описывают, реквизируют, захватывают в пределах Пермской Епархии Церковное и монастырское имущество и помещения, здания и имущество духовно-учебных заведений, что все создано на добровольные жертвы народа. Сам я вчера подвергся униженного обыску...».

Обыск был произведен Гилевым.

– Кого вы в своих посланиях разумеете под разбойниками? – спросил тот.

– Всех, кто захватывает церковное достояние, пожертвованное Господу Богу; так я верую, - ответил святитель.

– Значит, этим воззванием вы призвали темные массы к вооруженному сопротивлению советской власти?

– Читайте документ, – ответил владыка, – о чем он говорит. Моя вера и церковные законы повелевают мне стоять на страже веры, Церкви Христовой и ее достоинства. Если этого не буду исполнять, то я перестану быть не только архиереем, но и христианином. Посему вы можете меня сейчас же повесить, но я вам гроша церковного не выдам, вы через труп мой пойдете и захватите, а живой я вам ничего церковного не дам. Так я сам верую и поступаю, призываю и православный народ даже до смерти стоять за веру, Церковь и церковное достоинство; к этому и буду призывать – это мой долг архиерейский.

Долг пастыря не взирал на то, что власти сделали законной конфискацию церковного имущества, ибо в его понимании свобода совести заключалась в другом – говорить правду и защищать истину. Следственной комиссии исполкома он пишет письмо с требованием возврата изъятых при обыске двух канцелярских книг для записи резолюций правящего епископа. В ответ Чека извещает его о предстоящей проверке на храмовый праздник в село, а все газеты активно печатали клевету на Церковь, чтобы унижить священников и показать веру христиан ничтожной. Многие этому верили...

Один из благочинных прислал донесение владыке о том, «что в ночь на 5 мая¹⁸ перед звоном к пасхальной заутрене в селе Григорьевском крестьянин этого села Николай Гуляев произвел выстрел из старинной пушки с целью, как он сам выразился, «подстрелить Христа». Пушку разорвало, убило на месте бывшего с ним рядом молодого парня, а самому Гуляеву оторвало ногу. Он был отвезен в пермскую больницу, где через двое суток умер в страшных мучениях». Как отмечалось в донесении, «Гуляев в церковь никогда не ходил, христианского долга исповеди и таинства причащения не исполнял». На этом сообщении владыка Андроник написал: «Так страшно идти против Бога, против Церкви и благодатного священства! Да образумятся все ослепленные дьяволом ругатели святой веры нашей и да обратятся в смирение и раскаянии к Милостивому Богу. Все же искренно верующие да примиряют с Богом ругателей веры нашей. Отпечатать в «Епархиальных Ведомостях» для непременно оповещения всех христиан».

Как и планировалось, 26 апреля (9 мая) преосвященный участвует в торжественном крестном ходе в честь свт. Стефана, еп. Великопермского, на который собрались тысячи людей. Паства все еще хранила преданность владыке и устоям Церкви. Архиепископ

---

¹⁸ 18 мая по новому стилю

обратился к ней с напутствием, анафемствуя тех, кто посягает на храм Господень, доколе те не исправятся. Он говорил о том, что готов принять смерть за защиту правды и справедливости, но не отступить от веры. «Идите и передайте вашим главарям, - наконец, обратился владыка к затесавшимся в толпе шпиикам, - что к дверям храмов и ризниц они подойдут только перешагнув через мой труп...». Отвечая на обвинение следственной комиссии он также впоследствии упомянет эту свободу совести, которую нельзя стеснять или ограничивать согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 22 января, но большевики понимали под этим только свою свободу.

26 (13 мая) владыка обратился к прихожанам с проповедью: «И ныне захотели люди без Бога и даже из вражды на Бога устроить рай на земле, в котором все были бы одинаково счастливы и блаженны. Но об этом безбожном рае теперь уже не может быть двух мнений: слишком тошно в нем живется. Прежде наших предупреждений об этом рае не слушали, считая их мракобесными, отсталыми, нас же за это называя врагами народа, призывали и рассчитывать как с таковыми. А теперь уже без наших слов, уговора все на самом деле познали все горькие сладости райской жизни без Бога, чтобы подобно прародителям – Адаму и Еве, за богоборчество изгнанным из рая Божия, горько оплакивать свое лишение и все переживаемые беды. К довершению всего теперь нам в этом раю угрожает уже и голодная смерть, ибо уже у нас нет хлеба и мы обречены на голод. Но не смейте просить этого самого хлеба. Если вы, не желая умирать с голода, и малым детям своим запросите хлеба, то вас обвинят провокаторами, саботажниками, контрреволюционерами, а с такими расчет всем известный... Но смотрите, как и ныне смешал Господь языки современных строителей безбожного рая. Святые слова и начала жизни объявлены теперь людьми – равенство и братство всех без Бога. Но вместо того на деле видим лишь отчаянную злобу, сатанинскую вражду и братоубийство под флагом свободы. Все уже знают гнусный обман и подмену, но парализованы, как у расслабленного, силы и воля, и ничего не могут поделать для разоблачения обмана, для уврачевания жизни. Ежедневно православные крестьяне и отдельно, и группами жалуются мне на кучки насильников по селам, отбирающих уже народную собственность – причтовые дома, запрещающих крестить детей, венчать и погребать в церкви. Это при объявленной свободе совести и верований! Какое глумление темных, несознательных и одураченных людей. Но духовно парализованные люди ничего не могут поделать с таким наглым глумлением насильников. Так богоотступники и клятвопреступники сами в себе наказываются, чтобы на деле познали, как можно жить без Бога и против Бога. Скажу прямо: то, что теперь мы переживаем как порядки новой жизни

народной, это грандиознейшая контрреволюция. Искренно желая полного возрождения народной жизни, желаю, чтобы это совершилось не путем внешнего переворота, а путем внутреннего переворота, путем глубокого возрождения души народной. А для сего горячо желаю, чтобы господствующий теперь режим и еще поцарствовал некоторое время. Захотели люди рай на земле устроить без Бога, так пусть в полноте и избытке наслаждаются его бесчисленными благами, пусть до самого дна выпьют всю сладость современного безбожного райского блаженства, чтобы потом все сознательно проклинали на всех перекрестках это отчаянное безбожие. И когда люди дойдут до этого сознания, когда в один дух раскаются перед Богом, тогда Господь и возвратит всему народу разум и волю. Тогда то и познают истинное равенство и братство всех свободных перед Богом. И теперь уже есть начало раскаяния, но пока еще слабого и не общенародного характера. А должно оно быть таким же общим, каково было народное безумие год тому назад. К этому и ведет всех нас Господь; и, кажется, приведет наконец тем голодом и мором, что уже начались почти по всей России и скоро, вероятно, сделаются единственной властью над жизнью и смертью человечества. И вижу своим мысленным взором, каются все безумствующие теперь и в ослеплении разрушающие родную жизнь. Вижу, как они в полном отрезвлении будут припадать к оплеванному ими теперь подножию креста Христова с воплем о помощи Божественной. Вижу, как все образованные, развратившие темный народ, толкнувшие его на безбожие и бунт, но теперь смирившиеся переживаемыми скорбями воодушевятся на святую народную работу пред Богом, неся сюда свой высокий разум и богатые духовные силы. Да возвратятся же к нам от Бога разум и сила, как к исцеленному евангельскому расслабленному».

Конечно, владыка знал, чем ему грозили эти смелые слова. В письме к Патриарху Тихону он пишет: «Я пока на свободе, но вероятно, скоро буду арестован... На посланные мною открытки многим архиереям ответа не получил ни одного. А надо нам знать друг о друге». К этому времени многие архипастыри тоже были арестованы либо лишены возможности отвечать на письма, находясь под надзором Чека. На случай своего ареста владыка Андроник оставил распоряжение, что если он будет арестован рабоче-крестьянским правительством, то дает запрет священноцерковнослужителям города Перми и Мотовилихи совершать богослужения, кроме напутствия умирающих и крещения младенцев. Это должно было стать знаком надвигающейся опасности.

Незадолго перед арестом архиепископа один священник обратился к нему с вопросом, как спасти паству от губящих ее волков и самому не впасть в уныние от озверения в народе и предстоящего поругания святынь. Владыка ответил: «Поверьте, отче, все это безбожие и

разбой есть вражеское наваждение, скверный налет на русскую добрую и богобоязненную душу. За клятвопреступничество отнял Бог у народа разум и волю, пока не раскаются... а когда раскаются, то сначала постепенно, а потом целиком прозрят все духовно, почувствуют и силу и как Илья Муромец – сбросят тот ужас, который окутал страну нашу. Вот и будем своим твердым, ясным, уверенным словом раскрывать людям правильное отношение к жизни и прежде всего к покаянию, после которого все от Бога нам возвратится с лихвою... Может быть, меня на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет со своим возвращением к Богу. Ободряйте всех и примиряйте озлобленных с жизнью, вливайте в них начала светлой жизни по Евангелию Христа. Наше дело – собирать стадо Христово, организовать живые церковно народные силы по приходам, чтобы разочаровавшиеся во всяких партиях люди здесь, в Церкви, и среди верующих нашли живую пристань и добрый покой. Воскреснет душа народная – воскреснет и тело ее – наша здоровая государственность. Да помогает Вам Премудрый Господь. Просите и молитесь о призывающем Божие благословение грешном архиепископе Андронике».

Архипастырь не отчаивался, он ежедневно исповедовался и приобщался Святых Тайн, не теряя упования на Бога. Со всеми он был по-прежнему обходителен и ласков. Удивительное спокойствие на лице владыки удивляло многих. Близкие уговаривали владыку скрыться, но он был непреклонен, словно уже получил ответ свыше – спокойно и уверенно идти на Крест.

28 (15) мая в Перми объявлено военное положение. Находящийся в это время в Перми Великий Князь Михаил Александрович, брат Царя-мученика Николая II, ночью с 30 (17) на 31 (18) мая, в праздник Вознесения Господня, будет похищен и тайно убит. Вскоре владыка Андроник, опасаясь за свою жизнь, распорядится своему викарию владыке Феофану вступить в управление епархией в случае своей насильственной смерти, а если последует кончина владыки Феофана, то передать временное управление епископу Вятскому.

1 июня (19 мая) власти приказали архиепископу явиться для ответа на вопросы обвинения. Под видом допроса они намеревались арестовать владыку, но на этот раз заступился народ и мусульманская депутация.

Обвинения состояли в следующем: 1) отлучал от Церкви всех, кто посягал на церковное имущество, и отпечатал о том воззвание в количестве 550 экземпляров; 2) призывал православных к защите церковей и монастырей и отпечатал этот призыв в 550 экземплярах; 3) разослал эти возвания по благочинным Пермской епархии; 4) «не довольствуясь произведенным у него обыском... позволил себе 30 апреля сего года послать отношение

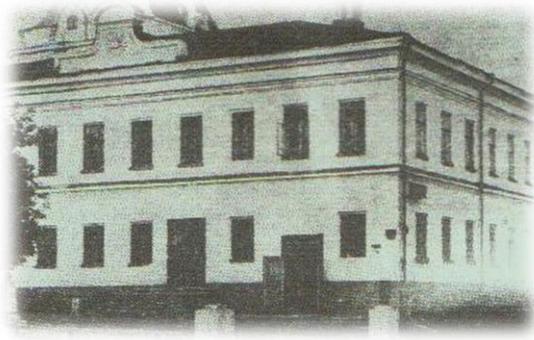
губернскому исполнительному комитету... в котором указывает на якобы незаконные действия чрезвычайного комитета, а также местного исполнительного комитета»; 5) «26 мая сего года с амвона кафедрального собора после чтения Евангелия о пяти прокаженных говорил проповедь явно контрреволюционного содержания, в которой, между прочим, заметил, что русское государство за грехи наказано Богом; наказанием же является существующая власть, которая под видом свободы, равенства вводит насилие, притеснения и гонения». Власти постановили: «Привлечь архиепископа Андроника к ответу в качестве обвиняемого... обвиняя в том, что он... 1) изданным декретам... не подчинился, 2) ...организовал сопротивление темных несознательных масс населения... 3) старался противодействовать существующей власти...»

Народ, узнав об этом обвинении, стал скапливаться на соборной площади. Приказ пришлось отменить, и, чтобы народ совершенно успокоить, владыке прислали допросный лист на дом. Он ответил на все вопросы в письменном виде: «Мои воззвания составлены в полном согласии и даже во исполнение постановлений о сем Всероссийского Церковного Собора, в своем составе представляющего в числе трех четвертей всех членов мирян со всей России. Следовательно, суд надо мною есть суд над Всероссийским Церковным Собором и над всем церковным народом. А посему осуждающие меня, Церковный Собор и верующий народ оказываются в противоречии и во вражде со всем верующим народом. Таковые, если они православные христиане, должны знать, что по 121 правилу Церковного Номоканона они суть “анафема и да изгнаны будут из Церкви, отлучены бо суть от Святой Троицы и посланы будут во Иудино место... В проповеди я не “призываю народ обратиться подобно расслабленному (а не прокаженным, как ошибочно сказано в копии постановления) к Богу, чтобы все возвратилось к старому”. Напротив, я указываю, что богоотступничество наше в старом и привело нас к современной разрухе в безбожном раю, где так трудно всем живется среди общей злобы и вражды до братоубийства. Посему и призываю народ обратиться к Богу в покаянии и утверждаю, что только тогда, у Бога, и сознают все себя на деле, а не на словах равными и братьями, как свободные чада Божии... Никакого “активного сопротивления темных несознательных масс населения противодействовать распоряжению рабоче-крестьянского правительства” я не организовывал... Мой долг не расшатывать, а укреплять веру в народе. Это я делал и делаю, и буду делать, пока Господь удерживает меня на страже церковной. Кроме того, считаю недопустимым оскорблением верующего народа, когда следственная комиссия революционного трибунала народного суда называет этот руководимый мною верующий народ “темными несознательными массами населения”».

Громко заявляю и заявлю на суде свой решительный протест против такого тяжкого оскорбления верующего народа со стороны именующих себя представителями народной власти. Помимо всего прочего, таковые представители власти, если не лично, то через агентов своего сыска, всегда могут убедиться, что меня слушают и от меня слышимое принимают к руководству и исполнению верующие всех сословий и всякого образования. К моему архиерейскому голосу прислушивающиеся верующие люди, несомненно, в делах веры и Церкви просвещены гораздо более не только всех “сознательных товарищей”, восстающих на Церковь, но и агентов сыска, не могущих различить евангельского чтения о расслабленном от евангельского чтения о десяти прокаженных... Вторично во всеуслышание народного суда протестую против нетерпимо оскорбительного наименования верующего народа “несознательными слоями населения”, утверждаю, что, ни одного слова никогда не сказавши не только о “возврате старого строя”, но и о самом этом “старом строе”, я по долгу архиерейства стоял и стою и буду до смерти стоять на страже веры возглавляемого и руководимого мною верующего народа, состоящего из лиц и самых просвещенных, и мало просвещенных. Посему не благословлял, не благословляю и никогда никого не благословлю унижать святую веру и Святую Церковь или расточать церковное достояние – свободную жертву только верующего, а не всякого народа...».

Власти для успокоения населения города ответили многочисленным депутациям, в том числе мусульманской, что они совершенно удовлетворены ответами владыки, что конечно, было ложью. Люди, доверившись заверениям властей, расходились и успокаивали других. Тем не менее, ходатайство от Пермского Союза приходских советов с просьбой отпустить архиеп. Андроника в Москву по делам Союза, было отклонено. В ЧК собрались представители властей и решили арестовать архиепископа и немедленно расстрелять. Для этого они объявили город на военном положении и привели в состояние боевой готовности все имеющиеся войска. Начальнику конной городской милиции приказали поставить по два конных милиционера против окон всех городских церковных сторожек на тот случай, если кто-нибудь из звонарей захочет подняться на колокольню; если звонарь не послушается приказа, велено было стрелять. Условились, что как только Жужгов выведет архиепископа, тут же подадут пролетку, чтобы как можно быстрее увезти святителя из города.

В полночь с 3 (16) на 4 (17) июня 1918 г. вооруженный отряд властей в 1500 человек под предводительством бывшего каторжника Мясникова окружил архиерейский дом.

Архиерейский дом

Сохранился рассказ¹⁹ очевидца тех дней, состоявшего в охране покоев владыки: «Нас было 3-4 человека. Мы проводили эти ночи в стеклянной галерее у собора, собираясь в 11 ч. вечера и расходясь после 5 ч. утра. Мы наблюдали ночную «деятельность» Пермского «Смольного». Видели как привозили грабленное и приводили людей на последний суд и расправу. В последнюю ночь с воскресенья на понедельник, т.е. на 4 июня архиепископу тайно донесли, что «совет нечестивых» отдал приказ об его аресте в эту ночь. Владыка видимо был готов и встретил это известие спокойно.

В эту ночь нам предложили быть близко к месту надвигающихся событий и мы расположились в притворе Крестовой церкви. От парадного входа и лестницы в квартиру архиепископа нас отделяла Крестовая церковь и две двери: из притвора в храм и из храма на лестницу. Почти вслед за боем 12 часов на соборе, к нам сидевшим, понятно в темноте, прибежал настоятель архиерейского храма архимандрит о. Пахомий и сдавленным, полным тревоги голосом крикнул нам: «Идите скорее! Ломятся в парадное!..» Чтобы перебежать через темную церковь времени нужно немного, но когда я, бежавший впереди, ухватился за ручку двери на парадное, то она уже кем-то отворилась со стороны лестницы. Не слушав шума взлома наружных дверей и предполагая по времени, что орда еще возится с ними, мы на мгновение опешили, увидя за дверью в освещенном пустом парадном какого-то человека в мягкой черной шляпе, черной же рубашке под пиджаком с револьвером в руке.

Потом оказалось, что когда швейцар после первого стука бросился за ключом, чтобы открыть, дверь оказалась моментально сломанной и в коридор парадного хода проникло лишь несколько наиболее смелых.

Странное дело: не смотря на всю безопасность обстановки преступления, исполнители видимого чего-то трусили.

---

¹⁹ Копия рассказа предоставлена иереем Артемием Веденевым, клириком Свято-Троицкого мужского монастыря г. Перми.

... Первые вопросы, которые задал нам субъект в шляпе, далеко беспокойным голосом, были: «Сколько нас и кто мы такие?»

Тон сразу изменился, когда мы ответили, что нас только трое и что мы не охрана, т.е. безоружны, а просто свидетели, понятые.

В один момент коридор наполнился вооруженными мотовилихинскими рабочими, часть которых, с каким-то горбоносым, нерусского типа брюнетом во главе, бросилась вверх по лестнице в покои владыки, а остальные тесным кольцом окружили нас и тщательно обыскали. Почти тотчас же из внутреннего помещения к нам присоединились, проведя их под дулами револьверов, имевших в здании комнатки-келии: иеродиакона Евлогия, сторожа церкви Глухих, рассыльного Калашникова, швейцара Сосовских; потом был приведен и настоятель о.Пахомий.

Вверху у владыки были о.Пахомий и священник Крестовой церкви о.Михаил Салтурин, когда ватага появилась в его кельях. Архиепископ, конечно, не ложился, слышал весь шум нападения и встретил насильников спокойно, вопросом: «Кто вы такие и что вам нужно?» Один из шайки ответил, что они должны произвести обыск. Последовал новый вопрос: «На это должно быть у вас полномочие, мандат, есть он у вас?». Вместо ответа горбоносый предводитель спросил, обращаясь к рядом стоявшим владыке и о.Пахомию: «Какой из них епископ Андроник? «Я». Ответил архиепископ. Мы должны вас арестовать», заявил он. «Тогда, тем более, должен быть у вас мандат на мой арест!» ответил архиепископ насильникам. Атаман шайки крикнул «нам некогда разговаривать с вами, немедленно одевайтесь и идем!»

В этот момент сквозь толстые стены покоев донеслись звуки набата с соборной колокольни, поддержанные еще на 1-2 церквах и на каланче 2-ой части.

Видимо «товарищи» этого не ждали и растерялись. Все признаки паники были на лицо. Сверху по лестнице побежали разузнавать, бросились и из нашей стражи туда же на площадь. Все пришло в волнение, все задвигалось.

Наверху были слышны возгласы: «Скорее, скорей!»

И вот не прошло и четверти часа после взлома входных дверей, как на верхней площадке лестницы послышался быстрый топот многих ног. Внизу у нас моментально наступила мертвая тишина. Все внимание наше и нашей стражи сосредоточилось на лестнице среди

вооруженной толпы, немного впереди ее спускался по ступеням архиепископ Пермский Андроник.

Одетый по дорожному в рясу и клобук, с посохом в руке, обычной быстрой своей походкой шел на смерть архипастырь. Мы видели его близко. Он был спокоен. Не доходя до конца лестницы несколько ступеней, он поднял глаза на нашу группу, почти не останавливаясь, на ходу, поднял руки и благословил нас.

Последний раз для нас прозвучал его голос: «Прощайте православные!»...

Еще мгновение и он, а за ним и стража его, спустились с лестницы, повернули, и скрылись в выходных дверях. Донеслись крики: «Скорей, скорей!» и топот лошадей. Преступление свершилось.

Все это время набат гудел, не переставая. К звукам его присоединились звуки ружейных выстрелов и, наконец, «затакал» пулемет. Наша стража давно уже пришла в движение. В начале эту стрельбу с площади, звон на колокольне и подъехавшей пожарной команды они приняли за нападение. «Им пулемет притащили», указывая на нас, сообщили своим прибежавшие с площади. «Посмотрите хорошенько, не ваш ли он?» был наш ответ, «ведь это стреляют с площади ваши же».

Когда наконец выяснилось, что тревога напрасна, успокоившиеся опричники приступили с требованием выдать им ключи от колокольни и указать ход на нее. Все мы ответили незнанием: настоятель сказал, что ключи у сторожей, а сторожа под колокольной.

... Пока искали ключи, один из красных по водосточной трубе поднялся на колокольню и, расстреляв целую обойму, ранил в ногу, продолжавшего и под расстрелом бить в набат, монаха о.Михаила. Волоком, как собаку, стащили этого человека долга с колокольни, бросили на телегу и истекавшего кровью примчали в тюрьму, где ему потом отняли в больнице ногу.

О.о. Пахомия и Евлогия, Глухих, Калашникова и нас понятых: О.Ц. и меня вывели из здания на улицу и повели в чрезвычайку. На протяжении от Монастырской до Петропавловской улиц по всей левой стороне Кунгурской густой толпой стояли сотни вооруженного сброда... Угрозы покончить с нами тут же, удары прикладами и издевательства не прекращались на протяжении двух кварталов. Стража видимо опасалась не доставить нас живыми и поэтому гнала почти бегом.

В этом скором и справедливом Шемякином судилище мы пробыли несколько часов (было 25 м. шестого, когда нас вели мимо Городской Управы). Мы не дождались привода второй группы арестованных – жильцов Архиерейского дома с о.Никоном во главе.

... Нас отправили в тюрьму (около кладбища). Там уже факт преступления был известен, т.к. тюрьма видела, как проскакали по Соликамскому тракту на Горки похитители, увозя свою жертву в Мотовилихинский застенок, в кровавые лапы палача Мясникова²⁰. Член приходского Совета И.П.».

Владыку Андроника хотели расстрелять сразу, но конвой, везший архиепископа, захватив во двор мотовилихинской милиции, решил поменять лошадей. В это время позвонил Мясников, попросивший отложить расстрел архиепископа до его приезда. Начало рассветать, поэтому убийцы ехать дальше побоялись. Приехавший Мясников заявил, что расстрел решено отменить. Владыка не поверил: «Я знаю, что меня расстреляют». При наступлении дня архиепископа завели в помещение бани и приставили к дверям конвоира с приказом никого не впускать. Жужгов²¹ предложил владыке мясного супа, сваренного на милицейской кухне. Архиепископ отказался, тогда Жужгов принес ему хлеба и молока.

В это время в ЧК снова созвали совещание, подтвердив приговор - расстрел. Однако в Мотовилихе уже узнали, что архиепископ и бывшие с ним священники арестованы и владыка находится здесь. Перед зданием милиции стал собираться народ, требуя освобождения архипастыря. Жужгов приказал разойтись, но люди не расходились, и тогда он сказал: «Им нужен Андроник, посадите их с Андроником». Были арестованы две женщины, остальных разогнали. Вскоре стало известно, что священники городских церквей и Мотовилихи отказались служить. Жужгов пришел к архиепископу узнать причину. Владыка сказал: «У нас постановлено, что если кого-нибудь из священнослужителей арестуют, то мы все служить не будем». Вечером 18 июня в мотовилихинскую милицию снова прибыл Мясников. Жужгов отдал распоряжение готовить лошадей, чтобы везти архиепископа на расстрел, но Мясников стал противиться расстрелу владыки и настоял доставить архипастыря в Пермь в Чека. После споров в Чека Мясников все же согласился на расстрел.

---

²⁰ Г. И. Мясников - участник убийства великого князя Михаила Александровича Романова. В 1921 году стал в оппозицию к Ленину и был исключен из партии. В 1923 году Мясников был арестован и приговорен к трем годам ссылки в город Эривань. Бежал через границу и через Персию и Турцию переправился во Францию. Работал в Париже шофером. После Второй мировой войны вернулся в советскую Россию и был расстрелян.

²¹ Николай Васильевич Жужгов во время революционных беспорядков 1905 года был боевиком. Участник шайки «лесных братьев», за что отбывал наказание в Амурской губернии. В 1918 году большевики назначили его помощником начальника милиции мотовилихинского завода. Принимал участие во многих арестах и расстрелах. В 1919 году получил место помощника начальника губернской милиции.

Этой же ночью власти арестовали тринадцать священников и диакона. В ЧК с них потребовали расписку, что они обязуются никогда не вести агитацию против советской власти и молчать по поводу ареста архиепископа Андроника. Весь день 19 (6) июня архиепископ провел в камере Пермской ЧК. Палачи почему-то побаивались святителя и, опасаясь его влияния на стражу, подобрали таких конвоиров, которые могли поиздеваться над архипастырем. Так прошел день. Власти уже решили участь святителя, но объявить ему об этом боялись. Боялись и увозить владыку на расстрел, чтобы не быть замеченными настороженными людьми города. Вечером председатель Пермской ЧК Малков, зная интерес одного из своих приятелей к личности архиепископа, пригласил его присутствовать при допросе. Вот свидетельство В.Ф.Сивкова:

«Андроник молча занял одно из кресел у письменного стола. Он долго не отвечал ни на один вопрос, а потом, будто решившись на что-то, снял с себя нагрудный крест, завернул его в большой шелковый лиловый платок, положил перед собой на письменный стол, поднялся с кресла и, обращаясь к нам, сказал примерно так: «Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы положение было противоположным, я именем Господа Бога, приняв грех на себя, благословил бы повесить вас немедленно. Других разговоров от меня не будет». Потом сел, не спеша, развернул крест, надел на шею, спокойно поправил его на груди и превратился в будто бы отсутствующего человека». Конечно, владыка полностью ушел в молитву, предавая себя в волю Божию.

19 (6) июня в «Известиях Пермского окрисполкома» публикуется первая клевета о происшедших событиях: 3 июня²² в кафедральном соборе владыка призывал молящихся к оружию, свержению советской власти, к расстрелу большевиков, за что был арестован. Верующие знали, что это ложь, поскольку после ареста владыки настоятели всех храмов Мотовилихи и Перми закрыли церкви для богослужений, а для всех остальных – это была правда. На следующий день выйдет новая полоса: «Ради спасения своей шкуры, епископ Андроник отнимает у своей паствы возможность молиться».

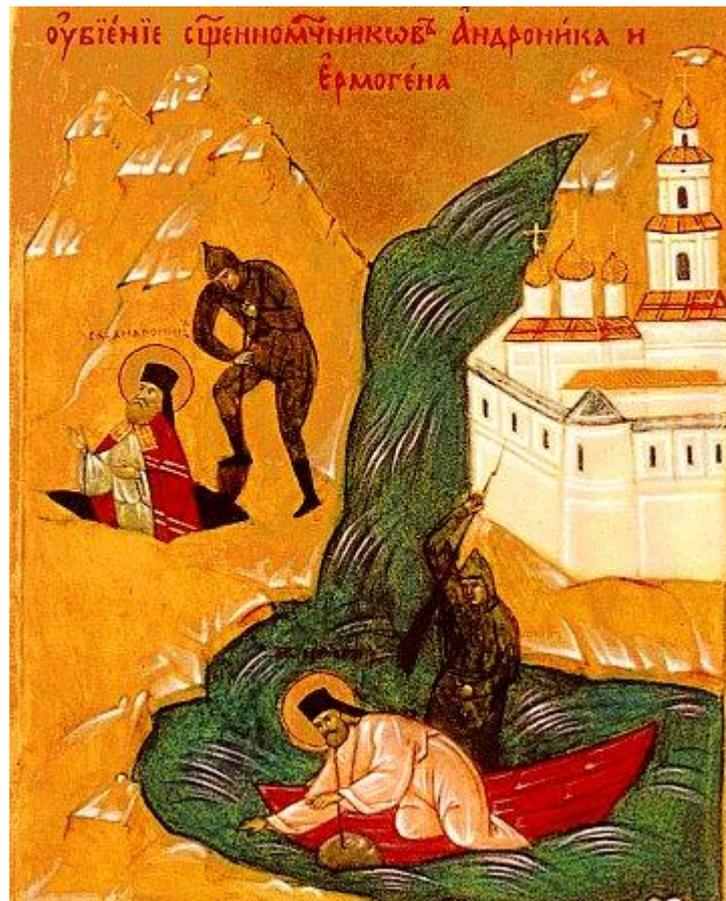
Истекали дни Вознесения. В ночь с 19 (6) на 20 (7) июня чекисты поехали на расстрел святителя. Среди них были Уваров, Платунов (начальник конной городской милиции) и трое латышей. В первом часу ночи Уваров въехал во двор ЧК и велел выводить архипастыря. Из подвала выбежал Жужгов и попросил Платунова, чтобы его взяли присутствовать «на похоронах Андроника». Платунов велел ему сесть рядом с архиепископом в фэтон. Дорогой

---

²² По новому стилю – 16 июня.

святитель добродушно заметил, что ему в мотовилихинской милиции было лучше сидеть – там, по крайней мере, над ним не смеялись. В ответ Жужгов злобно потребовал: «Снимите постановление о забастовке». Архиепископ ответил: «Нет, не сниму, я знаю, что вы меня везете расстреливать».

Сам Жужгов описывает это событие так: «На третью ночь ... поехали по Сибирскому тракту за 5 верст, свернули в лес на левую сторону, отъехали сажень сто, остановили лошадей. Я приказал дать Андронику лопату ... приказал ему копать могилу. Андроник выкопал сколько полагается (четвертей шесть²³) – мы ему помогали²⁴. Затем я сказал: «Давай ложись». Могила оказалась коротка, он подрыл в ногах, лег второй раз, еще коротка – еще рыл – могила готова. Теперь дайте мне помолиться, я разрешил, он помолился на все стороны минут 10, я ему не мешал. Затем он сказал – я готов. Я сказал, что расстреливать не буду, а живым закопаю, пока ты не снимешь постановления, но он сказал, что это не сделает и не будет того, чтобы я не шел против большевиков. Затем мы его забросали землей и я произвел несколько выстрелов»²⁵.

Тело святителя было неподвижно, поэтому Платунов выстрелил еще два раза, Жужгов – один раз в голову, и начали закапывать дальше. После казни палачи поделили оставшиеся от

²³ 1,07 м

²⁴ Грунт земли оказался крепким: красная глина, – причем копали под высокими елями, поэтому ослабленному и обессилившему владыке приходилось помогать.

²⁵ ГАПО. – Ф.р-732. – Оп.1-Д.140. – Л.2-3.

архипастыря вещи: чугунные часы, серебряную панагию и позолоченную цепочку с крестом. Крест и часы Платунов хранил в письменном столе, но потом их забрали Иванченко²⁶ с Дрокиным. На этой цепи Дрокин потом водил гулять свою собаку.

23 (10) июня была Троица. Власти еще скрывали убийство архиепископа. Накануне они провели досмотр имущества в Архиерейском доме: «В покоях Архиепископа в кабинете оказалось пять ряс, ... машинка пишущая, ... шкафы с книгами раскрыты, но книги на месте. Более ценные вещи как-то: иконы, наперстный крест, три посоха оказались налицо... При осмотре кладовой припасов в ней никаких не осталось». Припасов, конечно, не осталось благодаря мародерам, личных денег у владыки не было - все средства он жертвовал на помощь беднякам, а церковные – были спрятаны. Не успокоившись, 26 (13) ноября красносотенцы устроят еще один обыск покоев архиепископа Андроника и епископа Феофана. На этот раз они найдут церковные деньги (456 руб. 74 коп), 2 серебряные медали, архиепископскую печать, переписку, брошюры и фотокарточки.

Поместный Собор Православной Российской Церкви отправил в Пермь комиссию для расследования ареста, в составе которой был архиеп. Василий Богоявленский, архим. Матфей (ректор местной семинарии) и один член Собора из мирян. Советская власть, казалось бы, пошла навстречу, дав возможность провести следствие, но, когда они выехали за мост Пермского железнодорожного моста – все члены комиссии были выведены и убиты²⁷. Тела их закопали там же, на месте преступления. Деньги, которые они везли от местной епархии на нужды Собора, расхищены.

В ночь на 24 (11) декабря последовала еще одна мученическая кончина – епископа Феофана (Ильменского). Вместе с другими пастырями его утопили в ледяной Каме.

Долго еще ходили слухи об архиепископе, мол, увезен в Губаху, и его якобы видели в арестанской партии среди эвакуированных из Губахи, но, конечно, догадывались и о другом. Домовой храм архиепископа Андроника отдали под музей, на месте кладбища с прахом праведных архиереев и священнослужителей построили зоопарк.

Место захоронения Андроника до сих пор точно неизвестно. Когда в 1999 году он был причислен к лику местночтимых святых, архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий определил: «*Честные останки священнослужителя Андроника, находящиеся в безвестной*

---

²⁶ Василий Алексеевич Иванченко во время беспорядков 1905 года был боевиком. В 1907 году вступил в шайку «лесных братьев»; за разбой был арестован и приговорен к пяти годам заключения и двум годам ссылки. В 1917 году стал начальником милиции в Перми, а с 1920 года - заместителем председателя Пермской Губчека. Участник убийства великого князя Михаила Романова. Умер в 1938 году в Перми.

²⁷ По одним сведениям – расстреляны, по другим – зарублены.

могиле, именовать отныне святыми мощами, оставив их на Божие произволение». В районе автобусной остановки ЖБК по улице Героев Хасана установили памятный крест, символизирующий могилу архиепископа.

С полной уверенностью можно сказать, что свщмч. Андроник был великим подвижником, молитвенником и нестяжателем, ведь все средства, которые жертвовал ему народ, он тут же отдавал на помощь беднякам. В постные дни он питался одними овощами, в скоромные - обходился малым количеством пищи, а в последние дни страстной седмицы употреблял в пищу только просфору и чай. Накануне дня, когда ему предстояло совершать литургию, владыка почти не спал, всю ночь простаивая на молитве. Удивительно, что при этом бодрое настроение не оставляло его днем. Проповедь вместе с последующими беседами обычно занимали не менее шести часов. Конечно, можно было ограничиться лишь службой, но упустить возможность пробудить народ от сна неведения и заблуждений он не мог. К этому же он призывал и пастырей Церкви.

Его наставления пастырям, которые часто печатались в епархиальных ведомостях, служили руководством к жизни во Христе. Недаром любимыми книгами архипастыря были дневниковые записи прав. Иоанна Кронштадского, который пронес через них идею спасения человека во Христе. Жизнь каждого христианина должна быть наполнена глубоким смыслом,

будь то простой крестьянин или учитель, или политический деятель. И этот смысл постигается только через общение с Богом, прибегание к церковным таинствам, особенно к Святому Причащению. О. Андроник не переставал пробуждать народное сознание и тогда, когда к власти пришли большевики, открыто выступая против их беззаконий. За это истовое служение Церкви он и пострадал, не переставая молиться за свой народ.

Для общецерковного почитания в лике святых Андроник был прославлен на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. Примерно в это же время появились планы возведения монастыря на месте предполагаемой гибели Андроника.

Однако на улице Героев Хасана началось коммерческое строительство, неоткрытую могилу, вероятно, давно уже заровняли бульдозерами и экскаваторами. Места для новых зданий, там практически не осталось, но остались его незабвенные слова о службе: «Влияние на народ ... торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это. Засуха, ненастье затяжное, мор скота, червь напал на хлеб и т. п. – все это дает священнику повод обратиться к душе своих прихожан, чтобы возбудить в них дух сокрушения, искание Божьего заступления, желание молиться Ему или Его угодникам. Концом этого и будет нарочитое богомоление, поднятие икон в деревне, крестный ход вокруг села или на поле и т. п. Тут и место проповеди, и общенародному пению, и обещание на трезвость, и усердие на общее доброе дело и т. п. Вовремя устроенное, все это будет иметь весьма важное значение и надолго сохранится с благоговением в народной памяти. Такое же значение имеют и путешествия по святым местам. Издревле это было весьма воспитывающим средством на Святой Руси. К народным святыням нес наш народ и горе, и радость. У народных же святынь он заполучал и выносил в жизнь все высокое и святое».

Имя священномученика Андроника сохранится с благоговением в народной памяти навсегда, а его святые мощи теперь сами стали источником благодати. И хоть неизвестно место их захоронения, молитвенное обращение к святому привносит в нашу обыденную жизнь всегда что-то светлое и высокое.

Тропарь, глас 5:

Меч духовный взем священномучениче, / за Церковь и Отечество воинствовал еси; / и духом пламенея богомудре, / любовь Христову стяжал еси. / Жизнь убо временную ни во что вменив, / в жертву себе принесл еси. / Мы же, грешнии, молим тя, святителю Андрониче, // неотступным буди ходатаем за нас пред Богом.

Кондак, глас 4:

Якоже апостол славный Павел, простотою себе украсил еси; почестей и славы избегая, в чистоте пред Богом подвизался еси; архипастырство тяжкое пронесый, Небесному ныне Архиерею предстоиши.

Литература

http://korolev.msk.ru/books/Andronik_1s.html

<http://www.fond.ru/userfiles/person/467/1248687751.pdf>

<http://trezvenie.org/files/books/1/andronik.pdf>

<http://polikliet.livejournal.com/40824.html>

http://www.rus-sky.com/history/library/rus_id/m

http://monarhist-spb.narod.ru/D-ST/Sergy_Spiridonov-1.htm

<http://хопос.narod.ru/Article/rpcisamod.htm>

Документальный фильм «Огонь пылающий»: <http://rutube.ru/tracks/3489141.html>

Иеромонах Андроник "Миссионерский путь в Японию"//Архиепископ Андроник "О Церкви, России", Фрязино, 1997. С. 155.

Епископ Андроник "Беседы о "Союзе Русского Народа", Старая Русса, 1909.

Епископ Андроник "Русский гражданский строй жизни перед судом христианина или основания - смысл Царского Самодержавия", Старая русса, 1909.

Епископ Андроник "Станем добрее, станем со страхом, вонмем. Письма Архиерея к Иереям", Пермь, 1915.

Аликина Н.А. Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП (б) за свободу слова и печати (1920-1922 годы). Пермь: Издательство «Пушка», 2006.

Балмасов С.С., сост. Красный террор на востоке России в 1918-1922 гг. М.: Посев, 2006.

Вяткин В. Пермские архипастыри-новомученики. Пермь, 2000.

Дамаскин (Орловский) иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним.- Кн. 2.- Тверь: Изд-во «Булат», 1996.- С. 82-112.

Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, Кн. изд, 1969.

Королев В., сост. Любовью побеждая страх. Жизнеописания новомучеников Российских. Фрязино, 1998.

Тетерин А.Д. Архиепископ Андроник как миссионер.

Священномученик Андроник (Никольский). Пишу от избытка скорбящего сердца: Сб. писем / Сост. Г. Г. Гуличкиной. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 304 с.: ил. – (Письма о духовной жизни).

Священномученик Андроник в нашей епархии // «Уфимские епархиальные ведомости», №2-3 (213-214), январь 2009. С. 5.

Священномученик Андроник Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания: <http://trezvenie.org/files/books/1/andronik.pdf>

Проповедь священника Филиппа Ильяшенко в 4 неделю по Пятидесятнице – об исцелении Христом отрока и о [священномученике Андронике Пермском](#)

Служба святому священномученику Андронику, архиепископу Пермскому и Кунгурскому: <http://ustavschik.livejournal.com/89484.html>

- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 1](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 10](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 11](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 12](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 13](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 3](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 4](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 5](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 6](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 7](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 8](#)
- [Письма к архиепископу Арсению \(Стадницкому\). Письмо 9](#)
- [Письма к епископу Антонию \(Храповицкому\)](#)
- [Письма к равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому](#)

**Канон святого, глас 6, егоже краегранесие:
Огненнаго Андроника песньми восхвалим.**

Песнь 1

Ирмос: Волною морскою / Скрывшаго древле / гонителя мучителя, / под землю скрыша спасенных отроцы: / но мы, яко отроковицы Господеви поим, // славно бо прославися.

Отверзи, Господи, сердце мое теплохладное, / просвети ум мой непокоривый / и язык безсловестный разреши от уз нечистоты / к похвалению немощнаго воздвизая молитвами угодника Твоего Андроника.

Господеви работать измлада возжелев блаженнее, / ко храму Божию якоже елень на источницы водныя устремлялся еси / и нас, Тебе празднующих водою животворною напои.

На иноческий подвиг Кронштадтским пастырем благословен, / проразумно победитель мужей нареклся еси Андрониче; / в ангельском же чине неустанно подвизаясь, / по имени и житие стяжал еси.

Богородичен: Его же трепещет всякая тварь / во чреве Твоем прияла еси Дево Богоневесто неизреченно; / да воспримет и исцелит естество мое падшее.

Песнь 3

Ирмос: Утверди, Господи, на камени заповедей Твоих подвигшееся сердце мое, яко Един Свят и Господь.

На труды апостольские призываем, / яко ангел в Вифлееме иногда благовествующе, / пастырем явился в Осетинской стране, блаженне, / Христово пришествие, спасение и мир человекам возвещай.

На будущие страдания и скорби уготовляему, / Рим подобаше ти видети, преподобне, / идеже у гробниц первомучеников огнем божественным распалася / и Павловы болезни и труды поминая / хождению по путем Божиим научался еси.

Афинеев благонравие в оскудении видя / об утверждении Руси Святой помышлял еси Андрониче. / Егда же виде латинян яко на зрелище в храм грядущих, / недоуменно пребывая, разгорячение крови их яко смоковницу бесплодную вменял еси.

Господней десницею якоже Авраам в земли чуждей водимый / к апостолу Японии святителю Николаю управлен быв премудре; / идеже благодати Божией обильно содействующей дивяся / в непрестанных трудах благовестия и болезнях обрелся еси Андрониче.

Богородичен: Ослепленнаго житейскими сладьми / неключимаго раба и лукаваго / утверди во стезях Твоих ходити, Владыко Христе Боже наш, / молитвами Рождшия Тя.

Седален, глас 4:

Духом уст воинствуя, / непорочным житием яко щитом огражден, / пламень огненный в скудельнице сердца нося, / во брани креплий явился еси, священномучениче Андрониче, / отечество в верности Православию выну утверждая.

Слава, и ныне, праздника или Богородичен, глас тойже:

Дево Всепетая, / Лествице Умная, / скорбящих всех Помоще, / Стено Нерушимая, / в печалех и бедах Утешительница, / скорый Покров и Заступница / взыщи погибающих нас в беззакониих.

Песнь 4

Ирмос: Услыша пророк / пришествие Твое, Господи, и убояся: / яко хочещи от Девы родитися, / и человеком явитися, и глаголаше: / услышах слух Твой, и убояхся, // слава силе Твоей, Господи.

Архиерейством почтен быв, славне, / яко пастырь добрый плакаше с плачущими и радовашеся с радующимися / в Японстей стране в дома на всяк день входя / яко по пропадем распужненные овцы собирая.

Новгородскую землю в удел святительский прияв, / пределы ея обхождаше, преподобне, / Христу главу не имущему где подклонити, последуя, / нравы исправляя, страсти и пороки обличая, / младенцев возвращать в вере научая / — все добре, творил еси.

Делатель винограда Божия истинный ты еси Андрониче / волчцы бо и тернии огнем словес евангельских посекая, / не давал сна очима и веждама твоим дремания / к покою горних селений влекомый.

Богородичен: Рождество Твое Пречистая Дево изъяснить всяк ум не может: / како на руках носиши Егоже десницею мир носим; / како питаеши о всей твари Промышляющаго.

Песнь 5

Ирмос: От нощи утренююща, Человеколюбче, просвети, молюся, и настави и мене на повеления Твоя и научи мя, Спасе, творити волю Твою

От юности чистоту сердца супружницею избрав, преподобне, / монашеский образ взыскав / истинный ревнитель иноческих правил обрелся еси, славне.

Ночными бденими пред Божественной службой, / постом и воздержанием, смиренной усердной молитвою / и простотою словес Твоих / житие нескверное Богу угодное приносил Андрониче.

Истину возлюбив паче мира сего / и богатства его яко уметы вменяя, блаженне, / чресла препоясав и земныя славы бегая / к славе небесней простираясь сокровищницу Духа наполнял еси.

Богородицен: Кто не прославит рождества Твоего Богоневесто, / токмо возлюбивый тму века сего; / Тобою бо явился нам благодать, просвещающая вся концы.

Песнь 6

Ирмос: Обыде мя бездна последняя греховная, пожре мя множество зол моих, и, стена, вопию Ти, Боже мой: яко пророка Иону, избави, Многомилостиве.

Архиерею изрядный / на престоле святителя Стефана возжен был еси, святильниче святыи, / идеже много потрудишася о просвещении Пермской страны / теплую веру возгревая, храмы возводя; / пастырей и учителей словесных пестун, / сирых и убогих питатель явился славне.

Печалуя об оскудении веры / и ослеплении умов, гордостью помраченных, / оледеневшие сердца благодатными словесы твоими пробуждал, / нерадящих о спасении взыскивал, / непокоривыя к послушанию приводил, Андрониче, / бедствующие люди к покаянию призывая.

Еретическия и безбожныя новыя учения / от врага спасения навеваемыя обличая / и тем губительных волков, расхищающих стадо посрамляя, / к пажитям Христовым чад церковных упасл еси святителю премудрый.

Богородицен: Сластьми греховными в погибель погружаемых / и от тревобления житейскаго моря потопляемых / не презри, Владычице Богородице, призывающих Тя всем сердцем / на милости Твоя уповающих.

Кондак, глас 4:

Якоже апостол славный Павел, / простотою себе украсил еси; / почестей и славы избегая, / в чистоте пред Богом подвизался еси; / архипастырство тяжкое пронесый, / мученическим венцем увенчан // Небесному ныне Архиерею предстоиши.

Икос:

Ангелом Церкви нашея нареченный, / Ея же ради и живот твой положил еси, святителю, / в сонме новомучеников Российских ныне просиявый / прими от нас, подвиги твоя и теплое предстательство поминающих, похвалу сию: / радуйся, Божий избранниче, священная главо; / радуйся, добропобедный о Христе воинниче. / Радуйся, странниче смиренный; / радуйся, Небеснаго Иерусалима взыскателю. / Радуйся, горним силам в любви уподобивыйся; / радуйся, отечество земное в сердце свое вместивый. / Радуйся, в ризу убеленную одеявшийся; / радуйся, в подвизех и страданиях победивый. / Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Песнь 7

Ирмос: Отроцы в Вавилоне / пещнаго пламене не убояшася, / но посреде пламене ввержени, орошаеми пояху: // благословен еси Господи, Боже отец наших.

Нарече тя огонь пылающий / собор отцев, иже в Москве собранный; / серафимски бо к Богу любовию пламеня, / отечество земное возвратится к Каменю, / егоже отвергли зиждущии новое царство / звал Андрониче, вопия: / благословен еси, Господи, Боже отец наших.

Мятежи, насильства и разграбления храмов безбожными чинимыя не терпя, / на страже веры став, славнее, / увещавал беззаконующих непрестанно, / святительским своим омофором от посягательств Церковь, вверенную ти покрывая.

Истине ревнуя, прелесть рая земнаго отвергнув, / безбожия лжу, беззаконие и безстудие мужественно обличал еси, премудре, / Небеснаго Царствия проповедниче быв воспевая: / благословен еси, Господи, Боже отец наших.

Богородицен: Высшая всякия твари явилася еси, Богорадованная Владычице, / чистотою Твоею кивотом священным соделавшаяся / и огонь Божества неопально приемшая.

Песнь 8

Ирмос: За законы отеческия блаженнии в Вавилоне юноши, пребедствующе, царюющаго оплеваша повеление безумное, и, совокуплени имже не сварившася огнем, Державствующему достойную воспеваху песнь: Господа пойте, дела, и превозносите во вся веки.

Оком духовным страдание и смерть свою провидя, / тих и мирен пребывал еси, блаженне, / даже до крове уготовляясь в истине стояти зывая: Господа пойте, дела, и превозносите во вся веки.

Скорбями яко злато в горниле искушен быв, Андрониче, / кормчий непристашен корабля церковнаго / зело обуреваемого житейским морем явился еси вопия: / Господа пойте, дела, и превозносите во вся веки.

Христу подобясь во Иерусалим на страсть Грядущему, славнее, / безумие гонителей посрамляя / торжество веры Православныя знаменовал еси, / егда во дни Пасхи на крестный ход множество народа собрал еси / едиными сердцем и усты воспевающих: / Господа пойте, дела, и превозносите во вся веки.

Богородицен: Выну зовем Ти со архангельским гласом: / радуйся, Богоблагодатная Богородице Дево, / и под кров Твой прибегаем / яко скорой Помощнице во всяком обстоянии.

Песнь 9

Ирмос: Безсеменнаго зачатия Рождество Несказанное / Матере безмужныя нетленен Плод: / Божие бо Рождение обновляет естества. / Темже Тя вси роди, / яко богоневестную Матерь, // православно величаем.

Апостольство и святительство проняся, / в преподобии и правде пожив, / во сто крат уплодоносился еси

Владыце, славне, / в последняя же и мученичества сподобльшися.

Люте озлобленыя гонители страшишася благоухания словес твоих, Андрониче, / со оружием и дрекольми тысящным войском нощию тя обступиша; / нечестием же своим обличаемы, / беззаконный суд вне града спешаши учинити.

Исполнившуся празднику Вознесения Господня, / преисполнен елеем добродетелей явился еси священномучениче, / приятие Духа Небеснаго ожидая / в горняя селения к Небесному Отечеству духом возносился еси / прах клевет и поруганий безумствующих от одежд убеленных оттрясая.

Богородичен: Моления сия наша не презри, Пренепорочная, / но Сыну Твоему и Богу принеси, Всемилостивая, / да спасет нас от огня вечнующаго предстательством Твоим / и святого отца нашего Андроника.

Светилен:

Светом Невечерним просвещен, / светило незаходимое восшел еси, Андрониче, / тму ярящуюся разгоняя; / ныне же, Отцу Светов предстоя, / поминай поющих тя, всечестне.

Слава, и ныне, Богородичен:

Светом девства, Чистая, преукрасившися, Матерь Света соделалась, Богородице Дево; о всех молиши Сына твоего и Бога нашего спастися, просвети, взываю Ти, и тьму мою, Владычице.

Акафист Священномученику Андронику, архиепископу Пермскому и Кунгурскому

Кондак 1

Избранный ревнителю о Церкви и воине Христов, дивный защитниче земли нашае российския, мучением за веру житие твое увенчавый. Восхваляя явившего тя Господа, воспеваети со умилением: Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Икос 1

Ангелом Церкви нашае нареченный, за нее же живот свой положил еси, светло сияеши среди новомучеников российских. Мы же, зряще велия труды твоя и теплое предстательство за нас пред Господем, вопием ти тако: Радуйся, Божиим избранием, священная главо; радуйся, ратоборче о Христе добропобедный; радуйся, горением духа прославленный; радуйся, ко Господу в ризе белой представленный. Радуйся, любовью к Церкви пламенный; радуйся, Отечество в сердце свое восприимый; радуйся, ревностию твоею Богу угодивый; радуйся, в подвизах и страданиях победивый. Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 2

Видев чудную благодать Православия, издетска во храме Господнем приметася возлюбил еси. И святынею церковною воспитанный, выну взывал еси: Аллилуиа.

Икос 2

Разумением словес Господних умудряясь, от юности твоя чистотою и благочестием запечатлелся еси. Духом ко Христу воспаряя, о горнем наипаче помышлял еси. В трудах убо телесных смиряясь, родителей своих почитал еси. Темже мы, постигая велие усердие твое о Господе, воспеваети: Радуйся, измлада Христа возжелавый; радуйся, града Небеснаго взыскавый; радуйся, живот свой Христу посвятивый; радуйся, Тому единому себе предавый. Радуйся, похотений юности избегавый; радуйся, целомудрие, яко сосуд драгий, пронесший; радуйся, в доброделании благоухавый; радуйся, богомыслием освященный. Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 3

Силою Божию укрепляем, учению духовному изрядно прилежал еси; изначала во граде святем Ярославле, по летех немнозех в обители преподобнаго Сергия. Скюдость во всем, яко жребий от Господа, со смирением претерпевая, с благодарностию зывал еси Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имея в делах ученических преуспеяние, молитвою теплою ко Христу подвизался еси. Со любовию к раце мощей преподобнаго прибегая, желанием иночества возгорелся еси. Сего ради во младости своей ангельский постриг прияв, к Богу единому рачение имел еси. Мы же, грешнии, зовем ти:

Радуйся, преподобным Сергием невидимо наставленный;

радуйся, от юности твоя иноче вдохновенный;

радуйся, подвижнице богобоязненный;

радуйся, молитвою и постом украшенный.

Радуйся, иночество, яко велий дар приемый;

радуйся, в усердии к Богу не оскудевавый;

радуйся, заповеди Того в сердца своем написавый;

радуйся, Царства Небеснаго вождемый.

Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 4

Бурею лютых скорбей претерпевая, житие твое свято скончал еси, веру велию сохранив. Сего ради и ныне, яко кадило благовонное, приносиши молитвы Жизнодавцу Богу, выну зывая Ему: Аллилуиа.

Икос 4

Слышав словес божественных премудрость, апостольский подвиг восприяти восхотел еси. Священнейшему Павлу соревнуя, язычников светом Христовым просвещал еси. Богу укрепляюще, вдал еси себе трудом непомерным. Дивящеся таковому твоему тщанию, воспеваем ти сице:

Радуйся, творец слова бывый;

радуйся, апостолом подражавый;

радуйся, алчущих правды ухлебивый;

радуйся, жаждущих напоивый.

Радуйся, сердце свое пастве отворивый;

радуйся, жертвы духовны Богу возносивый;

радуйся, ни единожды возроптавый;

радуйся, тяготы немощных на себе носивый.

Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 5

Божественным желанием горя, в страну японскую стопы твоя управил еси. Апостолу страны сея, святителю Николаю, усердно споспешествуя, Православие в земли чуждей утверждал еси, подвизая паству воспевати Богу: Аллилуиа.

Икос 5

Видя отпадение от Церкви людей японских, в вере неукорененных, любовию отеческою сих объял еси. В дома пасомых во всякий день входя, за Божия посланника принимаем был еси. Ты же, Царствия Небеснаго сподобившийся, услыши нас, поющих ти таковая:

Радуйся, во оружие света облекшийся;

радуйся, в благовестии труды многия положивый;

радуйся, подвигом добрым подвизавыйся;

радуйся, сонмы словом истины напитавый.

Радуйся, стези правы ногама своима прошедый;

радуйся, Христа пред людьми исповедавший;

радуйся, жития со святыми удостоенный.

Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 6

Проповедником богоносным яви тя Господь народу Своему. Служение безупречно совершая, высоко имя Христово пронесл еси, научая верных воспевати Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Воссиял еси светло в земли Российстей, блаженне, егда течение в стране японстей скончавша святыи град Тихвин прием тя архипастырем своим. И тамо вселившись, богомудре, преизлиха Христу работал еси, укрепляя себе молитвами пред чудотворною иконою Богоматере Тихвинскою, от паствы же благодарныя слышав:

Радуйся, во образ верующим представый;
радуйся, радость о Господе имеющий;
радуйся, всяк день благообразно ходящий;
радуйся, от чистого сердца паству свою возлюбивший.
Радуйся, от всякия неправды себе очистивший;
радуйся, умом искусным награжденный;
радуйся, дух премудрости получивший;
радуйся, слово истины право правящий.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 7

Хотение единое имел еси, богомудре, еже сохранитися от врагов и утвердитися Церкви Православней и Отечеству нашему. Сего ради и вдал еси себе подвигом достохвальным, да всяк живой воспоет Господу со умилением: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго угодника Божия разумеша тя христоименитии людие земли пермския, егда на высокую кафедру святителя Стефана взошел еси, блаженне. И нас сподоби зрети святость твою богоприятную и достойно возглашати ти:

Радуйся, Господа в сердца своем освятивый;
радуйся, плод богатый Церкви нашей принесяй;
радуйся, Христову учению повиновавыйся;
радуйся сокровище себе на небесех скрывавый.
Радуйся, храмину свою на камени создавый;
радуйся, от благаго сокровища благое износивый;
радуйся, всего себе правде поработивый;
радуйся, узкими враты на небеса возшедый.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 8

Странствие земное преподобно совершил еси, священномучениче, молитве теплой предаваясь, скудость паче богатства возлюбив, отверзая щедрую руку твою лишенным. Обители иночества устроящая тцанием твоим, да вси вернии вкупе быша воспевали неусыпно Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Вся боголюбивая паства твоя, святителю, видяше тя, яко ангела светла, усердно посещающа пределы архипастырства своего, славу земную ни во что вменивша, простоту же наипаче возлюбивша, апостольскою ревностию пламенеюща, от млада до велика всех ко Христу зовуща. Темже ублажаем тя, дивна Христова труженика:

Радуйся, стадо Божие усердно посещавый;
радуйся, ни единого от паствы отяготивый;
радуйся, ни сребра, ни злата стяжавый;
радуйся, нищетою Христовою обогативыйся.
Радуйся, служение беспорочно совершивый;
радуйся, от всякия скверны себе очистивый;
радуйся, от плотских похотей огребававшийся;
радуйся, иноческаго духа не угасивый.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 9

Всякое естество ангельское возрадовася, видя тя ко Престолу Зиждителю возносима. Тамо и ныне молишися, святителю, о нас неустанно, воспевая Богу немолчными усты: Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещании недоумеют изглаголати веру и терпение святых. И ты, избранниче Христов, всего себе Спасителю предавая, пред кончиною твоею от скорби к скорби шествовал еси, упованием на Господа возрастая. Темже достоин еси песнь слышати сию:

Радуйся, во Христа облекийся;
радуйся, о Господе до смерти претерпевый;
радуйся, воле Божией до конца повиновавыйся;
радуйся, смиренниче велий, Спасителем вознесенный.
Радуйся, искушение веры своя приемый;
радуйся, троическим желанием освященный;
радуйся, Отца Небеснаго прославивый;
радуйся, мзду совершенну от Бога получивый.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 10

Спасительное иго Христово подъяв, от силы в силу восходил еси. Грядущее, яко настоящее постигая, к покаянию всех призывал еси, с чистым сердцем воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Стено Православия и лика святительскаго похвало, на Соборе Церковнем сугубым поборником истины обрелся еси. Сего ради огнем пылающим ты нарекоша. Мы же, недостойнии, приносим ти песнь сию:

Радуйся, яко добрый строитель Благодати Божия, служивый;
радуйся, яко един от древних боголюбием вооруживыйся;
радуйся, душу свою во благия дела предавый;
радуйся, милосердия исполненный.
Радуйся, горение духа своего умноживый;
радуйся, страсти различныя им поपालивый;
радуйся, для всех грехов умерый;
радуйся, в радость Господню возведенный.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 11

Пение благоговейное подобает приносить ти, блаженне, зане и ныне печалуешься о Церкви Православней, о земли нашей Российстей, да всяк просвещенный истиною достойно воззовет Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Светоподательна светильника ты суща, восхотеша врази разлучити с паствою твоею, низвести с кафедры святителя Стефана. Ты же, беззлобия ревнителю, о вразех молился еси. Сего ради, дивящися терпению твоему богоприятному, воспеваем ти таковая:

Радуйся, преизлиха долготерпевый;
радуйся, гонивших ты благословивый;
радуйся, безбожных много обличавый;
радуйся, уста львовы заградивый.
Радуйся, с кротостию противныя наставлявший;
радуйся, в скорбех о Господе возмогавший;
радуйся, исповедником Христовым нареченный;
радуйся, в день посещения Бога прославивший.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 12

Благодать дивную приял еси от Бога, святителю Андрониче: лютыя скорби со смирением претерпевати, заблуждшия пути Христову наставляти, верным рабом Господним и в обстояниих быти, воспевающим Ему: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще твою чудную любовь о Христе, величаем тя, блаженне, яко благосердаго предстателя о нас пред Господем и возлагаем ти сице:

Радуйся, яко ученицы Христовы, гонениям повергавыйся;
радуйся, мыслями о страданиях вооруживыйся;

радуйся, убивающих тело не убоявыйся;
радуйся, любовью совершенною страх изгонивый.
Радуйся, яко воин Христов, злопострадавый;
радуйся, душу свою ради Господа погубивый;
радуйся, яко овца посреде волков, посланный;
радуйся, в покой Божий восхищенный.
Радуйся, святителю Андрониче, Христовы Церкви велелепое украшение.

Кондак 13

О, всехвальный исповедниче Христов и страдальче, святителю благомощный Андрониче! Приими пение наше всеумиленное, приносимое из сокрушенных сердец, и умоли Всевышняго милостиво внимати покаянным нашим молитвам, да, очищеннии и совершеннии, вкупе с тобою воспоем Богу в Царствии Славы: Аллилуиа.

Сей кондак глаголи трижды, посем Икос 1 и Кондак 1.

Молитва

О священная главо, святыи священномучениче Андрониче, архиереев удобрение и молитвенниче о земле нашей дивный! Ты, вся красная мира сего ни во что же вменивый, и, по слову Господню, душу твою за други твоя положивый, помози нам, в расслаблении сущим, и теплохладностию сердечною обдержимым! Укрепи расслабленная колена сердец наших и настави нас на путь покаяния и крестоношения. Напоивый землю нашу Пермскую честною твоею кровию, не остави нас сирых, чад твоих, буди нам заступник и ходатай пред Престолом Вседержителевым. Сугубый венец - святительский и мученический - от Господа приемый, укрепи нас пред лицом грядущих испытаний. Собери нас, расточенных, под единою главою - Христом, Коему слава, честь и поклонение подобает со Отцем и Святым Духом, ныне и в безконечные веки.

Аминь.